

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ЯЗЫК И СТИЛЬ
НАУЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ

853730

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

В сборник включены статьи, посвященные различным проблемам функционального стиля научной литературы в русском, английском, немецком и французском языках. Рассматриваются как общеметодологические проблемы выделения данного функционального стиля, становления и изучения его специфики, так и конкретные черты стиля научной литературы — морфологические, синтаксические, лексические и фразеологические. В ряде статей исследуются процессы развития и функционирования научной и технической терминологии.

Редакционная коллегия:

М. Я. ЦВИЛЛИНГ (отв. ред.),
М. К. ПИГАЛЬСКАЯ, Н. М. РАЗИНКИНА

ЯЗЫК И СТИЛЬ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Теоретические и прикладные проблемы

Утверждено к печати Кафедрой иностранных языков АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*. Художник *Л. С. Эрман*

Художественный редактор *Т. П. Поленова*

Технический редактор *С. Г. Тихомирова*. Корректор *Л. И. Кириллова*

Сдано в набор 7/XII-1976 г. Подписано к печати 22/III-1977 г. Формат 84×108^{1/32}
Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 16,0. Тираж 3600
Тип. зак. 1528. Цена 1 р. 44 к.

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., д. 10

Я 70104—115
042(02)—77 —401—77

© Издательство «Наука», 1977 г.

М. Н. КОЖИНА

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ
НАУЧНОГО СТИЛЯ

И НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЕГО РАЗВИТИЯ
В ПЕРИОД НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Если совсем недавно, до 60-х годов нашего века, изучение научного стиля, помимо вопросов терминологии, почти не занимало лингвистов¹, то в наше время это одна из актуальнейших проблем языкоznания. Такой поворот научных интересов обусловлен как активизацией социолингвистических проблем, в частности проблематики литературного языка и его функциональных разновидностей², так и фактором внелингвистическим: стремительным развитием в послевоенные годы научно-технической революции (НТР).

Невиданные ранее темпы и размах развития науки, превращение ее в непосредственную производительную силу общества, естественно, привели к возросшему самознанию науки. Оно выражается в актуализации проблем истории и психологии научного творчества и мышления, проблем прогнозирования науки и управления наукой и вызвало к жизни появление особой новой отрасли знаний — науковедения или науки о науке.

Среди аспектов комплексного изучения науки, научного творчества и мышления называют обычно философский,

¹ По традиции считалось, что изучение научного стиля — удел лишь естествоиспытателей и историков науки. См.: Р. А. Будагов. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.

² Ср. справедливое замечание В. Н. Ярцевой о том, что в общем процессе интеллектуализации литературных языков научной речи принадлежит видная роль. См.: В. Н. Ярцева. Международная роль языка науки.— Сб. «VII Международный социологический конгресс. Варна, 1970. Доклады советской делегации». М., 1970.

логический, психологический, исторический. К ним, конечно, следует присовокупить и лингвистический, ибо мышление человека, ученого в процессе творчества и объективация результатов творчества фиксируются в речи. Следовательно, изучение речи и, таким образом, лингвистический аспект исследования должны помочь выяснению некоторых сторон комплексной научоведческой проблематики.

Однако и для самой лингвистики изучение научной речи представляет большой интерес и имеет несомненное теоретическое и практическое значение, обогащая наши знания о функциональной природе языка, о закономерностях функционирования языка в одной из ведущих сфер общения в современном обществе — в сфере науки. Отсюда особенно важной практически становится разработка вопросов и сопоставительной стилистики научного стиля речи.

Все эти проблемы в свою очередь могут быть успешно решены лишь па правильной методологической основе. Для стилистики вообще и, в частности, для сопоставительной стилистики научной речи такой истинной методологической и теоретической основой являются положения марксистского языкознания о диалектической связи языка и мышления, о социальной обусловленности языка, разработанные в трудах советских ученых — О. С. Ахмановой, Р. А. Будагова, В. В. Виноградова, Л. С. Выготского, Б. М. Кедрова, А. Н. Леонтьева, И. И. Мещанинова, В. З. Панфилова, Я. А. Пономарева, Б. А. Серебренникова, Ф. П. Филина, В. Н. Ярцевой, М. Г. Ярошевского и др.

Одной из основных проблем стилистики, в том числе сопоставительной стилистики, от верного решения которой зависит успех исследований в этой области, является проблема соотношения лингвистического и экстралингвистического. Правильная ее постановка и решение применительно к стилистике позволяют найти действительные (а не мнимые и субъективные, как это порой наблюдается) стилемобразующие экстралингвистические факторы, которые в свою очередь помогают вскрыть закономерности функционирования языка в сфере науки и истинную специфику стиля научной речи.

К сожалению, важность для стилистики этой проблемы нередко недооценивается. При этом обнаруживаются две

позиции. С одной стороны, специальное теоретическое изучение пограничных экстралингвистических проблем считается не лингвистическим предметом, такое мнение, кстати, идет еще от Ф. де Соссюра. С другой, считая зависимость стилистического от экстралингвистического самоочевидной, ученые не уделяют ей достаточного внимания, не возводят «в ранг» теории. Отсюда происходят либо вульгаризация и прямолинейность, либо субъективизм в решении проблемы, в связи с чем страдает эффективность стилистических исследований. Так, во многом из-за недооценки этой проблемы не находит удачного и общепринятого определения центральное понятие стилистики — стиль; целиком той же причиной вызван и разнобой в классификации функциональных стилей. Именно этим объясняются и неудачи определения стилевых черт и многие другие. Напротив, удачно найденной экстралингвистической основой обусловлены известные успехи в изучении специфики отдельных функциональных стилей и закономерностей функционирования в них языковых средств, а также в области сопоставительной стилистики и перевода научной литературы³.

Очевидно, плодотворной для стилистики является идея о функционально-семантических категориях⁴, опирающаяся в свою очередь на учение о понятийных категориях О. Есперсена и И. И. Мещанинова, а также на разработку В. В. Виноградовым категории модальности. Думается, что именно на основе функционально-семантической категории отвлеченно-обобщенности/конкретности, имеющей функционально-стилистическую значимость (и находящей свое выражение, в частности, в строгой обусловленности употребления языковых единиц определенными сферами общения и типом содержания), может быть достигнуто объективное определение специфики научной

³ См. также удачное определение таких понятий, как «описание», «повествование», «рассуждение» в связи с верно найденной экстралингвистической основой соответствующих явлений в книге О. А. Нечаевой (см.: О. А. Нечаева. Функционально-семантические типы речи. Улан-Удэ, 1974), хотя оно и требует еще некоторых корректировок в связи с необходимостью углубления функциональных основ определений.

⁴ См.: А. В. Бондарко. Система времен русского глагола. ДД. Л., 1968.

речи, с одной стороны, и художественной речи — с другой⁵.

Успех стилистических исследований, объясняющийся силой теории стиля, опирающейся на экстралингвистическую основу, обусловлены тем, что стиль — категория «насквозь» функциональная. Стиль возникает только при употреблении языка, т. е. при непременном воздействии на речь экстралингвистических факторов, и оценивается в соотношении с этими факторами как целесообразное или нецелесообразное использование языковых средств для выполнения определенных коммуникативных задач. Поскольку функционирование языка, стилеобразование происходят не в безвоздушном пространстве, а в конкретных, хотя и типовых, традиционных ситуациях, постольку и изучаться эти явления должны в контексте этих ситуаций. Однако верно определить их параметры — дело не столь простое и очевидное, как иногда кажется, отчего и происходит в стилистике разнообразие концепций, принципов, формулировок, номенклатур. Поэтому в настоящее время остро необходима разработка специальной теории: функциональной теории экстралингвистических стилеобразующих факторов (действительно стилеобразующих, как сильных, так и слабых), в том числе — иерархии этих факторов по их стилеобразующей значимости. Исходной методологической основой должны быть уже упомянутые труды советских ученых о диалектической связи языка и мышления, о социальной природе языка и его функционирования, а также достижения советской психологии, гносеологии, науковедения.

Нам уже приходилось отмечать, что исходным экстралингвистическим стилеобразующим базовым комплексом факторов, вытекающим из связи функционирования языка и мышления, является комплекс: форма общественного сознания с соответствующими ей видом деятельности и формой мысли. Эти факторы обуславливают цели и задачи общения в конкретной его сфере и тип содержания высказа-

⁵ См. об этом: М. Н. Кожина. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, стр. 122—137.

зываний, а также традиционность ситуаций общения. Названный комплекс лежит в основе классификации известных функциональных стилей (в том числе и научного) и определяет их специфику. Он же, по-видимому, должен учитываться и при построении сопоставительной стилистики научной речи. Этот комплекс потому объективно является базовым, исходным и, следовательно, первичным и главнейшим, что представляет собой один из компонентов единства речи и мышления, т. е. самый глубинный и определяющий «ярус» в соотношении лингвистическое — экстралингвистическое. На него затем «наслаждаются» и во многом из него «проистекают» другие экстралингвистические факторы, обусловливающие те или иные лингво-стилистические явления речи, в частности, функционального научного стиля.

Наука — это система развивающегося знания, «осуществляемого» через логическое движение понятий как закрепленных в языке форм мысли в процессе отражения и познания действительности, и вместе с тем это — сфера деятельности людей. Научные знания производят конкретные индивиды и их коллективы. Обращаясь к изучению научной речи с учетом единства языка и мышления, невозможно игнорировать при анализе ее стилевых черт и закономерностей функционирования единиц языка называемые экстралингвистические факторы: их свойства, их значения в обществе и в соответствующей сфере общения. Исходя из всего этого и из уже имеющихся данных анализа научной речи в сопоставлении с другими функциональными стилями, действительно специфическими чертами научной речи следует признать обобщенно-отвлеченность и подчеркнутую логичность (подчеркнутую потому, что вообще известная логичность присуща почти всякой речи, всякому высказыванию; кроме того, в научной речи логичность, связность речи действительно подчеркивается, т. е. выражается рядом специальных средств и способов, о чем имеется обширная литература). Такой подход, думается, должен быть эффективным и при сопоставительных исследованиях научного стиля, представленного в разных языках.

Как справедливо отметила в одной из своих работ В. Н. Ярцева, «стиль научной прозы имеет некоторые общие тенденции вне зависимости от конкретных

«языков»⁶ (подчеркнуто нами.— *M. K.*). Соединение этого принципа — принципа общности одного и того же функционального стиля, в том числе научного, представленного разными европейскими языками, с принципом определения функциональных стилей и их классификации (на указанной выше экстраглавистической основе — базовом комплексе факторов), по-видимому, закладывает основы для эффективного развития сопоставительной стилистики. Собственно, общие тенденции развития научного стиля в разных языках и — шире — вообще известная, а также достаточно глубокая общность стиля научной литературы на разных языках⁷ проптекают именно из общности указанной экстраглавистической основы (базовый комплекс факторов); именно она определяет и обясняет общность и единство научного стиля в разных языках.

Поскольку форма мышления, цели и задачи общения, определяемые формой общественного сознания, назначением науки в обществе, едины в сфере научного общения независимо от языка, поскольку общими для научного стиля разных языков являются и закономерности функционирования в этой сфере языковых средств, а также специфические черты стиля. Вытекающие из строго понятийной и подчеркнуто логической формы мышления в науке основные специфические черты научной речи — обобщенно-отвлеченность и подчеркнутая логичность — оказываются, таким образом, общими специфическими чертами научного стиля разных языков. Реализация же их в конкретных лингвистических признаках и отчасти в принципах отбора и сочетания конкретных языковых единиц обусловлена уже особенностями самих языков. Однако и на функционально-семантическом уровне общность стиля проявляется иногда даже как бы вопреки «природе» конкретного языка. Например, в русском языке именно в научном стиле, как результат проявления отвлеченно-обобщенности мышления и в процессе создания и реализации соответствующей стилевой черты, формы кратких прилагательных начинают функционировать не в обычных для этих форм русского языка значениях вре-

⁶ В. Н. Яцева. Указ. соч., стр. 15; см. также: М. Н. Кожина. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1966, стр. 248.

⁷ Имеются в виду прежде всего европейские языки.

менного признака (ср. *мать б о л ь н а*, но *мать б о л ь н а я*) как значениях более конкретных, но в значении признака постоянного (*белки с л о ж н ы*, *кислоты д в у о с н о в н ы*), поскольку такое значение согласуется с общестилевой чертой научной речи — ее обобщенно-отвлеченностью.

Как мы пытались доказать в одной из наших работ, функциональный стиль обладает стилистико-речевой системностью, он представляет собой явление глубоко системное, все языковые единицы разных ярусов которого взаимосвязаны и взаимообусловлены в процессе функционирования на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, в результате чего и образуется общая стилевая окраска речи⁸. При этом, например, отвлеченно-обобщенность научной речи проявляется в закономерностях функционирования единиц различных ярусов языка именно в функционально-стилистических особенностях последних.

В научной речи активизируются, таким образом, отвлеченно-обобщенные значения всех тех языковых единиц и категорий, которые способны иметь и выражать это значение. Если же та или иная языковая единица или категория сама по себе не имеет такого значения, то оно все же, как правило, выражается контекстуально, различными описательными способами. Причем это свойство стиля нельзя понимать элементарно и упрощенно как, например, обусловленность употребления прошедшего времени глагола зависимостью от содержания высказывания (например, о событиях прошлого). Использование форм настоящего абстрактного (или вневременного) как форм с отвлеченным семантико-грамматическим значением и степень их частоты в тексте — с одной стороны, и прошедшего времени как форм более конкретного значения — с другой, обусловлено не только, а главное, не столько содержанием высказывания (о событиях прошлого или настоящего — это факт вторичного порядка), сколько характером мышления и задачами общепринятой в научной сфере. Это связано, в частности, и с активизируемыми здесь способами изложения⁹ — либо описанием, либо повествованием, либо рассуждением

⁸ См.: М. Н. Кожина. О речевой системности научного стиля...

⁹ Или, по терминологии О. А. Нечаевой (указ. соч.), — типами речи,

(и их соотношением). Поэтому не случайна, а закономерна высокая насыщенность научной речи языковыми единицами наиболее отвлеченного значения и на лексическом, и на грамматическом уровнях (ср. функционирование в научной речи рода и числа существительных; времени, грамматического вида, лица глаголов; личных местоимений и т. д.), в том числе — ослабленного грамматического значения как одного из способов выражения обобщенно-отвлеченности.

В силу экстравалингвистической общности научной речи, в силу адекватности специфических черт научного стиля в разных языках, а также известной общности закономерностей функционирования в них языковых единиц и в то же время глубокой речевой системности стиля в значительной мере облегчаются поиски закономерностей функционирования языковых единиц и категорий с их значениями в научном стиле того или иного языка, т. е. в аспекте сопоставительной стилистики. Основой сопоставительной стилистики, увеличивающей эффективность ее исследований и силу предсказуемости, должна быть именно опора на указанные выше принципы определения стилистических признаков научной речи.

Сказанное позволяет вскрыть наиболее конструктивный принцип для дальнейших исследований научного стиля как принцип сопоставительной стилистики, который в свою очередь покоятся на общности научного стиля разных языков. Этот принцип заключается в следующем. Если сопоставить парадигматику и синтагматику разных языков на всех ярусах языковой системы кроме, по-видимому, фонетического, то в сфере научного общения функционирование аналогичных¹⁰ в двух или нескольких языках категорий и языковых единиц будет одинаковым или близким, «синонимичным». Имеются в виду значения этих категорий и единиц и частота их употребления. Таковыми же будут и основные специфические стилевые черты научных текстов на разных языках.

Так, если для русского научного стиля характерна активизация в тексте, в том числе высокая частотность,

¹⁰ Например, категория и формы числа или рода существительных в русском и, положим, в немецком.

функционально-семантических обобщенно-отвлеченных значений языковых единиц, что на лексическом уровне выражается преобладанием абстрактной лексики и конкретных слов отвлеченного значения или выражающих общие понятия, а на уровне морфологического-интонационном проявляется в активизации, например, существительных среднего рода как более отвлеченных по семантике, в особых значениях единственного и множественного числа (не в обычном значении, выражающем идею счета единичных предметов), в употребительности глаголов вневременного значения у форм настоящего и даже будущего и т. д.¹¹, то аналогичная картина должна обнаружиться и в научных текстах на других европейских языках. При этом формы выражения, естественно, могут варьироваться в зависимости от структуры конкретного языка: там, где есть «аналогичные формы» в аналогичных значениях, именно они и будут употребляться в научной речи (причем, в близких частотах). Там же, где таких аналогий нет, данное значение все же, как правило, будет реализоваться, но иными, контекстуальными средствами, иногда иными формами, которые можно считать синонимичными, положим, русским.

При этом, если взять язык X, малоисследованный в аспекте функциональной стилистики, и обнаружить в нем аналогичное уже изученному языку употребление в научной речи хотя бы одной из форм или категорий, то можно приблизительно восстановить всю картину функционирования единиц этого языка в сфере научного общения, стилевую специфику и единство функционально-семантической стороны последнего. Это возможно потому, что речевая системность функционального стиля, в данном случае научного, представляет собой взаимосвязь средств внутри каждого языкового уровня (яруса) и между ними (т. е. по горизонтали и вертикали) на основе выполнения ими единого коммуникативного задания и, следовательно, единства функционирования.

Представленный принцип исследования, отражающий функционально-семантическую природу стиля, можно назвать принципом аналогии или дополнительности, по-

¹¹ О специфике функционирования грамматических средств языка см.: М. Н. Кожина. О речевой системности научного стиля...

скольку он позволяет по аналогии заранее известным образом заполнять «белые пятна» и тем самым ориентироваться в функционально-стилистическом сопоставительном исследовании научной речи.

Этот принцип прежде всего касается функционально-семантической стороны стиля речи (разных языковых уровней), он позволяет выявить закономерности функционирования языковых единиц с учетом их звучаний (в том числе контекстуальных), их функционально-стилевой окраски и частоты использования, насыщенности этими единицами научного текста одного и другого сопоставляемого языка. Однако в известной степени он помогает «предсказывать» активизацию в научной речи или даже образование в ней не характерных для других сфер языка формальных признаков, т. е. касаться уже не семантики языковых единиц и их функциональной окраски, но языковых форм, структурной стороны изучаемых языков. Так, например, русской научной речи, вопреки обычному употреблению (т. е. в других стилях), свойственно широкое использование форм множественного числа именительного падежа от отвлеченных и вещественных существительных (*минимумы, максимумы, деятельность*). Та же картина свойственна и английской научной речи¹². По-видимому, она известна и немецкому научному стилю, и научному стилю других языков.

Обратим внимание на то, что применимость принципа аналогии и его эвристическая значимость вытекают именно из указанной трактовки функционального стиля и его специфических черт. И это потому, что указанный принцип исходит из глубокого единства речи и мышления, из выявления той экстралингвистической основы научного стиля, которая определяет тип мышления и тип содержания, в свою очередь обусловленные формой общественного сознания и соответствующим видом деятельности. Они-то и определяют задачи общения в этой сфере и оказываются действительно стилеобразующими для научной речи.

Стилевая близость научной литературы на разных языках, ее функционально-семантическая общность и общность закономерностей функционирования грамматических форм и категорий подтверждаются целым рядом

¹² В. Н. Шокуров. Глаголы happen и occur в функции характеристики события на материале английской научной прозы. «Язык научной литературы». М., 1975, стр. 164.

уже исследованных языковых фактов. Вот несколько примеров, в основном из статей авторов одного сборника¹³. Так, М. Джавлалов отмечает удивительную близость в соотношении качественных и относительных прилагательных в немецкой научной и художественной речи сравнительно с русской (расхождения лишь в единицах и долях процента!). Е. А. Рейман свидетельствует об аналогичных по значению русской научной речи форм настоящего (Present Indefinite) и будущего: в абстрактном, или, по терминологии автора, невременном значении типичных для английских научных текстов¹⁴. То же характерно и для русских научных текстов. Для сопоставительной стилистики и для иллюстрации описываемого метода исследования существен и вывод статьи Л. А. Филатовой¹⁵ о полном семантическом соответствии лишь у слов, выражающих специальные понятия, и у терминов, т. е. лексических единиц, специфичных именно для научной речи, а не общеязыковых. Интересен для сопоставительной стилистики и вывод статьи В. П. Кобкова: «В разных языках, вследствие их структурных особенностей, устранение ненужной избыточной информации происходит по-разному. Однако основные способы сжатия текста во всех языках одни и те же»¹⁶ (разрядка паша.— *M. K.*). Вывод сделан на материале научных текстов.

Даже и в историческом плане, как показывает сопоставление некоторых данных о научном стиле английского языка XVII в. (например, в работах О. А. Швецовой¹⁷ или Т. С. Тетериной¹⁸) с особенностями раннего русского научного стиля, также обнаруживается известная аналогия в закономерностях функционирования

¹³ «Язык научной литературы». М., 1975.

¹⁴ См.: *E. A. Рейман*. Об употреблении времен в английской научной прозе. «Стилистико-грамматические черты языка научной литературы». М., 1970.

¹⁵ См.: *Л. А. Филатова*. О характере семантических соотношений в интернациональной лексике научной литературы (на материале английского и русского языков). «Язык научной литературы». М., 1975.

¹⁶ *В. П. Кобков*. Способы сжатия текста при переводе научно-технической литературы.— Там же, стр. 236.

¹⁷ *О. А. Швецова*. К проблеме становления научного стиля в английском языке (прием интимизации повествования).— Там же.

¹⁸ *Т. С. Тетерина*. Становление научного стиля английского языка. АКД. М., 1973.

языковых средств — например, времён глагола — и, кроме того, в функционально-семантических особенностях и стилистических характеристиках более широкого плана (взаимодействии стилевых черт, жанровых и др.).

В связи с этим, думается, что привлечение описанного «принципа аналогии» в какой-то степени позволяет определить тенденции развития научного стиля, общие для разных языков (при учете, конечно, закономерностей развития самих этих языков). По-видимому, особенно это касается лингвистики текста, элементов синтаксиса на сверхфразовом уровне. Так, если по предварительным данным в современных русских научных текстах обнаруживается увеличение удельного веса и вместе с тем «кристаллизация» средств связи самостоятельных предложений, в частности конструкций связи¹⁹, то эта тенденция должна быть присуща и научному стилю других языков.

Взаимосвязь лингвистического и экстралингвистического обнаруживается во всех явлениях стилистики. Поэтому без учета соответствующей проблемы не может решаться по существу ни один вопрос этой науки.

Изучение специфики научного стиля и тенденций его развития выдвинуло одну из проблем, которая неоднозначно решается разными учеными. В каком направлении идет развитие научного стиля? К полной ли обобщенности и абсолютной безэмоциональности, неэспрессивности, а также неличном у характеру изложения²⁰ или в сторону сохранения известной экспрессивности, эмоциональности, индивидуальности стиля?²¹

Для правильного решения этого вопроса необходим не только всесторонний анализ большого и разнообразного по жанрам и по видам науки текстового материала,

¹⁹ См.: М. П. Котюрова. Лингвистическое выражение связности речи в научном стиле. АКД. Саратов, 1974.

²⁰ Точка зрения О. А. Лаптевой (см.: О. А. Лаптева. Внутристилевая эволюция современной русской научной прозы. «Развитие функциональных стилей современного русского языка». М., 1968, стр. 136, 139, 144 и др.).

²¹ Ср., например, позицию Н. М. Разинкиной (см.: Н. М. Разинкина. О преломлении эмоциональных явлений в стиле научной прозы. «Особенности языка научной литературы». М., 1965, и другие работы этого автора).

но и рассмотрение экстралингвистической стороны явления.

Действительно, для современной науки характерна тенденция ко все большей абстрагизации и объективизации, особенно в связи с распространением дедуктивного метода и применением математической логики. Этот факт, известная математизация мышления и стиля, обнаруживающаяся во многих научных текстах, а также широкая коллективность научного творчества и вместе с тем редакторская правка (подчас нивелирующая индивидуальность стиля, что особенно ощутимо в жанре статей²²) усиливают обобщенность, объективизированность, безэмоциональность выражения. В целом такая тенденция действительно характерна для научной речи, а для отдельных ее жанров и видов в особенности. Означает ли это, однако, что современному и будущему научному стилю в принципе противопоказаны экспрессивность, эмоциональность, индивидуальность? Для ответа на этот вопрос необходимо глубже разобраться в экстралингвистической основе стиля и, в частности, в свойствах научного мышления, в особенностях творчества и общения в сфере науки (в том числе и в тех изменениях, которые характерны для науки и научного творчества периода НТР).

Конечно, научному мышлению прежде всего свойственна понятийность, строгая логичность и объективность, что и находит свое выражение в научном стиле, создавая его специфику. И вместе с тем абсолютизация этих черт — как у мышления, так и у стиля — ведет к односторонности и, следовательно, в конечном счете, оказывается неверной. В действительности, тенденция к абстрагированию и объективности как процесса мышления, так и изложения научных фактов отнюдь не противоречит проявлению интуиции, воображения и тем самым образности, эмоциональности и других форм велогического мышления в научном творчестве. Последнее, естественно, находит выражение и в стиле научной речи. Мысление, так же как и общение в сфере науки, следует понимать как деятельность людей. Необходимо помнить и о том, что «научные знания производят конкретные индивиды... и от их

²² Ср. заявление О. А. Лаптевой: «Редакторы стремятся к уничтожению любого оценочно экспрессивного слова» (указ. соч., стр. 139).

стиля мышления»²³ зависит и стиль научной речи, который невозможно понять вне учета всех сторон живого мышления и творчества. Отсюда следует, что неверно было бы рассматривать язык науки, а тем более стиль, в отрыве от творящих его индивидов, в отрыве от свойств человеческого мышления и научного творчества. По-видимому не случайно, что в последнее время все более часто стали вспоминать верное бюффоновское выражение, что стиль — это человек.

Научное мышление протекает в единстве логико-понятийной, интуитивной и конкретно-образной сторон, хотя примат в окончательной «обработке» научного знания остается за первым элементом. При этом научное мышление представляет собой двусторонний акт, определенный²⁴. Пусть последнее и не находит адекватного выражения в речи (научная речь монологична), но известное влияние на стиль речи оказывает. Причем характерно то, что в периоды научных революций — в том числе (и в особенности) в современной научно-технической революции — роль интуиции, диалогичности мышления, по свидетельству психологов и историков науки, не только не уменьшается, но даже увеличивается. Это связано с тем, что в период НТР происходит интенсификация научных открытий (известно, что за полвека их сделано больше, чем за всю предшествующую историю человечества). Между тем всякое открытие, ломка старых теорий и утверждение новых сопровождается активной «работой» интуиции и воображения, необходимостью оценивать и критиковать известное, доказывать, убеждать, утверждая новое в науке (порой в довольно жестокой борьбе мнений).

²³ См.: «Проблемы научного творчества в советской психологии». Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1971, стр. 5 (Предисловие).

²⁴ См.: *M. C. Глазман*. Научное творчество как диалог. «Научное творчество». М., 1969; *B. C. Библер*. Творческое мышление как предмет логики.— Там же.— Вообще при рассмотрении проблем научного стиля и тенденций его развития необходимо учитывать, естественно, достижения советской философии (теории познания), психологии, науковедения, в частности, исследования: *Б. М. Кедров*. О теории научного открытия. «Научное творчество»; *A. H. Леонтьев*. Проблемы развития психики. М., 1972; *Я. А. Пономарев*. Психика и интуиция. М., 1967; *М. Г. Ярошевский*. О трех способах интерпретации научного творчества. «Научное творчество»; «Проблемы научного творчества в советской психологии». М., 1971; кн. «Человек — наука — техника». М., 1973, и мн. др. работы.

Все это невозможно также без увлеченности²⁵ и, следовательно, проявления эмоционального начала²⁶. Естественное научное мышление (человеческое — в отличие от «машинного») потому и является творческим, потому и способно создавать новые знания, что оно есть проявление не только чисто логического, но и интуиции, воображения и т. д. Именно этими «прибавками» к логическому отличается естественное научное мышление (и творчество); они входят в мышление как необходи́мы́ его компонент, выступая в единстве с логико-понятийными «компонентами».

Все это обнаруживается не только в «стадии» внутренней речи, походит известное эксплицитное, языковое выражение в стиле научной речи, т. е. «во внешней речи». Это закономерно в силу единства языка и мышления. Было бы не только односторонне и неверно определять научное мышление лишь как логико-понятийное, игнорируя интуицию и другие названные выше факторы, т. е. разрывать указанное единство «компонентов» этого мышления. Неверно также считать экспликацией научного стиля лишь отражение логико-понятийной стороны мышления в научной речи, «списывая» все другие качества научной речи за счет публицистичности (а такое мнение имеет место²⁷).

Итак, «полнокровное» научное человеческое мышление определяет задачи и характер общения в научной сфере, а также многогранность и стилевое богатство научной речи. Таким образом, признавая специфическими чертами научного стиля понятийность и подчеркнутую логичность, ему нельзя отказать и в той или иной степени образности, эмоциональности и в целом экспрессивности²⁸. Причем, последние черты, в силу действия отмеченных экстралингвистических факторов, в принципе не могут исчезнуть из научного стиля и более того, по-видимому, даже активизируются в нем в период НТР. Однако в силу некоторых

²⁵ Я. А. Пономарев. Психика и интуиция, стр. 24.

²⁶ Вспомним еще и еще раз высказывание В. И. Ленина: «... без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *иска́ния истины*» (Полн. собр. соч., т. 25, стр. 112).

²⁷ См.: О. А. Лаптева. Указ. соч., стр. 136.

²⁸ О необходимости выразительности и яркости научной речи см.: Р. А. Будагов. Литературные языки и языковые стили. М., 1967, стр. 229—231 и др.

других, также экстралингвистических причин, проявление этих свойств стиля в современной научной речи претерпевает определенные изменения. Прежде всего обнаруживается неравномерность проявления экспрессивности (и эмоциональности) во всем массиве научных текстов. Интенсивность проявления этих черт речи уменьшается в работах чисто информационного и описательного характера (и в соответствующих научных жанрах)²⁹, но сохраняется в работах теоретического характера, сообщающих о научных открытиях, о новых идеях в той или иной области науки. Больше всего это обнаруживается в жанре монографии (особенно в монографиях, написанных крупными учеными) и в жанре статьи, особенно по дискуссионным вопросам (правда, статьи, как указывалось, в большей степени подвергаются редакторской правке, нивелирующей стиль).

Само различие предмета и методов научного исследования и целей общения в разных отраслях науки обуславливает разделение научного стиля по степени его экспрессивности на стиль естественно-научных текстов (особенно так называемых точных наук³⁰) и стиль речи наук общественных. Однако это не означает того, что первым экспрессивность вообще не свойственна или что она из них исчезает. Наблюдения показывают, что экспрессивность не исчезает, но она меняет свои формы, характер, средства и способ своего выражения.

Итак, экспрессивность в современной научной речи выступает не только в традиционных формах и средствах, но и в новых. В чем же они заключаются? Вопрос этот еще не исследован. На основе предварительных наблюдений можно сказать следующее. В связи с процессом кристаллизации научного стиля и средств его выражения характер экспрессивности и ее средств становится более строго функциональным (обоснованным целями и задачами общения именно в данной сфере). Научный стиль и его экспрессивность (средства ее реализации) освобождаются при этом от субъективизма, чистой публицистичности и разговорных интонаций³¹, т. е. стилевых примет других

²⁹ Кстати, доля таких работ в современной научной литературе довольно велика.

³⁰ Вообще текстов тех исследований, в которых применяются математические методы.

³¹ Но не разговорных средств вообще.

функциональных стилей³². Таким образом, можно говорить об известной отточенности средств экспрессивности современного научного стиля (но отнюдь не об отказе вообще от экспрессивности), о более строгой их функциональной обусловленности. Кроме того, изменение характера экспрессивности, иначе выразительности, научной речи, идет в направлении шлифовки и развития средств, если так можно выразиться, интеллектуальной экспрессивности. Ее достижению содействует предельная четкость и ясность выражения научной мысли, убедительность изложения, достигаемая не только строгой логикой аргументации, но и выбором языковых средств выражения последней. Большое значение при этом имеет синтаксис и, в частности, средства связи самостоятельных предложений. Поскольку одна из нормативно-функциональных задач научного сообщения — наиболее точное, ясное и убедительное, адекватное содержанию выражение мысли, постольку средства и способы выполнения этой задачи, тем более в случае оптимального соответствия своему назначению, следует признать экспрессивными. В научной сфере именно они делают речь наиболее выразительной (ср.: единство формы и содержания, функциональный принцип оценки стиля).

В современных научных текстах нередки и такие средства выразительности, как параллелизмы, повторы, экспрессивные уточнения, ремарки-вставки, специальные выделения отдельных членов предложения, оборотов, придаточных предложений, широкое использование однородных членов предложения в целях выразительности и др.

Вместе с тем стилистике научной речи свойственна выразительность не только логического, но и эмоционального плана, достигаемая средствами различных языковых уровней, а не только синтаксического. Наиболее употребительными при этом оказываются разного рода суперлятизы (*крупнейший, величайший, колossalный, первоочередной, наивысший, огромный, сильнейший, превосходный, грандиозный, чрезвычайный, ничтожный*), кроме того, усили-

³² На это справедливо (но со слишком категорическими заключениями и выводами) указывает О. А. Лаптева (указ. соч., стр. 129, 133, 137 и др.). См. также: О. Б. Сиротинина, С. А. Бах, В. А. Богданова и др. Изменения в языке научной прозы. «Вопросы стилистики», вып. 3. Саратовский гос. ун-т, 1969, стр. 33, 41 и др.

тельные частицы, наречия, местоимения (очень, лишь, даже, только, уже, совершенно, исключительно, бесконечно, слишком, отнюдь), иногда иностилевая лексика со специальным стилистическим заданием, в том числе использование и «высокой» и сниженной, в частности разговорной, лексики (ср., с одной стороны — *мощный, неисчислимый, ознаменовать, могучий, ныне, радужный, великолепный, истинный, прорицание, сулить*; с другой стороны — *путать, на цело, вовсе не, крайне, задворки, будоражить, союз да и, частица ведь, постпозитивная частица -то и др.*)³³.

Экспрессивности (выразительности) — и интеллектуальной, и эмоциональной³⁴ — способствуют довольно широко используемые многими авторами вопросительные и — реже — восклицательные предложения, а также вопросы и восклицания в составе вводных и вставных слов и словосочетаний. Кстати, употребление вводных, а особенно вставных словосочетаний и предложений (передко восклицательных или вопросительных) в научной литературе в последнее время значительно возросло. Они используются не только в функции уточнения, добавочного сообщения, ссылки, но и в функции оценки, выражения авторского отношения к сообщаемому факту, усиления (специального и подчеркнутого привлечения внимания читателя к предлагаемой, особо важной, информации) и др. Вот несколько примеров: «Синтезирующим проливением советской науки является то, что в социалистическом обществе (впервые в истории человечества!) дело научно-технического прогресса поднято на уровень важнейшего общегосударственного» (Добров, 7); «Когда открытие начиналось, Менделеев, как это вполне понятно, — надо только представить себя на его месте! — прилагал все усилия к тому, чтобы... довести начатое открытие до конца...» (Кедров, 48); «Основные логические методы

³³ Исследовались тексты различных наук, представленных трудами Н. П. Дубинина, А. И. Тугаринова, А. Л. Тахтаджяна, К. Т. Хомякова, Р. А. Будагова, А. А. Леонтьева, В. С. Библера и др. Всего 30 названий (см. список литературы).

³⁴ Проблема соотношения экспрессивности и эмоциональности учеными решается неоднозначно. Мы понимаем экспрессивность (выразительность) как явление более широкое, чем эмоциональность, включающее в себя последнюю. Таким образом, эмоциональность считаем одной из разновидностей экспрессивности, другой разновидностью последней является образность.

подчинились (с чего бы это?) интуитивному гаранту своей истинности» (Библер, 176); «Здесь становится особенно ясным... что само логическое развертывание знания выводит... за «пределы логики» (впрочем, может быть, сами «пределы» следуют понимать иначе?!)...» (Там же, 182); «Цепочка... размышлений вновь выводила исследователей... в бурное море познавательных процессов (осторожно, «интуиция!»).» (Там же, 174).

Не только во вводных и вставных конструкциях, но и в качестве самостоятельных используются в современной научной речи вопросительные и восклицательные предложения в различных экспрессивных целях и как проявление эмоциональности³⁵. Примеры: *Нарушает ли факт существования неклеточных форм жизни принципы клеточной теории?* (Дубинин, 7); *Откуда же пришли покрытосеменные, где находится центр их расселения?* (Тахтаджян, 92); *Почему происходит диффузия?* (Гегузин, 131); *Но почему это вообще можно толковать как поражение?* (Библер, 170); *Пусть психологи... осваивают эту проблему... Кто же против?* (Там же, 170); *Но откуда могут быть почерпнуты данные сведения?* (Ярошевский, 112); *Но кто отважится утверждать, что оценочные суждения... иррелевантны психологическому содержанию деятельности ученого...?* (Ярошевский, 95);

Какие только из современных исконаемых растений не выдвигали в качестве возможных предков покрытосеменных! (Тахтаджян, 7); *Моему лепестку... оказалось 300 млн. лет!* (Гегузин, 38); *Потребление железа с начала XVI века до середины XX века возросло почти в 5000 раз!* (Кривокорытова, 61); *Как прав был В. И. Ленин, когда называл еще в 1908 году новую физику современной революцией в ес-*

³⁵ Заметим: в собственно научной, а не научно-популярной литературе, и даже не в статьях собственно дискуссионного характера. Впрочем, присутствие более или менее явно выраженной в речи полемики, а также дискуссионности отнюдь не «выводит» стиль этой речи в сферу ненаучного стиля. Дискуссия, а следовательно, полемичность стиля — лишь одна из форм поиска истины, проявляющаяся в такой, характерной именно для научной сферы общения, форме речи, как рассуждение. В этом-то и обнаруживается свойственная научному мышлению и творчеству скрытая диалогичность. Вместе с тем это отнюдь не публицистика в собственном смысле слова, как иногда думают. Публицистика всегда связана с политикой (впрочем, может быть и научная публицистика, особенно в сфере общественных наук, что не снижает степень ее научности).

тествоздании! (Семенов, 445); Но ведь... вынуждены были интерпретаторы творчества ввести понятие о бессознательном... чтобы объяснить генерирование новых идей! (Ярошевский, 102).

Однако интересно не только то, что указанные средства в представленных функциях используются в научной речи, гораздо важнее то, что насыщенность ими научных текстов — и средняя, а особенно в ряде конкретных случаев (и не так уж редко!) — оказывается довольно заметной. Так, даже по текстам естественных наук в среднем на каждые две тысячи словоупотреблений (т. е. на 4 страницы большого формата) приходится два вопросительных и восклицательных (вместе) предложения. В отдельных же текстах, особенно гуманитарных наук, на каждую тысячу словоупотреблений — по два таких предложения (т. е. по одному на страницу). Нередко у авторов, отличающихся особенно экспрессивным стилем, вопросительные и восклицательные предложения составляют целую цепь и употребляются по 3—4 и даже 5—7 подряд. Приведем примеры, в которых параду с вопросами и восклицаниями используются и другие средства речевой экспрессивности разных уровней языка:

«Межу тем как понимать в таких случаях «степень развития языка»? Независимо от степени развития мышления? Но в таком случае, что означает «неразрывная связь языка и мышления»?» (Будагов, 22); «Так ли это? Действительно ли не существует художественной литературы как определенного речевого явления? Если это так, то почему же читатели обычно легко распознают, что относится к художественной литературе?... В чем же здесь дело?» (Он же, 108—109);

«И вдруг мысль: а ведь бактерии могут не только есть, но и размножаться. Стоп!!! А может быть, и свободные атомы и радикалы тоже способны к размножению? Все! Вот и разгадка!.. Откуда она? Как откуда!» (Семенов, 246); «Конечно, победу современной логики можно трактовать и несколько иначе, полностью освобождая радость успеха от горечи поражения. Можно рассуждать так: «Да, действительно, логика сузила поле своего приложения, точнее и жестче определила свой предмет. Но почему это вообще можно толковать как поражение? Какие-то познавательные процессы выключены теперь из сферы логики, «выведены» из логического дома? Ну и прекрасно.

По почему логика должна нести ответственность за дальнейшую судьбу таких процессов? На всех подобных психологических феноменах спекулируют иррационалисты? Исполать им... Пусть психологи или физиологи, или гносеологии, или как их еще там называют... осваивают эту проблему Terra incognita своими научными средствами... Кто же против? Для логики как науки это будет полезным подспорьем... Но вот заниматься не своим делом — увольте...» Полностью данное возражение будет разобрано дальше. Сейчас обращу внимание на один момент. Посмотрим, что произошло со «своим делом» логики после великого очищения? Можно ли говорить о логике знания вне контекста логики познания, творчества, деятельности? (Библер, 170) ³⁶.

Даже из этих немногих примеров видно, что средства экспрессии (в том числе эмоциональности, а также образности ³⁷) далеко не чужды научной речи. Среди них, помимо названных выше, можно отметить использование средств словесной образности: метафор, сравнений, метонимий и других. Кстати, обращением к метафоре объясняется особенно широкое (сравнительно с некоторыми другими функциональными стилями) употребление в научной речи слов в кавычках. Впрочем, метафора может быть и без этого графического оформления. Конечно, метафора имеет в научной речи далеко не только экспрессивные функции (ср. метафору-термин); но в процессе поиска нового термина, пока слово еще не стало термином, оно несет в себе образность помимо объяснительной и номинативной функции, главное здесь: метафора может быть средством образно-словесной выразительности научной речи.

³⁶ Правда, два последних примера не являются типичными для «строгой» научной речи, но и далеко не единичными. Однако они интересны тем, что в них эксплицитно выражается ход научного мышления и характер внутренней речи в процессе поиска истины. Тем самым лишний раз подтверждается положение об экспрессивности научного мышления, неизбежно находящей в речи свое проявление (конечно, у разных авторов — в различной степени; но для нас важно то, что в принципе экспрессивность и эмоциональность не противопоказаны научной речи и не исчезают из нее).

³⁷ См.: П. И. Пахуткин. Функциональные особенности речевой об разности в научном стиле. АКД. М., 1973.

Примеры: «Интуиция вспыхивает от случайной искры посторонних ассоциаций» (Библер, 178—179); «...после чего начался знаменитый «химический пасьянс» (Кедров, 55); «Но что же делать с этим странным видом «интуиции», впитавшимся в самые поры логического доказательства?» (Библер, 177); «...возникает требование выдвигать сугубо «сумасшедшие» идеи» (Мирская, 293); «...другие признаки вещей «делают» в ощущениях» (Орлов, 173); «...импульсов, группирующихся в первый «зап» (Там же, 199); «...можно будет понять, каким образом молекулы «распознат» друг друга» (Дубинин, 235) ³⁸.

Внутренняя диалогичность научного творчества может вызывать использование в научной речи (как это было видно из примеров) средств разговорной речи (лексических, фразеологических, синтаксических и даже иногда морфологических), введение в текст элементов несобственнопрямой и даже прямой речи (как своеобразной имитации диалога в ходе рассуждения). В этом последнем, конечно, обнаруживаются явления взаимопроникновения стилей. Однако важно то, что эта внутренняя диалогичность и, следовательно, проявление средств разговорной речи — при учете всесторонних свойств научного мышления и творчества — в общем-то даже нельзя рассматривать в этом случае как иностилевые; тем более, что в контексте научной речи они приобретают своеобразные функции, вытекающие из специфики научного мышления и общения.

Нельзя сказать, что из современной научной речи исчезает и даже исчез личный характер изложения — выражение авторского «я». Хотя тенденция к сокращению этого явления в научном стиле речи очевидна, однако эти формы выражения еще живы. Примеры: «Сейчас я хотел бы рассмотреть вопрос...» (Семенов, 241); Я все же думаю, что... (Библер, 175); Приведу здесь только одно доказательство (Будагов, 10); Вопроса о причинах изменений я здесь касаться не буду (Будагов, 45); Мне представляется наиболее подходящим... (Кедров, 91) и др.

³⁸ Примеры экспрессивности научной речи в других языках см., помимо работ Н. М. Разинкиной, в ст.: В. В. Журавлева, Е. И. Кедайтене. Использование средств словесной образности в научном стиле речи. «Язык научной литературы (тезисы конференции)». М., 1975.

Итак, и анализ экстралингвистической основы научной речи с определением при этом стилеобразующих факторов, и наблюдения над конкретным текстовым материалом показывают, что экспрессивность отнюдь не противопоказана научной речи, что она скорее всего в целом не идет на убыль и в принципе не может исчезнуть из научного стиля. Это обусловлено характером естественного (человеческого) научного мышления и творчества, не ограничивающегося лишь понятийно-логической стороной.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- Библер — *В. С. Библер*. Творческое мышление как предмет логики. «Научное творчество». М., 1969.
- Будагов — *Р. А. Будагов*. Человек и его язык. МГУ, 1974.
- Гегузин — *Я. Е. Гегузин*. Очерки о диффузии в кристаллах. М., 1974.
- Добров — *Г. М. Добров*. Наука о науке. Киев, 1970.
- Дубинин — *Н. Н. Дубинин*. Общая генетика. М., 1970.
- Кедров — *Б. М. Кедров*. О теории научного открытия. «Научное творчество». М., 1969.
- Кривокорытова — *Р. В. Кривокорытова*. Философский камень 20 века. М., 1969.
- Леонтьев — *А. А. Леонтьев*. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
- Мирская — *Е. З. Мирская*. Противоречивость научного творчества. «Научное творчество». М., 1969.
- Орлов — *В. В. Орлов*. Особенности чувственного познания. Пермь, 1962.
- Семенов — *Н. Н. Семенов*. Наука и общество. М., 1973.
- Тахтаджян — *А. Л. Тахтаджян*. Происхождение покрытосеменных растений. М., 1964.
- Тугаринов — *А. И. Тугаринов*. Общая геохимия. М., 1973.
- Хомяков — *К. Т. Хомяков*. Лекции по общей химии. М., 1966.
- Ярошевский — *М. Г. Ярошевский*. О трех способах интерпретации научного творчества. «Научное творчество». М., 1969.

О СПЕЦИФИКЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ

Одной из особенностей научной терминологии является полисемия. Полисемия термина «язык» неоднократно отмечалась языковедами. Этот термин может обозначать понятия, имеющие разный объем и входящие в разные системы отношений: 1) конкретный язык — немецкий, английский, французский и т. д.; 2) стиль конкретного языка — язык научный, язык газеты, язык писателя, язык художественной литературы и т. д.; 3) язык в его противопоставленности термину «речь»; 4) язык как диалектическое единство абстрактного и конкретного, как единство «язык — речь»; 5) язык в его противопоставленности другим семиотическим системам; 6) язык в противопоставленности «язык — не язык».

Такое многообразие значений термина в сфере одной науки приводит к затрудненности понимания¹.

Чтобы избежать затрудненности понимания, значение термина должно быть строго дифференцировано противопоставленностью (или сопоставленностью) его значениям других терминов, объединенных в единой системе отношений и удовлетворяющих принципу целесообразности и непротиворечивости внутри этой системы.

Поскольку в настоящей статье речь будет идти о социально-дифференцирующей функции языка, необходимо

¹ Остроумное замечание на эту тему находим у А. М. Пешковского: «Я прошу вспомнить, сколько времени тратится в наших спорах на действительное выяснение истины и сколько на выяснение словесных недоразумений, на уговор о значении слов (это в лучшем случае, когда спорящие не просто твердят каждый свое, а стараются понять друг друга); прошу вспомнить, сколько людей в науке, в поэзии, в философии, в религии заняты исключительно толкованием чужих мыслей, выраженных подчас самими творцами как будто бы классически ясно и просто, но тем не менее всегда создающих целый ряд толков, течений, направлений и т. д., прошу все это вспомнить — и читатель согласится со мной, что затрудненное понимание есть необходимый спутник литературно-культурного говорения... Дикари прошего «говорят», а мы все время хотим что-то сказать... Каждый вполне понимает только свою собственную речь» (А. М. Пешковский. Объективная и нормативная точка зрения на язык. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М., 1925).

остановиться прежде всего на значении термина «функция». В философском словаре² читаем следующее определение: «Внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений». «Философская энциклопедия» (т. V, 1970 г.) дает следующее определение: «Функция (от лат. *functio* — осуществление, выполнение) — способ поведения, присущий к.-л. объекту и способствующий сохранению существования этого объекта или той системы, в которую он входит в качестве элемента...». Такая характеристика взаимозависимости структуры и функции, представляющаяся автору настоящей статьи убедительной, позволяет дать следующее определение функции применительно к языку — «внешнее проявление внутренней структуры какого-либо объекта в данной системе отношений».

Если система отношений предполагает оппозицию «язык — не-язык», функция языка может быть определена как коммуникативная в противопоставлении ее функциям других общественных явлений. Если система отношений предполагает оппозицию «язык — другие семиотические системы», общей для каждого из членов оппозиции остается, разумеется, коммуникативная функция, но в отличие от других семиотических систем язык несет какую-то или какие-то функции, составляющие его специфику. Таковыми следует признать экспрессивную, референтную, обобщающую, эстетическую и другие функции. И, наконец, конкретному языку, представляющему собою частную реализацию рассмотренных общих попыток «язык», присущи, помимо коммуникативной, референтной, обобщающей и др., еще и частные функции, социально-детерминированные конкретными условиями коммуникации. Таковыми можно было бы признать функции информативную (в терминологии В. В. Виноградова «функцию сообщения»), нормативную, эстетическую, социально-дифференциирующую и др.

Едва ли целесообразно, на наш взгляд, деление на функции языка и функции речи. Если в оппозиции «язык — речь» термин «язык» обозначает систему, а термин «речь» — реализацию системы (как в синхронном, так и в диахронном плане), то неправомерно присваивать языку какие бы то ни было функции отдельно от речи, и наоборот, если считать, что стиль есть определенным образом отработан-

² «Философский словарь». М., Политиздат, 1963, стр. 490.

ная система, то термин «стиль языка» так же правомерен, как и «стиль речи».

Несколько слов относительно экспрессивной функции языка. На наш взгляд, понятие экспрессивности шире, чем понятие эмоциональности высказывания. Термин «экспрессивно-эмоциональный», часто употребляющийся в стилистических исследованиях, представляется неправомерным, поскольку любое высказывание экспрессивно. Отсутствие экспрессии высказывания есть дефект высказывания, нарушающий нормальный акт коммуникации. Экспрессивность высказывания может подразумевать, наряду с эмоциональностью, краткость, точность и ясность высказывания. Эмоциональность превалирует в высказывании, детерминированном субъективным отношением говорящего к объекту высказывания (поэтика, разговорный стиль); точность, краткость, а следовательно, ясность, превалируют в объективном высказывании (научная, деловая сфера общения). Именно превалируют, так как эмоциональность высказывания не исключает точности и краткости в художественном стиле и в бытовом общении, а в деловом и научном общении не исключена эмоциональность высказывания, но доминируют здесь точность и краткость.

Научный стиль неоднороден в своих конкретных манифестациях. Способы экспрессии варьируются в нем в зависимости от сферы научного общения. Язык точных наук едва ли допускает элементы эмоциональности, тогда как язык таких гуманитарных наук, как история, литературоведение, допускает их в масштабах, близких к художественным произведениям писателей-реалистов. Следует ли отсюда, что стили как реализация в речи социально-дифференцирующей функции языка не существуют? И следует ли, что эмоциональность присуща научному стилю изложения в целом? Думается, что нет.

Социально-дифференцирующая функция языка реализуется в речи как оппозиция «научный стиль — художественный стиль», и крайними границами этой оппозиции являются «язык точных наук — поэтика».

Стилевой доминантой изложения в точных науках является точность, краткость, объективность изложения, в рамках литературной нормы с элементами (лексическими и грамматическими), принятыми стилевой нормой данной науки.

Оппозиция между языком точных наук и поэтикой реализуется на основе литературной нормы по следующим параметрам:

I	объективность изложения — субъективность изложения
II	интеллектуальная логичность изложения — образная логичность изложения
III	воздействие высказывания на интеллект — воздействие высказывания на чувственное восприятие, на воображение прежде всего

Отсюда вытекают следующие частные оппозиции признаков:

- 1) отсутствие индивидуального — наличие индивидуального словотворчества
- 2) отсутствие индивидуального — наличие индивидуального словоупотребления
- 3) отсутствие индивидуальной — наличие индивидуальной словосочетаемости
- 4) отсутствие развитых синонимических рядов — наличие развитых синонимических рядов
- 5) отсутствие контекстуальных — богатство контекстуальных синонимов
- 6) отсутствие тропов — наличие тропов
- 7) отсутствие стилистических синтаксических приемов³ — наличие стилистических синтаксических приемов

Такое противопоставление правомерно только в том случае, если мы берем за эталон научного стиля языка точных наук. В противном случае едва ли возможна исчерпывающая характеристика научного стиля во всех его манифестациях. В трудах по литературоведению или истории можно найти все признаки, характерные для художественного стиля, а в произведениях художественной литературы все признаки, характерные для научного стиля изложения.

³ Имеются в виду так называемые *figures de pensée*, *figures de construction*.

Можно с уверенностью утверждать, однако, что в языке точных наук каждый из признаков правой стороны окажется подчиненным общей сумме признаков левой стороны, которые составляют доминанту этого стиля.

Как уже было сказано, противопоставление «научный стиль — поэтика» реализуется на основе литературной нормы. Само понятие нормы в языке, а следовательно, и литературной нормы, остается спорным. Ряд лингвистов не признает трихотомии язык — норма — речь (по Косериу). Не отвергая соссюровской диахотомии язык — речь, необходимой для установления соотношения между кодом и узусом, следует признать, что не все в речи является актом приятия; так же как в языке обобщаются единицы и структуры, отработанные речью и представляющие собою систему, в речи имеются, и в значительном количестве, индивидуальные употребления, не принятые нормой. Здесь может идти речь как об индивидуальном употреблении в литературно-художественном стиле, так и об индивидуальных отклонениях в разговорном стиле. Можно рассматривать как языковую норму южное произношение носовых гласных и *r roulé* — во французском языке, оканье в некоторых районах Советского Союза, мягкое «т» в третьем лице единственного числа (русс.) на том основании, что такое произношение является нормой для определенных группносителей языка; но нельзя считать языковой нормой индивидуальные отклонения в произношении или в словоупотреблении, не принятые ни одной социальной или этнической группой. Тем не менее эти отклонения, безусловно, входят в понятие «речь».

Литературная норма представляется автору как вариант языковой нормы, несущей функцию унификации средств общения с целью совершенствования условий коммуникации. На базе общепринятой литературной нормы, которую отдельные ученые или писатели могут корректировать (а не создавать, ибо она возникает в силу потребности совершенствовать условия коммуникации), возникает нормативный стиль общения, письменного и устного.

Именно нормативный стиль и служит основой стилевой дифференциации в языке, общение на котором требует такой дифференциации в силу наличия разветвленной системы сфер общения. Специфика каждого из стилей возникает

на основе нормативного стиля и в оппозиции к другим стилям. Основной из оппозиций является оппозиция «научный стиль — стиль литературно-художественный», о чем уже говорилось выше. Отсюда активность деривации, появление новых суффиксов. Как известно, в общенародном французском языке многими лингвистами отмечается тенденция к отмиранию деривации.

Выше был перечислен ряд признаков, представляющих собою частные оппозиции между языком точных наук и языком литературно-художественным, и эти оппозиции, по-видимому, верны для многих языков, обслуживающих развитую систему сфер общения и имеющих единую литературную норму. На основе этих оппозиций в каждом конкретном языке существует набор грамматических и лексических единиц, характеризующих определенные стили. Тенденция к объективности высказывания в научном стиле современного французского языка влияет на отбор грамматических структур. Так, имеются не отдельные правила употребления времен, как это принято считать и как это преподносится в большинстве учебников, а две временных системы, одна с отправной точкой Présent, вторая с отправной точкой Passé Simple.

В языке точных наук встречаются случаи употребления Passé Simple, но этот факт не относится к его специфическим чертам, не является стилевой доминантой, не входит в его стилевую систему.

Система употребления времен с отправной точкой Présent объясняется тем, что объектом исследования математики, физики, химии и др. являются проблемы, связанные с настоящим, а не факты истории, утратившие свою актуальность. Обобщения, характерные для этих наук, носят вневременной характер⁴.

⁴ Думается, что при обучении французскому языку скоростными методами прежде всего необходимо тренировать систему с отправной точкой Présent. Таким образом будут унифицированы подлежащие запоминанию и активизации формы Présent, Imparfait, Participe Passé, Futur Simple (Plus-que-Parfait, Futur Antérieur; Conditionnel, Subjonctif Présent, Passé являются производными от них) и активизирована сама система употребления времен. В дальнейшем вторая система, имеющая также унифицированные формы (Passé Simple, Passé Antérieur de l'Indicatif, Imparfait, P-que-Parfait du Subjonctif), наложится на первую, и специфика употребления Passé composé и Passé Simple, являющаяся камнем преткновения для изучающих французский язык, будет более четко осознана, поскольку будет изучена в особой системе.

Стремление к объективности изложения вызывает и большую, по сравнению с литературно-художественным стилем, частотность пассивных конструкций, которые дают возможность или обобщить мысль в имперсональной форме, или выразить завершенность процесса, подчеркнув таким образом объективность констатации факта.

Система личных местоимений (в традиционной терминологии) редуцирована. Участники речевого акта (по Р. Якобсону) как бы отсутствуют в процессе сообщения, и объективность изложения материала подчеркивается употреблением неличной формы. В редких случаях автор прибегает к первому лицу множественного числа, которое помогает ему также снять элемент субъективности в высказывании.

С другой стороны, точность изложения материала вызывает частотность местоимений относительных *lequel*, *laquelle*, позволяющих избежать двоякого толкования текста.

В системе существительного, как результат стремления к объективности и точности изложения, следует отметить прежде всего тенденцию к молосемантизму, на основе которой возникают термины и слова с точным поминативным значением. Отсюда незначительные случаи полисемии, предельно сжатые ряды синонимов, отсутствие синонимов контекстуальных.

В научном стиле современного французского языка наблюдается также стремление к мотивированности термина. Известно отмирание уменьшительных суффиксов со значением уменьшительности в общенародном языке и их продуктивность в языке науки и техники. В отдельных специальных областях продуктивными становятся такие суффиксы, как: *-ose*, *-ite*, *-ome* (мед.), *-eur*, *-euse*, *-el* — физика, химия, математика: *-al* — биология, океанография; *-aire* — физика⁵.

Наличие развитой системы деривации объясняется в научном стиле той же тенденцией к молосемантизму, так как общеизвестно, что мотивированное слово менее тяготеет к полисемии и контекстуальному употреблению, чем слово немотивированное. Терминология каждой науки (и главным образом каждой из точных наук) имеет свою

⁵ См.: *J. Dubois. Etudes sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporain*. Paris, 1962.

собственную деривационную систему, в которой каждый из суффиксов может нести функцию своеобразного классификатора (ср. те же суффиксы *-osc*, *-ite* в медицине, *-eur*, *-euse* в технике, *-el*, *-aire* в физике).

В системе прилагательных языков точных наук также отличается некоторыми специфическими чертами. Как известно, прилагательные относительные синтетического типа в современном французском языке не имеют развитой строгой системы. Часто французские лингвисты вовсе их игнорируют, изучая в общем классе *qualificatifs*. В общенародном языке эквивалентом русских синтетических прилагательных выступает прилагательное аналитического типа *de + S* (*de bois*). Для научного стиля характерно образование относительных прилагательных либо синтетическим путем при помощи ограниченного числа суффиксов, часть которых, как было уже сказано, специфична для каждой из отраслей науки, либо аналитическим путем (*de + S*). Следует отметить, что тенденция к аналитическому способу образования прилагательных все более развивается в современном французском языке в целом и в языке точных наук в частности.

Таким образом, объективность, точность, краткость и ясность изложения, составляющие экспрессивность научного стиля, требуют определенной системы выражительных средств.

Для структуры предложения характерно предложение двусоставное, предложение развернутое, предложение сложное с выраженнымми средствами подчинения (гипотаксис), прямой порядок слов, широкое использование средств логического выделения, пассивные предложения (вм. неопределенноподличных).

Структура временных отношений выражается временевой системой с отправной точкой *Présent* (*Passé Composé*).

Структура частей речи характеризуется следующими чертами: в классе существительного развитая деривационная система с четко ограниченным значением каждого из суффиксов.

В классе прилагательных развитая система относительных прилагательных, образованных как синтетическим, так и аналитическим способом.

Изложенное позволяет сделать следующий вывод: в результате действия социально-дифференцирующей

функции языка в научном стиле имеется система выразительных средств (или стилевая система).

Эта система может служить эталоном для характеристики других подстилей, образующих понятие «научный стиль».

О. А. ИВЕЦОВА

СТАНОВЛЕНИЕ ЖАИРА СТАТЬИ В АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

С установлением понятия стиля речи как целесообразно организованной функционально речевой системы наступил качественно новый этап в развитии стилистики. Вслед за основополагающим определением стиля речи, данным В. В. Виноградовым¹, большой вклад в раскрытие этого понятия был сделан в работах И. Р. Гальперина, Р. А. Будагова, Г. В. Степанова, М. Н. Кожиной и др.

Определены и основные стили речи — научный, деловой, газетно-публицистический и др.

Возникла потребность описания различных стилей. Исследователи пытаются охарактеризовать тот или иной стиль речи наличием в нем определенных стилистических особенностей и приемов².

Однако неупорядоченность в употреблении термина «стилевая черта» и отсутствие объективного критерия для выделения этих черт при характеристике стиля речи до сих пор являются препятствием в создании объективного и исчерпывающего перечня признаков того или иного стиля. В большинстве таких описаний обычно фигурируют

¹ В. В. Виноградов. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ, 1955, 1, стр. 73.

² И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958; Э. Г. Ризель. Полярные стилевые черты и их языковое воплощение. «Иностр. яз. в школе», 1961, № 3; М. Н. Кожина. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Изд-во Пермского гос. ун-та им. М. Горького, 1966; М. Н. Кульгав. Основные стилевые черты и синтаксические средства их реализации в современной немецкой научно-технической литературе. КД. М., 1964; Н. М. Разинкина. Стилистика английской научной речи. М., 1972.

главные (основные) экстраглавицкие и лингвистические черты рассматриваемого стиля речи. В перечень экстраглавицких признаков научного стиля речи включаются такие понятия, как объективность изложения, строгость изложения, сжатость, логичность и т. п. Проблема становления основных признаков стиля распадается на столько проблем, сколько основных ведущих и второстепенных признаков исследователь найдет целесообразным выделить. Поэтому основная задача стилистики на данном этапе имеет два различных аспекта. С одной стороны, это необходимость создания объективного и исчерпывающего описания современного научного стиля речи. (Новый объективный подход к природе стилевых черт и их органической связи со стилистическими приемами, данный в исследовании Е. С. Троянской³, несомненно намечает пути к созданию такого описания.) С другой стороны, утверждение принципа историзма в подходе к различным языковедческим проблемам требует не только статической картины современных функциональных стилей, но и описания их становления и развития. Проследить становление каждой из этих черт и дать общую картину становления научного стиля речи данного языка — ближайшая задача исторической стилистики.

Тесно связанный с этими проблемами является и проблема становления различных жанров научной литературы, их композиционное оформление и лингвистические особенности⁴.

Научная речь характеризуется в настоящее время разнообразием жанров: монография, статья, очерк, эссе и нек. др. Особенно следует выделить жанр современной журнальной статьи, ибо именно он является наиболее характерным для периодических научных публикаций.

Наша цель — показать становление этого жанра с постепенным четким выделением композиционных компонентов современной статьи. Исследование проведено по изданию: «The Philosophical Transactions of the Royal Society of London». From their Commencement, in 1665, to the year 1800. London. Printed by and for C. and R. Baldwin. New Bridge Street, Blackfriars, 1809 (далее — Ph. Tr.).

³ Е. С. Троянская. К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи. «Язык научной литературы». М., 1975.

⁴ Там же, стр. 48, 49.

Для сравнительного исследования, выявляющего динамику данного процесса, были взяты два периода: период с начала публикаций «Ученых записок» в 1665 г. до конца века и соответствующий период через сто лет (1765—1799 гг.).

Как известно, в современной картине разнообразных жанров научного сообщения журнальная статья выделяется своей стройной и весьма регламентированной композицией. Она состоит обычно из введения, собственно изложения, заключения и выражения благодарности.

В период же становления научного стиля речи (для всех европейских языков это в основном XVIII в.⁵) язык научных сообщений не представлял еще определенной функционально-обусловленной системы. Это был период, когда художественное и научное мышление не были строго разграничены, когда жанр научного диалога в устной и письменной речи, характерный для эпохи Возрождения в европейских странах, не способствовал четкому разграничению «разговорного» и «научного», когда элементы «научного» проникали в живую речь и, наоборот, элементы «разговорного» были неотъемлемыми компонентами научного изложения.

Научные сообщения первого периода (1665—1699 гг.) не дифференцируются в жанровом отношении и в целом могут быть охарактеризованы как письма. Это были письма не только ученых или исследователей, но часто и письма любителей-непрофессионалов, которые сообщали о том или ином наблюдении или явлении. Эти письма писались представителями различных социальных слоев — учеными, священнослужителями, сквайрами, чиновниками, военными и т. д. Такой широкий социальный фон первых научных сообщений в Англии данного периода не дает нам основания определить жанр первых научных сообщений как «ученое письмо»⁶, ибо понятие «уч-

⁵ X. Пледж в своей монографии «Science since 1500» характеризует XVII в. в Европе следующим образом: When the Renaissance ended, Europe was devastated by religious dissension which everywhere cut right across national boundaries. Order was terribly needed and among other forces of order science raised its head in a new and corporate sense (H. T. Pledge. Science since 1500. London, 1939, p. 63).

⁶ По определению Л. Ольшки, ученое письмо выражает дух и цели новой республики ученых, орудие критики и идеиного сотрудничества (Л. Ольшки. История научной литературы на новых языках, т. 2. М.—Л., 1933, стр. 46).

ное письмо» более узко и является плодом творчества учёного.

Первые научные сообщения часто назывались *An Account of...* Иногда они имели специальные заголовки: *Some Observations on the Ordering of Silk Worms*, by Dubley Palmer. С 1666 г. изобилуют заглавия, начинающиеся с предлога *of*. Например: *Of the Tides, of Wells, salt and Fresh Water and of the Whale Fishing at Bermudes. By Rd. Norwood* (*Ph. Jr.*, vol. I, p. 206) или: *of an unusual Meteor. By Dr. Wallis.* (*Ph. Jr.*, vol. II, p. 389).

С 1677 по 1685 г. паряду с письмами появляются сообщения под заголовками: *A Description of...*; *A Discourse concerning...*, *On the Experiments made by...* и т. п.

С 1686 г. паряду с вышеуказанными заголовками появляются *An Essay towards...*, *An Essay concerning...*

С 1693 г. — *A Treatise on the....*

Следует добавить, что письма имели иногда полемический характер. В них в форме субъективно-окрашенного спора содержалось описание нового открытия (явления и пр.).

Прежде чем анализировать композицию научных сообщений первого из исследуемых периодов, приведем несколько примеров таких сообщений. Первое (1) — это наблюдение-описание шелкопрядов, написанное не специалистом, но имеющее интересные подробности. Второе (2) — описание ртутных месторождений не специалистом. Третье (3) — ответ Ньютона на письмо французского профессора математики Гастона Парди (*Ignatius Gaston Pardies*), критикующего теорию света Ньютона (ниже приводим начало и конец письма). Четвертое (4) — начало письма Ньютона в Королевское общество от 6 февраля 1671 г., которое по существу является научной статьей, но которое, как, впрочем, многие сообщения, начинается, как и всякое письмо, с обращения (в данном случае «Sir»).

Вот эти примеры:

1. I herewith offer to your Society a small parcel of my Virginian Silk. What I have observed in the ordering of silk-worms, contrary to the received opinion, is: our country of Virginia is very much subject to thunders; and it has thundered exceedingly when I have had worms of all sorts: some newly hatched, some half-way in their feeding; others spinning their silk; yet I found none of them concerned in

the thunder, but kept to their business, as if there had been no such thing (Ph. Tr., vol. I, p. 12).

2. The mines of mercury in Friuli, a territory belonging to the Venetians, are about a day's journey from Gorotia northwards, at a place called Idria, situated in a valley of the Julian Alps. They have been, as I am informed, these 160 years in the possession of the Emperor, and all the inhabitants speak slavonian tongue. In going thither, we travelled several hours in the best wood I ever saw before or since, being very full of firs, oaks, and beeches, of an extraordinary thickness, straightness, and height.

That mine which we went into was dedicated to Saint Barbara, as the other mines are to other saints...

Далее следует обстоятельное описание месторождения, а заканчивается письмо следующим образом:

We saw there a man, who had not been in the mines for above half a year before, so full of mercury, that putting a piece of brass in his mouth, or rubbing it in his fingers, it immediately became white like silver; I mean he produced the same effect as if he had rubbed mercury upon it; and was so paralytic, that he could not, with both his hands, carry a glass half full of wine to his mouth, without spilling it, though he loved it too well to throw it away (Ph. Tr., vol. I, p. 11).

3. Mr. Newton's Letter of April 13, 1672, written to the Editor, being an Answer to the foregoing letter of I. Pardies.

I received, Sir, the observations of the Rev. Father Ignatius Pardies, on my letter concerning the reflections and colour of light; for which I acknowledge myself much obliged to him; and shall here clear up the difficulties he complains of...

Далее следует изложение теории как в обычной статье. Письмо заканчивается следующим образом:

I do not take it amiss that the Rev. Father calls my theory an hypothesis, inasmuch as he was not acquainted with it. But my design was quite different, for it seems to contain only certain properties of light, which, now discovered, I think easy to be proved, and which if I had not considered them as true, I would rather have them rejected as vain and empty speculation, than acknowledged even as an Hypothesis (Ph. Tr., vol. I, p. 734).

4. A Letter of Mr. Isaac Newton, Professor of Mathema-

ties in the University of Cambridge; containing his New Theory of Light and Colours: Sent by the Author to the Editor from Cambridge, February 6, 1671; to be communicated to the Royal Society.

Sir,— To perform my late promise to you, I shall without further ceremony acquaint you, that in the beginning of the year 1666 (at which time I applied myself to the grinding of optic glasses of other figures than spherical), I procured a triangular glass prism, to try therewith the celebrated phenomena of colours (Ph. Tr., vol. I, p. 678).

Далее следует изложение предмета статьи в форме, ничем не напоминающей жанр письма.

В композиционном отношении все сообщения периода 1665—1669 гг. идентичны и не выявляют никаких черт современной научной статьи. Обычно это последовательное изложение наблюдений, фактов, экспериментов и выводов. В сообщениях примерно первой половины этого периода нет четкого деления на вступительную часть, собственно изложение и заключение. Однако примерно с середины рассматриваемого периода в начале сообщения можно выделить вступительную часть, которая, как правило, или содержит ссылки на предшествующие исследования в данной области, либо называет дату — начало данного исследования. Иногда вступительная часть начинается с обращения или излагает план предстоящего научного сообщения от 1-го лица. Например:

Sir,— I know not whether in your Transactions you have any where taken notice of that unusual meteor, which happened on Wednesday, September, 20th, 1676, about 7 o'clock at night, or soon after; I hear of it from diverse persons who saw it in Oxford, Northamptonshire, Gloucestershire, Worcestershire, Somerstshire, Hampshire, Kent, Essex, London, etc. (Ph. Tr., vol. II, p. 389);

I have not been unmindful of the inquiries you were pleased to honour me with on the account of the Royal Society; and in answer to them I shall first acquaint you with what I found and learnt of the salt mines; concerning which I now present you with those two kinds of Transilvanian tone salsts which you mentioned (Ph. Tr., vol. I, p. 436).

Ссылки на предшествующие наблюдения, как правило, были выражены формой Participle Perfect, которая и стала определенным признаком вступительной части научного сообщения.

Например:

Having observed a great difficulty in truly writing what is pronounced, or truly pronouncing what is written, either in our own or foreign languages, by the common alphabet now in use, arising either from want of some letters, or the different pronunciation of the same character, or letter, in different languages, and the irregularities of its various sounds in any one language; I saw a necessity of some such expedient as is here attempted, viz. An Universal Alphabet, which should contain an enumeration of all such single sounds or letters, as are used in any language (Ph. Tr., vol. III, p. 310);

Having sometime since seen a table of the simple colours made use of in limning and painting, I have here endeavoured to give a more philosophical and useful one by the addition of some mixed colours. Not that I pretend to give the shades of all the mixed colours, which are indeed infinite, as the compositions and proportions of them may be unlimited; but I have mixed each of the simple yellows and reds with each of the simple blues, and these mixtures give most of the medium colours, viz. greens, purples, etc (Ph. Tr., vol. III, p. 274).

Более отчетливо можно выделить заключительную часть, хотя она и не озаглавлена словом Conclusion. Из всех научных сообщений первого периода только 20 из 148 дают основание довольно отчетливо выделить заключительную часть. В семи из этих 20 заключений фигурирует глагол to conclude, в остальных же нет ни существительного Conclusion, ни глагола to conclude, и только общий тон заключительного абзаца делает эту последнюю часть научного сообщения похожей на Conclusion. Приводим примеры обоих типов заключительной части:

Shall I hence conclude the structure of the lungs to be a complication of a multitude of the ramifications of the bronchia and sanguineous vessels? and that the seeming vesicles were occasioned only by the violence of the blast, and the dryness of the extreme and smallest passages of the vessels; whereupon those, nearest to the bronchia (being moister) were, more than their ordinary proportion, extended, upon hindrance of a free and usual passage to the air in the lesser vessels or their extremities? (Ph. Tr., vol. II, p. 5);

Which way its motion was when near us, *I cannot conclude*, so as to satisfy myself. My conjecture on the whole, though perhaps but a conjecture, has at least so much of probability in it, as to deserve some consideration: and may serve, if true, to give us some light into the nature of comets; which perhaps will seldom have been found to come so near us, as this seems to have done (Ph. Tr., vol. II, p. 389);

From which trial *I conclude*, that although in small and light shot, the opposition of the air ought and must be accounted for. Yet in the shooting of great and weighty bombs, there need be very little or no allowance made; so that these rules may be put in practice to all intents and purposes, as if this impediment were absolutely removed (Ph. Tr., vol. III, p. 272);

In the considerations of my propositions, the animadversor has rendered my doctrine very imperfect and maimed. And in general I find, that whilst he has endeavoured to explicate my propositions hypothetically, the more material suggestions by which I designed to recommend them, have escaped his consideration (Ph. Tr., vol. II, p. 29);

But whether these magnetical poles move altogether with one motion, or with several, whether equally or unequally, whether circular, or libratory; if circular, about what center; if libratory, after what manner; are secrets as yet utterly unknown to mankind; and are reserved for the industry of future ages (Ph. Tr., vol. II, p. 631);

These and other things may be arguments of the power hot weather has in the hasty quickening the births of insects, as well as producing them; but I conceive it less useful to philosophy to dispute them, than to deliver faithfully matters of fact (Ph. Tr., vol. III, p. 48).

Из приведенных примеров видно, что в научных сообщениях первого периода всего лишь намечается (во второй половине данного периода) прообраз вступительной и заключительной части.

В научных сообщениях 1765—1799 гг. почти в каждом сообщении вступление и заключение вырисовываются уже более четко.

Представляет интерес, что впервые слово «статья» (paper) встречается в сообщении от 1765 г., озаглавленном «Experiments and Observations on the Agreement between the Specific Gravities of the Several Metals, and their Colo-

urs when united to Glass, as well as those of their other Preparations, by Edward Delaval, F. R. S., Anno 1765, p. 10.»: ...he (Newton.—*O. III.*) considered the less refrangible colours in withered vegetables as arising from their increase of density; which is what I endeavoured in the beginning of this *paper* to prove deducible from his doctrines (Ph. Tr., vol. XII, p. 188).

Вступительные части научных сообщений этого периода представляют собой отдельный абзац и делятся на три типа:

а) вступление, в котором затрагивается история вопроса, например:

The theory of moving bodies was little understood by the philosophers who lived in the XVI-th century. They observed, that a body, once put into motion, continued to move for some time after the force was impressed; but they argue very strangely from this ordinary phenomenon. Far from considering the air as a resisting medium, they supposed, with Aristotle, and the ancients, that it was the perpetual influx of the parts of the atmosphere which continued to urge the body forward and preserve its motion (Ph. Tr., vol. XIV, p. 368);

This species of fish seems not to have been unknown to the ancients, though probably they confounded it with the Conger, to which it bears some resemblance. Perhaps the early Greek and Latin writers on natural history have mentioned it under the name of Tragus or Callarias; but, for want of descriptions, they left us much in the dark concerning it. Pliny indeed speaks of a fish which appears to be of this species; he calls it Ophidion. The first author to whom we are indebted for a description and figure of the ophidion, is Bellonius (Ph. Tr., vol. XV, p. 134);

About the year 1686 Sir Isaac Newton first published his Principia, and comfortably to the language of mathematics of those times defined, that «the quantity of motion is the measure of the same, arising from velocity and quantity of matter conjointly». Very soon after this publication, the truth of propriety of this definition was disputed by certain philosophers, who contended, that the measure of the quantity of motion should be estimated by taking the quantity of matter and the square of the velocity conjointly. There is nothing more certain, than that from equal impelling powers, acting for equal intervals of time, equal

increases of velocity are acquired by given bodies, when unresisted by a medium (Ph. Tr., vol. XIV, p. 72);

The important discoveries of different kinds of air have opened a new field for one of the most pleasing and interesting scenes which ever were exposed to the contemplation of philosophers, and therefore could not fail of exciting in the lovers of natural knowledge a decided curiosity to see the pursuit of such striking novelties, and an almost irresistible temptation to imitate them, and to pursue farther the road already so far opened by Priestley, Fontana, Lavoisier, and other learned men (Ph. Tr., vol. XIV, p. 540);

6) вступление, включающее упоминания современных исследований в данной области, например:

Having listened with much attention, and derived much useful information from *the very curious experiments of Mr. Cavendish*, it is with peculiar regret I feel myself withheld from yielding an entire assent to all he has advanced in his paper; and it is with still greater regret that I find myself obliged, by reason of the opposition of some of his deductions to those I had the honour to lay before the Society about two years ago, to expose the reasons of my dissent from them (Ph. Tr., vol. XV, p. 502);

I do not find, that *Dr. Franklin*, in any of the passages where he speaks of the efficacy of sharp-pointed conductors to prevent electrical explosions, has expressed any doubt of their being universally preferable for this purpose to those which have a blunt or spherical termination. The same observation may be made of the other gentlemen who are the advocates for his doctrine. It may therefore be assumed, that both he and they mean to assert a universal proposition, «That sharp point will, in all cases, draw off the electrical fluid silently...» Though I dissent from this doctrine, I do not mean to assert the contrary universal proposition but only to deny the universality of that asserted by Dr. Franklin, which I apprehend to be sometimes true, and sometimes also false (Ph. Tr., vol. XIV, p. 440);

The experiments of Buffon on ignited bodies seem to prove, that when heated to the degree he mentions, they are more ponderous than when cold. The experiments which I have made on heated metals, suggest a different idea, and contradict the facts he relates; so that I am induced to believe, that some circumstance, not attended to, has introdu-

ced a mistake in the account this learned philosopher has published as the result of his inquiry (Ph. Tr., vol. XIV, p. 112);

в) вступление, содержащее обоснование необходимости написания данной статьи, например:

As many gentlemen have expressed some surprise at the uncommon good state of health which the crew of the «Resolution» under my command, experienced during her late voyage; I take the liberty to communicate the methods that were taken to obtain the end (Ph. Tr., vol. XIV, p. 58);

I have embraced the opportunity of a parcel I sent to Dr. Drury, to offer the Society a specimen of the native iron, of which I found out a large mass in the Siberian mountains. I read in some foreign journals, that a short account of this mass has been published in the last volume of Philosophical Transactions from a letter of M. Staehlin, of our Academy; but as the contents of it, drawn from the informations I gave to our Academy in my itinerary relations, seem not to have been exact, I beg leave to give you here a faithful and fuller account of the place and circumstances in which that memorable mass was found (Ph. Tr., vol. XIV, p. 99);

I consider this paper as not unworthy the notice of this Society, through a persuasion, that *the theory contained will conduce to the improvement of science*, by enabling the reader to form a true idea, and accordingly to make a computation of the motion (or change) of the axis about a body having a rotatory motion, or having a tendency to turn, on being affected by a force distributing its rotation (Ph. Tr., vol. XIV, p. 144);

The heat of boiling water having for some years been used as one of the terms for graduating the scale of thermometers; together with *the particular attention the Society has lately given to this branch of inquiry*; and I may add the singular success with which this age and nation has introduced a mathematical precision, into the construction of philosophical instruments; will render in unnecessary for me to say more in respect of the following experiments, than simply to lay them before the Royal Society (Ph. Tr., vol. XIV, p. 537).

Таким образом, в научных сообщениях конца XVIII в. можно четко выделить вступительную часть, хотя не озаглавленную словом *Introduction*.

Заключительная часть научного сообщения оформляется еще более четко, чем вступительная часть:

а) Обычно она вводится предложениями типа «I shall conclude», «So that I must conclude» и им подобными.

Впервые слово «Conclusion» мы находим в статье, опубликованной в ученых трудах за 1786 г., озаглавленной «Observations on the Graduation of Astronomical Instruments; with an Explanation of the Method invented by the late Mr. Henry Hindley, of York, Clockmaker, to divide circles into any given Number of Parts. By Mr. John Smeaton, F. R. S., Anno 1786»:

Conclusion.— Now, if, as it has been shown, a quadrant of any radius may be read off to the 4000-th part of an inch, then this quantity on a radius of the 3 feet will not be so much as 1 1/3 second (Ph. Tr., vol. XVI, p. 55).

В целом заключительная часть научного сообщения может начинаться словами «I shall conclude» или вариациями этого вступительного предложения (I must therefore conclude, I cannot conclude и т. п.). Например:

I shall conclude the remarks with observing that since it is perhaps impossible to give one general answer to all the arguments which are brought in favour of the new doctrine of forces it seemed very desirable that we should have a general rule to direct us in judging of the cases that occur in practice. It is of more consequence to the improvement of science and the good of the public, to point out the source of mistakes, and the wisest means of avoiding them for the future, than merely to confute and silence our adversaries (Ph. Tr., vol. XIV, p. 382);

I shall therefore conclude this paper, by adding the faults in the heliocentric places of Saturn, calculated only and directly from the tables of Dr. Halley, which may be of some use to improve those valuable tables (Ph. Tr., vol. XVI, p. 181);

I cannot conclude this paper without taking notice of another very curious property (Ph. Tr., vol. XVI, p. 424);

The conclusions therefore from the whole are these: that imaginary expressions are never of use in investigation but when the subject is a property common to the measure both of rations and of angles; that they never lead to any consequence which might not be drawn from the affinity between those measures; and that they are indeed no more than

a particular method of tracing that affinity (Ph. Tr., vol. XIV, p. 367);

6) Заключительная часть может вводиться и другими выражениями, например:

From the above observations, *the following inferences may be drawn.* First, that the vitriolic acid has a point of easiest freezing; secondly, that.... (Ph. Tr., vol. XVI, p. 278);

We may now collect into one view the principal inferences that have resulted from these experiments. The principles on which these experiments were made, are so fruitful in consequences, that, in conjunction with the effects resulting from the resistance of the medium, they seem to be sufficient for answering all the inquiries of the speculative philosopher, as well as those of the practical artillerist (Ph. Tr., vol. XIV, p. 296);

And though my single endeavours should not succeed in a work that seems to require the joint effort of every astronomer, yet so much *we may venture to hope, that by applying ourselves with all our powers to the improvement of telescopes,* which I consider as yet in their infant state, and turning them with assiduity to the study of the heavens, *we shall in time obtain some faint knowledge of,* and perhaps be able partly to delineate, the interior construction of the universe (Ph. Tr., vol. XV, p. 649).

Представляет интерес также первое выражение признательности, хотя и не озаглавленное как Acknowledgement, но по существу являющееся таковым. Оно содержится в статье Джеймса Уатта, опубликованной в 1784 г. под заголовком «Thoughts on the Constituent Parts of Water and of Dephlogisticated Air; with an Account of some Experiments on that Subject. By Mr. James Watt, Engineer, 1784»: I cannot however conclude, without *acknowledging my obligations* to Dr. Priestley, who has given me every information and assistance in his power, in the course of my inquiries, with that candour and liberality of sentiment which distinguish his character (Ph. Tr., vol. XV, p. 568).

В заключение следует сказать, что становление жанра научной статьи отражает постепенное формирование признака от «прообраза» через промежуточные этапы к современному выражению данного признака. Если XVII в. характеризуется отсутствием научного стиля речи как

целесообразно организованной системы, то веком позже мы видим начало формирования характерных для научного стиля признаков⁷, в том числе формирование жанра статьи со свойственной ей строгой композицией.

⁷ О. А. Швецова. К проблеме становления научного стиля в английском языке «Язык научной литературы». М., 1975.

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОВО-СТИЛНСТЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПРАКТИЧЕСКИХ ФОРМ НАУЧНОЙ РЕЧИ

(на материале современной научно-технической статьи)

В условиях научно-технического прогресса, когда социальная роль науки и объемы научных публикаций резко возросли, большой интерес приобретает решение круга вопросов, связанных с выявлением специфики научной речи и закономерностями функционирования языка в научной сфере общения¹.

Особого внимания заслуживает при этом функционирование научного языка в рамках речевых целых, понимаемых как практические формы существования языка, данные объективно в виде реальных речевых произведений.

Изучение реальных форм существования языка науки предполагает рассмотрение научной речи не как некоего бесконечного континуума, а как «целого», одновременно расщепленного и организованного в связные тексты. Связный текст определяем в рабочем порядке как письменно зафиксированную и структурирую оформленную последовательность языковых единиц (фраз и их объединений), возникающую в процессе коммуникативно-речевого акта.

¹ См.: М. И. Кожина. О проблематике изучения научной речи в период научно-технического прогресса. «Язык научной литературы (лингвистические проблемы и методика преподавания). Тезисы докладов и сообщений XX научно-методической конференции». М., 1975, стр. 2.

Наша задача — осмысление некоторых теоретических вопросов анализа языково-стилистической организации связного научного текста без специального рассмотрения конкретных языковых форм. Результаты исследования научного текста в плане выявления механизма его порождения, установления его связности и структуры, определения основных параметров позволяют облегчить понимание языковой формы текста, закономерностей распределения информации в нем и могут найти практическое применение в процессе преподавания технического перевода и аналитико-синтетического чтения научно-технических текстов в неязыковых вузах.

Данная проблематика входит в круг основных вопросов теории речи, а также лингвистики и стилистики текста. Проблема связности и структурности текста находится в последние 20—25 лет постоянно в центре внимания лингвистов и подвергается исследованию в разных аспектах и разными методами.

Методы решения тексто-лингвистических проблем могут быть в принципе сведены к двум основным подходам, бытующим в эмпирических науках: субстратно-структурному и субстратно-функциональному.

Субстратно-структурный метод используется в исследованиях, в которых проблемы текста решаются в основном в плане изучения формально-лингвистических средств, конституирующих текст.

Второй подход, субстратно-функциональный, делает упор на содержательные категории, которые лежат в основе структурной и формальной организации текста. Этот второй подход к тексту зародился в рамках Пражской лингвистической школы, в этом направлении работают сейчас научные группы по изучению проблем лингвистики текста в ГДР (проф. М. Шфютце), в ФРГ (проф. З. И. Шмидт), некоторые американские лингвисты. У нас это направление получило распространение начиная с работ Л. А. Булаховского, И. А. Фигуровского и П. С. Поспелова.

В функциональной лингвистике текста угол рассмотрения перемещается в аспект воспринимающего, имеет место переориентация с производства текста на его понимание.

В настоящей работе делается попытка изучения текста с позиций целостного функционально-коммуникативного

подхода. В его основе лежит понимание языка как орудия и средства общения в человеческом коллективе. Языковая система рассматривается с позиций ее целеназначения, как одна из систем коммуникации. В рамках функционально-коммуникативного подхода проблемы текста рассматриваются в плане порождения его языковой формы. Процесс организации языковой формы осуществляется по схеме коммуникативно-речевого акта. При этом стратегия коммуникации выступает в динамическом аспекте как целостная совокупность принципов отбора и комбинирования языковых единиц, а в статическом аспекте как специфическая «жанровая» черта текста².

Существенным элементом механизма организации языковой формы выступает стиль. Под стилем текста понимается «система принципов отбора и комбинирования языковых средств, обусловленная особенностями стратегии и реализации коммуникативно-речевой деятельности»³.

Коммуникативная стратегия объективируется в жанровом принципе построения словесных произведений⁴. В процессе реализации этого принципа осуществляется его дальнейшее уточнение под влиянием конкретной целевой установки коммуникации, что дает в результате «качественно определенную целостность»⁵ — конкретные тексты.

Разновидности целеполагания в акте речевой коммуникации порождают различные группы жанров:

1. Жанры информационного характера, ориентированные на содержание (жанры сообщающего, описательного и объяснятельного характера).

2. Жанры воздействия (жанры директивные и побуждающие).

3. Жанры общения, ориентированные на способ коммуникации (монолог, диалог, полилог)⁶.

² См.: М. П. Брандес, М. П. Ниронкова. Практикум по функциональной стилистике немецкого языка. М., 1974, стр. 16.

³ Там же, стр. 6.

⁴ В основе жанрового принципа построения словесного произведения лежит типовая цель, реализуемая в типовых условиях речевого общения, см.: М. П. Брандес. Информационно-регулятивная модель общей теории перевода. «Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков. Материалы Всесоюзной научной конференции», ч. I. М., 1975, стр. 16.

⁵ М. П. Брандес, М. П. Ниронкова. Указ. соч., стр. 12.

⁶ Там же, стр. 14.

По функциональной принадлежности различают жанры научной прозы, публистики, газетные и т. д.

Нами исследовался один из наиболее распространенных жанров научной прозы — журнальная статья из современных немецких специализированных журналов горно-геологической тематики.

«Статья» — общепринятый способ публикования научных результатов⁷. По своему статусу в информационной системе науки «статья» относится к первичным научным документам, т. е. к материальным носителям первичной научной информации в отличие от вторичных (рефератов, аннотаций и пр.), представляющих собой результат аналитико-синтетической переработки первоисточников. По предметно-тематическому признаку различают следующие виды журнальных статей:

1. Краткое сообщение — содержит сжатое изложение результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (в дальнейшем именуемых коротко НИР и ОКР) или их этапов.

2. Научно-техническая статья — излагает основные научно-технические результаты НИР и ОКР и «начальные» обобщения по проведенному исследованию.

3. Теоретическая статья — содержит результаты теоретических исследований, проводимых с целью выявления закономерностей объектов, разработки научных гипотез, теорий и т. д.

4. Научно-методическая статья — излагает методику научных исследований, испытаний, измерений.

5. Историко-научная статья — излагает историю развития видов наук, научной деятельности учреждений, видных ученых.

6. Дискуссионная статья — содержит спорные научные положения с целью обсуждения их в печати⁸.

Мы в основном ограничимся рассмотрением статей научно-технического содержания как самого распростра-

⁷ Само исследование и описание его результатов неразрывно связаны между собой. Публикация — продолжение исследования на уровне логического осмысливания его результатов путем сопоставления с прошлым опытом.

⁸ Классификация заимствована у Г. В. Корсунской, см.: Г. В. Корсунская. Типология первичных публикаций, освещаемых в реферативном журнале ВИНИТИ.— НТИ, 1969, № 7, сер. I, стр. 11 и сл.

ненного вида статей, публикуемых в исследуемом типе журналов.

С точки зрения информационного обеспечения наука является самоорганизующейся социальной системой, взаимодействие элементов которой обеспечивается информационными потоками — каналами, по которым ученые и инженеры накапливают информацию и обмениваются ею. В системе обмена научной информацией находится в обращении несколько видов научных документов. Объективной базой для их существования является многообразие форм научного моделирования реальной действительности⁹. Существующая система научных документов сложилась не сразу. Возникающие в процессе накопления научного знания специфические формы его закрепления, передачи и хранения изменялись соответственно темпам развития, науки, диктующим скорость оборота научной информации. Если в XVII в. ученый мог еще ожидать вызревания своих идей до уровня монографии, то во времена Ньютона эта форма научной коммуникации перестает соответствовать требованиям и заменяется научными журналами. С XIX в. научная статья становится главной формой научной коммуникации. С порождением системы реферирования и резюмирования, появлением библиографических изданий, обеспечивающих ученых оперативной научной информацией, возникли новые формы научной коммуникации, вызванные к жизни закономерностями развития самой науки и стимулируемые социальными условиями ее существования. Между старыми и новыми формами коммуникации происходит перераспределение функциональной нагрузки. «Анализ переходящих форм структуры научного общения вскрывает внутреннюю закономерность перехода к новым типам коммуникаций. На основе новых технических возможностей каждый раз происходили такие преобразования существующей системы, которые, сохраняя и прежний механизм коммуникаций, вызывали к жизни новые формы, обеспечивающие большую скорость обмена информацией»¹⁰.

Научные публикации представляют собой иерархизованную систему со строгими закономерностями, заключаю-

⁹ Ср.: В. В. Ученова. Гносеологические проблемы публицистики. М., 1974, стр. 94.

¹⁰ Е. З. Мирская. Система научных коммуникаций. «Социологические проблемы науки». М., 1974, стр. 370.

щимися в том, что публикации вышестоящих информационных уровней порождаются как обобщения публикаций нижестоящих уровней (например, «статья» создается на базе научно-технических отчетов, монография — на основе статей и отчетов, учебники и справочники — на базе монографий и т. д.), а публикации нижестоящих уровней появляются как следствие идей, заключенных в публикациях вышестоящих уровней¹¹. В этой связи приобретает важное значение типологическая характеристика «статьи» в сопоставлении с другими видами научно-технических документов.

Вопросы языково-стилистической типологии текстов входят составной частью в круг наиболее важных задач общелингвистического анализа. Основой для классификации научных текстов могут служить разные критерии, например, их назначение (цель), адресность (характер читательской аудитории), объем, способ издания, структурный признак, форма изложения и др.¹²

По способу изложения различают, например, следующие типы научных текстов:

1. Сообщения, последовательность изложения в которых диктуется ходом процесса мышления (например, теоретические статьи рассуждающего характера).

2. Сообщения, ход изложения в которых определен структурой изображаемого объекта (например, статьи описательного характера).

3. Сообщения, где материал излагается в хронологической последовательности, в которой проводилось исследование (например, статьи сообщающего характера).

Как можно обнаружить, этим трем типам статей соответствуют типовые речевые формы «рассуждение», «описание», «сообщение». Речевые формы играют особую роль в языковой организации научно-технического содержания, определяя тип речевого оформления. Как правило, они выступают в смешанных формах. Типическими сочетаниями являются комбинации: «описание + рассужде-

¹¹ Л. С. Козачков. Система потоков научной информации. Киев, 1973, стр. 188.

¹² См., например, классификацию видов источников информации, данную с семиотических позиций: В. И. Миронов. К типологии информационного обеспечения планирования и управления. «Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации», МГУ, 1973, стр. 227—229.

ние» и «повествование + рассуждение»¹³. Обращает на себя внимание, что преобладающей речевой формой научных текстов типа «статья» является «рассуждение». Не случайно «статью» часто относят к «рассуждающей» научной прозе. Попытку типологической характеристики текстов по пяти различным критериям предпринял Э. Бенеш, который в соответствии с традициями чешской лингвистики выделяет «практический стиль», куда относит технические тексты, и «собственно научный стиль» («теоретический» по терминологии Э. Бенеша), в котором выделяются подстили научных исследований (*Forscherstil*), учебников, справочников, а также дидактический и научно-популярный подстили¹⁴. Интересно, что классификация Э. Бенеша базируется до определенной степени на языковом принципе построения словесных произведений.

Известна типология первичных научных документов по принципу возрастания степени обобщения в них материалов, полученных в результате научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ¹⁵. Исходя из связи формы и содержания в документах, определяемых степенью их близости к НИР и ОКР, выделяются 5 главных ступеней обобщения:

1. Технический отчет — отражает наиболее полно, подробно и точно результаты исследований без обобщения фактологического материала. Рассчитан на широкий круг специалистов.

2. Научно-техническая статья — содержит кроме фактических сведений элементы логического осмысливания результатов проведенного исследования, например, путем выведения среднестатистических цифр, формулирования новых идей и т. д. Предназначена для узкого круга специалистов данной отрасли науки и техники.

3. Монография — представляет собой обобщение разнородных сведений, полученных в результате проведения нескольких НИР и ОКР, посвященных одной теме и со-

¹³ Ср., например: *E. C. Троянская. К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи. «Язык научной литературы»*. М., 1975, стр. 41.

¹⁴ *E. Benes. Zur Typologie der Stilgattungen der wissenschaftlichen Prosa. «Deutsch als Fremdsprache»*. Leipzig, 1969, стр. 3.

¹⁵ *Л. С. Фельдблум. Методологические проблемы типологии произведений научно-технической литературы.— НТИ, 1966, № 7, стр. 3 и сл.*

держащих больше субъективных факторов опосредования, чем статья. Создается только после накопления определенного количества фактических и обобщенных сведений.

4. Учебники — составляются по литературным источникам (статьям и монографиям) без проведения НИР и ОКР, с более масштабным, крупноплановым обобщением. Отличаются большой доступностью изложения с учетом их дидактического назначения.

5. Справочники — имеют самую высокую степень обобщения и составляются на основе фактографических сведений из первичных источников более низких уровней обобщения. Содержат апробированные сведения и рекомендации для их практического употребления.

Безусловно, перечисленные виды научных текстов не исчерпывают всего многообразия носителей научной информации, но лежащий в основе классификации «жанрово-образующий признак» позволяет отнести любой научный документ к той или иной разновидности.

Данная классификация может быть охарактеризована по своему принципу как стилистическая, поскольку она позволяет адекватно, в сопоставлении с другими научными документами, выявить специфический для «статьи» тип научного содержания и характер читательской аудитории — факторы, решающим образом сказывающиеся на языковом оформлении — и тем самым определить место «статьи» среди других источников научной информации. Согласно классификации, научно-техническая статья содержит изложение фактического материала, полученного при проведении НИР или ОКР, а также «начальные» обобщения этих данных, главным образом в виде «идей» — новых представлений ученого о некоторых закономерностях — и ориентирована на узкий круг специалистов данной отрасли науки и техники.

Итак, научно-техническая проза представлена некоторой совокупностью жанрово-маркированных текстов, различающихся по типу научного содержания и тем самым по своей языково-стилистической организации, по объединяемых единым назначением — передать и сохранить научно-техническую информацию. Наличие нескольких видов научных текстов отражает процесс жанрового раслоения научной речи в пределах единого функционального стиля науки.

Класс текстов, традиционно используемых для достижения сходных коммуникативных целей в сходных условиях общения, мы выделяем в «тип», или «сорт», текста. Сам термин образован по аналогии с немецким термином «Textsorte», применяемым в немецкой стилистической литературе¹⁶.

Типы текстов представляют собой устойчивые конструктивные схемы, активно воспроизводимые при создании новых текстов, относящихся по своим характеристикам к данному классу.

Обладая высокой репродуктивной способностью, типы текстов характеризуются общностью языкового оформления, порождаемой общностью принципов организации содержания и определенной языковой стандартностью¹⁷. Стандартизация проявляется в выборе иницирующим рекомендуемых образцов — наиболее целесообразных вариантов языкового выражения. Она облегчает работу автора и восприятие информации читателя¹⁸.

В изучении жанрово-типовых форм речи нет еще устоявшихся методов выделения, анализа и описания разновидностей текстов. Мало работ, посвященных лингвистическому исследованию жанрово-маркированных типов текстов¹⁹. В ряде последних работ анализ языкового оформления связного текста выполнен в рамках жанрово-стилистического подхода²⁰. Жанрово-стилистический подход может быть охарактеризован как функционально-целостный подход, поскольку в его пределах главным и основным признаком текста считается его целостность, системность, обеспечивающая целью.

¹⁶ См., например: E. Gülich, W. Raible, *Textsorten. Differenzierungskriterien aus linguistischer Sicht*, Köln, 1972.

¹⁷ Определение стандартности см., например: О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 452.

¹⁸ По данным инженерной психологии стандартизованные обороты воспринимаются в 8—10 раз быстрее, чем нестандартизованные.

¹⁹ К немногочисленным известным нам работам этого направления относятся исследования Е. Ф. Тарасова о текстах экономической рекламы (М., 1964); Р. Р. Фокермана о детском романе (М., 1968); Г. Я. Срлгашика о стиле репортажа (МГУ, 1970); Т. Н. Зориной о коммерческой корреспонденции (М., 1971); А. Ф. Архипова о радиointервью (М., 1974); В. Ю. Мироновой о научно-техническом реферате (М., 1975).

²⁰ См.: М. Н. Брандес. Стилистический анализ. М., 1971; М. Н. Брандес, М. Н. Ниронкова. Указ. соч.

Практическая цель жанрово-стилистического анализа заключается в установлении закономерностей выбора, комбинирования и распределения языковых средств, специфических для различных «речевых жанров»²¹.

В теоретическом плане исследование речевых жанров актуально, так как дальнейшее изучение функциональных стилей и подстилей в плане их жанровой дифференциации предполагает создание надежной текстологической базы²². А эта задача выполнима, видимо, именно путем исследования практических форм существования языка.

Методика выявления языковой специфики связного текста с помощью жанрово-стилистического анализа базируется на принципе соответствия между своеобразием предметно-логического содержания и языкового оформления. В связи с этим описание языковых особенностей осуществляется через выявление содержательной основы текста, которая, будучи закодированной языковыми знаками, предопределяет специфику ее формального выражения.

Лингвостилистическая характеристика жанрово-речевых построений дается не простым описанием наиболее частотных языковых реализаций, а объяснением их предпочтительного употребления через посредство коммуницируемого содержания. На практике интерпретация языка текста осуществляется путем обращения к экстралингвистической основе в ее динамике, т. е. к процессу взаимодействия экстралингвистических факторов формирования соответствующего содержания. По аналогии с термином «стилеобразующие факторы» их называют «жанрообразующими»²³.

Учитывая, что языковые средства связаны с предметно-логическим содержанием не прямо, а через посредство так называемых стилевых черт²⁴, описание языковой картины текстов осуществляется путем выявления законо-

²¹ Под речевым жанром понимается «тип целостного высказывания, традиционно используемый для достижения определенных коммуникативных целей в типовых условиях общения», см.: *А. Ф. Архипов*. Синтаксические особенности речевого жанра радиointервью (на материале радиовещания ГДР). АКД. М., 1974, стр. 4.

²² См., например: *Н. Ю. Глазунова*. К типологии жанров. «Сб. научных трудов И МГПИИЯ», 1974, вып. 81, стр. 177 и сл.

²³ См.: *А. Ф. Архипов*. Указ. соч., стр. 4.

²⁴ Термин Э. Г. Ризель.

мерностей языковой реализации стилевых черт, специфических для данного типа текста.

Взаимосвязь языкового выражения и экстралингвистических факторов, функционирующих в определенной лингвистической оформленности и выступающих в качестве стилистических принципов формирования языка, является теперь признанным положением в лингвостилистике и, видимо, не требует дополнительной экспликации. Подробное рассмотрение общих вопросов экстралингвистической обусловленности функциональных стилей, лежащих в основе организации словесного выражения, дано, например, в трудах М. Н. Кожиной с подробной историографией²⁵. Рассмотрим непосредственное содержание экстралингвистической основы применительно к «типам текстов».

Наш подход к анализу языка текста базируется на выявлении составляющих механизма его формирования — взаимодействии факторов, принимающих участие в создании текста.

Известно, что готовые тексты являются результатом определенного вида речевой деятельности, а сам процесс формирования текста носит деятельностный характер²⁶. Применение деятельностного подхода к анализу текстов целесообразно прежде всего потому, что позволяет адекватно объяснять принципы формирования текстов в понятиях теории речевой деятельности, а элементы структуры, цель и условия протекания деятельности рассматривать как основные экстралингвистические факторы формирования содержательной основы текстов²⁷.

В структуре коммуникативно-речевой деятельности усматриваются: субъект, выступающий ее носителем;

²⁵ См.: *М. Н. Кожина*. Указ. соч., стр. 52—87.

²⁶ В семиотических, лингвистических и особенно психолингвистических исследованиях часто указывается на деятельностный характер речемыслительного процесса, лежащего в основе формирования сообщений (текстов), а производство и передача сообщений описывается в терминах мотивов, целей и способов действия. См., например: «Психо-лингвистические проблемы массовой коммуникации». М., 1974 (раздел о контент-анализе); *А. У. Хараш*. Уровневая организация сообщения, его понятность и убедительность. «Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации», ч. I. МГУ, 1973, стр. 20 и сл.

²⁷ Ср., например, перечень этих факторов с опорой на деятельностный аспект у К. Гаузенбласа (ВЯ, 1967, № 5, стр. 71 и сл.).

объект, на который эта деятельность направлена (в нашем случае объектом деятельности являются получатель речи и предмет речи); средства, используемые субъектом — знаковые сообщения²⁸. Со стороны средств коммуникации речевая деятельность носит знаковый характер, в связи с чем знак и его отношения — семантические, синтаксические и прагматические — выступают в качестве важных конституирующих элементов механизма формирования сообщения (текстов). Сам же язык как средство материального воплощения содержания активно воздействует на его словесную организацию через свои системно-структурные отношения, закономерности парадигматических и синтагматических связей.

Важным фактором анализа языкового оформления выступает отношение коммуникатора (автора — отправителя речи) к изображаемому объекту и к будущей аудитории (получателю речи). Отношение автора выражается имплицитно через способ видения автором изображаемых явлений и предметов действительности (это проявляется в выборе речевых форм) и через отбор из множества присущих данному объекту качеств и свойств. Отношение к читательской аудитории выражается в учете ее социального статуса, положения, образования и т. д. В языке статьи ориентированность на узкий круг читателей-специалистов проявляется, например, в максимальной насыщенности текста объективным содержанием и его компактном изложении, в минимальном присутствии субъективных моментов.

В области научной информатики имеет место так называемая идеальная модель «отправитель/получатель», которая означает, что социальные условия при создании статей и социальный статус коммуникантов постоянны, изменяется в зависимости от конкретной области исследования лишь семантическая информация — предмет речи.

В качестве предмета речи выступает научно-техническое содержание, фиксируемое в виде характеристик процессов и явлений, описания технической аппаратуры и ее технических данных и т. д. Интеллектуальный характер

²⁸ См.: Е. П. Прохоров. Семиотические проблемы деятельности средств массовой коммуникации. «Материалы научного семинара «Семиотика средств массовой коммуникации»», стр. 60—62.

научно-технического содержания вызывает использование языковых единиц в основном в их предметно-логическом значении.

При передаче информации важно, чтобы индивидуальный или коллективный потребитель точно знал параметры «канала» связи (в нашем случае — статьи), по которому передается нужная ему информация. Жанрово-маркированные тексты «позволяют передавать и воспринимать информацию с минимальными потерями» благодаря знанию читателями основных параметров типов текстов²⁹. Анализ типов текстов в деятельностином аспекте позволяет объективно обосновать эти параметры: традиционность формы, структурность и целостность. Существующие виды научных документов сложились эмпирически в результате векового опыта. Однако для объяснения устойчивости «жанровой» формы научных текстов, видимо, мало ссылки только на традиционность. Форма нашего объекта — «статьи» представляет собой зримую логическую схему, отражающую идеальную структуру научного исследования. Общность же структуры исследований порождена общностью их методики, сложившейся объективно в ходе процесса научного познания действительности под влиянием общих законов отражения. Благодаря этому в последовательности расположения отдельных композиционных звеньев «статьи» ясно прослеживается диалектика ступеней познания — от формулирования и обоснования познавательной задачи во «введении» через изложение и обобщение основных результатов наблюдения или эксперимента в «основной части» к предсказанию возможностей применения результатов в «заключении». В свете сказанного форма статьи предстает как структурный стереотип, некий инвариант, в пределах которого, однако, возможны отклонения — результат взаимодействия формы и внешней среды³⁰, выступающие как его структурные варианты. На практике отклонения могут выражаться в опускании одного из звеньев, чаще всего

²⁹ Ср.: Н. Ю. Глазунова. Указ. соч., стр. 184.

³⁰ См.: «Среда в известной мере определяет форму существования целого в момент времени. Но целое... и не зависимо от среды... Целое может сохраняться в широких пределах изменения среды за счет регуляции своих компонентов...» (В. И. Свидерский, Р. А. Зобов. Новые философские аспекты элементно-структурных отношений. ЛГУ, 1970, стр. 85).

введения или заключения, которые, однако, в завуалированном виде обязательно присутствуют в основном разделе, где излагается «новая» информация — организующий центр «статьи».

Имманентность структуры, требование ее постоянства является отличительным «жанровым» признаком статьи и выделяет ее в ряду других типов научных текстов. Логичность построения статьи выполняет роль своеобразного «орудия управления» мышлением коммуникантов. С одной стороны, она направляет авторскую логику, обеспечивая автору оптимальное решение познавательной задачи с помощью проверенного практикой средства. С другой — учитывает особенности смысловой памяти читателя, его ассоциативного мышления, выделяя с помощью нормативной рубрикации структурно-семантические элементы, раскрывая последовательно «новое» и включая его ассоциативно в «старое» на основе имеющихся связей. Как уже упоминалось выше, «новая» информация³¹ выступает в роли «активного центра»³², а все остальные части служат его «фоном». Активность «центра» проявляется в том, что он координирует взаимодействие всех частей статьи, как бы вынуждая их работать на раскрытие главной темы — «новой» информации. В этом находит свое выражение «интегрирующее свойство целого»³³.

Структурность «статьи» прямо связана с условиями ее формирования. «Статья» — результат коммуникативно-речевой деятельности, которая, как всякое сложное действие, может быть представлена как «вытянутая во времени структура»³¹, складывающаяся из отдельных частей. В статье, как продукте деятельности, также можно выделить элементы, сочетанием которых программируется передача заключенного в ней содержания. Эти элементы оформляются в отдельные композиционные звенья — участки текста, объединяемые своими частными целеустанов-

³¹ В информатике принято различать собственно «новую» и «избыточную» информацию, обеспечивающую содержательность и помехоустойчивость сообщения, т. е. его способность противостоять искажениям.

³² См.: В. И. Свидерский, Р. А. Зобов. Указ. соч., стр. 80.

³³ См.: И. Т. Абрамова. Целостность и управление. М., 1974, стр. 36 и сл.

³⁴ Выражение Л. С. Выготского, см.: Л. С. Выготский. Структурная психология. МГУ, 1972 (уч. пособие).

ками³⁵. Статья из научно-технического журнала имеет в ее обычном виде следующие логические звенья: название (заголовок), аннотацию, введение, основной раздел, выводы (заключение), ссылки на литературу, иногда приложения, иллюстрирующие или поясняющие мысль, изложенную в основном разделе³⁶.

Параметр структурности «статьи» особенно важен для объективной интерпретации синтаксиса языка «статьи».

Структурированность содержания является основанием для дифференцированного описания языковых единиц по композиционным звеньям статьи.

«Целостность» связного текста — результат выполнения нынешним единой и исчерпывающей «внутренней программы»³⁷, направленной на достижение общей коммуникативной цели. Целостный текст представляет собой сложное образование, сформированное не простым соположением обособленных элементов, а внутренней связью взаимодействующих частей. «Целое — совокупное взаимодействие и его результат»³⁸. Целостность научного текста типа «статья» создается внутренним соответствием ее композиционных звеньев как функциональных единиц целого. Параметр «целостность» позволяет отказаться от суммативного «мозаичного» представления о «статье» и требует рассмотрения функционирования языковых средств в контексте целого.

К числу важных экстралингвистических факторов формирования содержательной основы «статьи», имеющих прямой выход в ее языковое оформление, следует отнести также включенность статей в единый журнал и принадлежность научно-технических журналов к сфере научной информации. Представленность этих факторов в языке «статьи» проявляется в ее языково-стилевой и оформительской однородности, большой компактности и объективности речевого выражения, строгой нормированности и

³⁵ «Деятельность обычно осуществляется некоторой совокупностью действий, подчиняющихся частным целям, которые могут выделяться из общей цели» («Основы теории речевой деятельности». М., 1974, стр. 14).

³⁶ В. С. Благинин, З. М. Кудрина. Совершенствование формы научного документа.— НТИ, 1967, № 1.— Авторы приводят интересную цифру: из 300 рассмотренных ими статей 240 (80%) написаны в точном соответствии с приведенной схемой.

³⁷ См.: «Основы теории речевой деятельности», стр. 26.

³⁸ Ср.: И. Т. Абрамова. Указ. соч., стр. 50.

высокой степени «адресности»³⁹, в подчеркнутой «установке на читателя».

Принадлежность статей к научному журналу, выступающему как образец письменной научной речи, обуславливает соблюдение единых для данного журнала требований к оформлению, структуре и языку статей. Стереотипность оформления находит выражение в одинаковом построении статей, в установленном объеме, употреблении обязательной для данной тематики терминологии с целью избежания разночтения, обязательности подачи иллюстраций и пр.

Языково-стилевая однородность «статьи» проявляется в отказе от чуждых иностилевых средств и обособлении отбираемых для выражения научной мысли языковых средств, что приводит к постепенному сокращению инвентаря этих средств и к усилению степени обязательности их употребления. Одновременно возрастает автоматичность выбора⁴⁰.

«Стремление к стилевой однородности научного языка отражает тенденцию к усилению дифференциации внутристилевой специфики языковых факторов, обслуживающих численно возросшее и обособленные друг от друга речевые якапы»⁴¹.

Включение научных журналов в сферу научной информации предопределяет устойчивость и общность форм первичных научных документов для обеспечения организованности в системе потоков научной информации, а также выполнение таких общих требований, предъявляемых ко всем источникам научной информации, как передача информации без потерь, без избыточности и наиболее экономно.

Основной целью редакторской обработки представляемых к публикованию рукописей является обеспечение оптимального донесения коммуницируемого содержания именно до той читательской аудитории, на которую рассчитано данное сообщение. Редактор добивается ясного

³⁹ «Адресность» понимается как ориентированность на определенный круг читателей.

⁴⁰ О. А. Лаптева. Внутристилевая эволюция современной русской научной прозы. «Развитие функциональных стилей современного русского языка». М., 1968, стр. 126.

⁴¹ Т. Г. Винокур. Об изучении функциональных стилей русского языка современной эпохи.— Там же, стр. 8.

изложения авторских мыслей, следит за правильностью терминологии и формулировок главным образом для того, чтобы предупредить возможные потери и искаажения информации, сократить время и увеличить полноту ее восприятия.

По мере углубления специализации «адресность» публикаций увеличивается. Фактор адресности находит выражение в широком применении узкоспециальной терминологии, в высокой информативности «статьи», сосредоточенности на самом предмете, максимальном отвлечении от всего того, что не составляет его сущности.

Основные итоги и выводы проведенного исследования сводятся вкратце к следующему:

1. Решение актуальной лингвостилистической задачи — выявление специфики научной речи и закономерностей функционирования научного языка — целесообразно осуществлять на основе жанрово-маркированных «типов текстов» как устойчивых «жанровых» форм представления содержания, активно воспроизводимых при создании новых текстов данной «жанровой» принадлежности. Исследуемый объект — научно-техническая статья — один из таких «типов текста».

2. Применение деятельностного подхода к анализу «типов текстов» позволяет объективно выявить их коммуникативную природу и основные параметры «статьи» (традиционность формы, структурность и целостность), существенно определяющие языковое оформление.

3. Своеобразие языкового оформления «статьи» отражает своеобразие ее речемыслительного содержания, предопределяющего специфику его формального выражения.

4. Адекватное выявление языковой специфики текстов требует в качестве обязательной предпосылки анализ соответствующих экстралингвистических факторов, взаимодействие которых формирует содержательную основу текстов.

5. Анализ взаимодействия экстралингвистических факторов формирования содержания научно-технической статьи позволил предварительно выявить следующие специфические для «статьи» «жанровые» черты:

1) большая компактность языкового выражения, вызванная спецификой типа содержания «статьи» и требованиями системы научной информации;

- 2) большая склонность языкового выражения как следствие ориентированности «статьи» на узкоспециализированную аудиторию;
- 3) строгая нормативность и стандартность языкового оформления как результат опубликования «статьи» в научном журнале.

О. К. ДУБОВИК

ОПЫТ КОМПОЗИЦИОННО-СМЫСЛОВОГО И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА ПАТЕНТОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И СНГ

В истории развития науки о языке анализ текстов являлся основой для заключений о наиболее существенных характеристиках естественных языков. Исследование и анализ текстов позволяют выявить факты, которые обусловлены не только системой данного языка, но и различными факторами, связанными с условиями существования и функционирования языка.

Лексико-грамматическая и композиционно-смысло-вая организация патента как одного из видов научно-технического текста определяются целью и условиями коммуникации, а также жанровым своеобразием.

Целью коммуникации в данном случае является сообщение новых сведений — научной технической или технологической информации, а также юридическая защита прав патентовладельца или изобретателя на заявленное изобретение.

Под условиями коммуникации понимаются следующие факторы: содержание (предмет, тема сообщения), отправитель и получатель информации (в данном случае — специалисты в определенных областях науки и техники), форма общения (в данном случае — письменный текст).

Под жанром мы понимаем целостную системно-структурную организацию текста, традиционно используемую для достижения определенных коммуникативных целей в типовых условиях общения¹.

¹ См. о жанре: А. Ф. Архипов. Синтаксические особенности речевого жанра радиointервью (на материале радиовещания ГДР). АКД. М., 1974.

Исследование английских текстов жанра «патент» проводилось методом качественного анализа с учетом плана содержания и плана выражения. Понятия плана содержания и плана выражения приняты нами в качестве рабочих понятий и по отношению к целому тексту.

В связи с этим мы не можем присоединиться к мнению А. В. Федорова о том, что «...содержание, хотя и выражается средствами языка, категория пелингвистическая, но язык с этой категорией соотносится... Поэтому стилистика не должна и не может отвлекаться от содержания»². Нам представляется важным уточнить эти мысли следующим образом: функциональная стилистика должна учитывать как композиционно-структурную организацию текста, так и его содержание, так как обе эти категории существенны для объяснения языковой организации текстов³.

К плану содержания текста относится организация темы, предмета текста.

К плану выражения текста относится организация языковых средств, используемых для передачи содержания текста. Композиционно-структурная организация текста, используемая для передачи определенного содержания определенными языковыми средствами, также, по нашему мнению, относится к плану выражения.

Возможен анализ научно-технических текстов с учетом одного или обоих указанных планов, но лишь исследование, учитывающее все три аспекта обоих планов, ведет к выявлению и объяснению стилистических и лексико-грамматических особенностей научно-технических текстов вообще и текстов патентов в частности.

В тексте патента (как и в любом другом тексте) вышеизванные аспекты тесно переплетаются и взаимосвязаны. Содержательный аспект определяет выбор формы изложения данной темы, представления данной информации, т. е. определяет выбор композиционно-смысловой структуры текста. Композиционная структура так же, как и содержание, обуславливает выбор и использование язы-

² А. В. Федоров. В защиту некоторых понятий стилистики.— ВЯ, 1954, № 5, стр. 69.

³ О роли композиции для достижения ясности изложения см.: Е. С. Троянская. К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи. «Язык научной литературы». М., 1975, стр. 48—50.

ковых средств, необходимых и достаточных для передачи данного содержания с использованием избранной композиционной структуры.

Для подтверждения и иллюстрации указанных положений рассмотрим композиционно-смысловую и лексико-грамматическую (в частности — синтаксическую) организацию текстов патентов, как одного из жанров научно-технической литературы.

В научно-технической литературе существуют сложившиеся правила композиционной структуры, т. е. деления текста на более мелкие отрезки.

Так, например, для научно-технической статьи характерно членение на введение, основную часть и заключение; деление на рубрики, параграфы; для патента — на собственно патентное описание и патентную формулу — краткое изложение сущности и особенностей изобретения⁴.

По своему композиционному строению статьи более индивидуализированы, чем патенты. Так, в статье в зависимости от содержания возможно варьирование количества и названий рубрик основного раздела. Встречаются статьи без раздела «Введение» или без раздела «Заключение». Часто в самостоятельный раздел в конце текста оформляется выражение благодарности (Acknowledgment).

В патente требования к композиционной структуре более жесткие. Так, любой патент Великобритании или США состоит из двух частей: собственно патентного описания и патентной формулы.

Патент среди научно-технических текстов представляет собой образец крайней степени жесткости композиционной структуры. Эта композиционная жесткость, стереотипность построения патентных описаний объясняется тем, что патент является не только научно-техническим текстом, но и юридическим документом; цель патентного описания — не только передача новой информации, но и юридическая защита прав на описанное изобретение⁵.

⁴ О патентной формуле см.: «Словарь терминов по информатике на русском и английском языках». М., 1971, стр. 64.

⁵ А. Р. Медведев. Классификация стилей французской научно-технической литературы. «Проблемы лингвистической стилистики (тезисы докладов)». М., 1969, стр. 87.

Тексты патентов до настоящего времени привлекали в основном внимание лишь специалистов соответствующих областей техники; языковой, содержательный и композиционный аспекты патентов изучены мало. Исследуются тексты патентов также с точки зрения возможности их автоматической обработки, поскольку их нормативность делает реальной задачу автоматического извлечения информации из патентов. Нормативность проявляется в одинаковом построении, обязательной для данной тематики терминологии, стереотипности синтаксических конструкций и т. д.⁶

Композиция и содержание патентов определяются условиями Парижской конвенции 1830 г. и Мюнхенской конвенции 1973 г., подписанных многими странами, в том числе СССР, США, Великобританией и другими, а также патентным законодательством соответствующих стран⁷.

В документах указано, что патентное описание должно включать в себя (кроме названия): обозначение области техники, к которой относится изобретение, указание на известные источники или методы, делающие более понятной сущность изобретения, описание самого изобретения с указанием его преимуществ, краткое (или и полное) описание фигур чертежей, указание хотя бы одного способа использования изобретения (последнее — по желанию). Патентная формула должна содержать один или более пунктов, явно оговаривающих предмет, на который заявлены права.

В законе Великобритании⁸ нет никаких уточняющих положений относительно композиции или содержания патента, кроме того, что описание должно начинаться словами: *What I (we) claim is:* — своеобразным заглавием — зачином патентной формулы. Предписывается также обязательная формулировка последнего пункта патентной формулы: «*Substantially as described with reference to and as shown in the accompanying drawings*».

⁶ О нормативности в научно-технической литературе см.: *И. С. Фельдблум. Методологические вопросы типологии произведений научно-технической литературы*. — ИТИ, 1966, № 7, стр. 4.

⁷ Здесь и далее см.: «*Manual for the handling of applications for patents and trade marks throughout the world*», v. I—II. Amsterdam, 1974.

⁸ «*Manual...*», v. I.

В положении о патентах США⁹ указано, что подобного пункта быть не должно. Однако есть ясные требования относительно композиционной структуры: патент должен начинаться с аннотации — абзаца в 50—100 слов. Затем идет упоминание о существующих прототипах и их недостатках, которые устраниены в предлагаемом изобретении¹⁰. После этого дается описание самого изобретения и его преимуществ, краткое (или и полное) описание чертежей. Патентная формула согласно этому положению должна содержать более одного пункта, причем последующие пункты могут быть зависимы от первого или независимы от него.

Текст патентного описания в патентах Великобритании (в отличие от текстов американских патентов, сразу вводящих в курс дела)¹¹ начинается с абзаца-введения, называющего компанию, которая «исправляет» выдачу патента, и лишь затем следует собственно описание. Описание строится по следующей схеме (одинаковой в британских и в американских патентах): класс, к которому относится изобретение; критическая оценка существующих подобных устройств; преимущества предлагаемого изобретения; принцип работы; возможности применения; описание чертежей. В британских патентах возможен и такой вариант — класс, к которому относится изобретение, — описание чертежа 1 и недостатки изображенного на нем устройства; описание чертежа 2, изображающего устройство, в котором устранены недостатки устройства на чертеже 1.

В патентах США возможен иной вариант, использующий некоторые элементы композиционного оформления научно-технической статьи. В этом случае патенты начинаются с «Abstract» — аннотации, затем следуют разделы, озаглавленные, например, так: «Background of the invention» (где сообщается, к какому классу относится изобретение, дается критическая оценка существующихproto-

⁹ «Manual...», v. II.

¹⁰ Эта часть американского патента несколько отлична от британского: она может быть более обширной, теоретически обосновывая необходимость предлагаемого изобретения.

¹¹ О некоторых различиях в оформлении британских и американских патентов см., например: Р. Ф. Пронина. Пособие по переводу английской научно-технической литературы. М., 1971, стр. 152—154.

типов), «Summary of the invention» (где содержится краткое описание изобретения, уточняется предмет заявки), «The drawings» (где кратко называется, что изображено на чертежах), «Detailed description» (где подробно описываются чертежи). Как видим, смысловая структура сохранена.

Интересно отметить, что даже при наличии заголовков в разделах описательной части патента и их графическом выделении, заглавие-зачин патентной формулы в патентах США в отличие от патентов Великобритании не выделяется графически.

Следует подчеркнуть, что варианты допустимы лишь в первой, описательной части патента, патентная формула не допускает никаких вариантов, так как является не только научно-техническим текстом, сколько юридическим документом, в котором возможность неоднозначного толкования должна быть полностью исключена.

Патентная формула — это краткое изложение сущности и особенностей изобретения, помещаемое в конце патента. Текст формулы строится по строго установленным правилам; каждый пункт представляет собой часть предложения¹² и является описанием изобретения или отдельных деталей его. Описание изобилует придаточными определительными предложениями и причастными конструкциями (в том числе и абсолютными причастными конструкциями), а также инфинитивными оборотами. Количество пунктов зависит от числа усовершенствований, каждый пункт — это описание одного усовершенствования.

Вот типичный пример первого пункта патентной формулы патента Великобритании.

WHAT WE CLAIM IS:—

1. An assembly comprising a watch case having an annular case body as herein defined and a separate back cover which closes the rear of the case body, and a ring member which is adapted to support a watch movement and which is mounted in the watch case, the ring member being provided, integrally or otherwise, with first shock — absorbing means which engages

¹² Хотя формально каждый пункт содержит признаки назывного предложения, заканчивается точкой, в нем нет глагола в личной форме, однако структура заглавия-зачина позволяет признать правильной и нашу точку зрения, так как вполне возможен (в теории) вариант: «What we claim is: — a circulating pump».

a portion of the case body to space the ring member therefrom, a second shock — absorbing means, integral or otherwise, with the first shock — absorbing means but separate from the ring member, being provided between the ring member and a portion of the back cover to space the ring member therefrom.

Патентная формула в патентах США строится несколько иначе. Во-первых, допустимы варианты заглавия-заявки: «What is claimed is:» (наиболее распространенное), «What we claim is:», «What I claim is:», «We claim:».

Во-вторых, патентная формула патентов США часто строится по образцу известного стихотворения «Дом, который построил Джек» — в каждом последующем пункте сначала почти полностью повторяется все то, что было сказано в предыдущих, и лишь затем прибавляется новая информация¹³.

e. g. We claim:

1. An attachment for lift trucks, comprising a transverse frame adapted to be fixed to the backing plate of the carriage of the truck, a bearing assembly reciprocably mounted on said frame, means for reciprocating the assembly, a fork — hanger boom pivoted in said assembly, and means mounted in the boom and assembly for swinging the boom about its pivot, said means *comprising a cylinder* and piston assembly mounted in the boom and having a movable element, a fixed sprocket wheel on the pivot of the boom, a fixed shaft and *rotatable sprocket wheel carried by the boom*, and a sprocket chain meshed with said sprockets and driven by the movable element of said piston and cylinder assembly.

2. An attachment for lift trucks, comprising a transverse frame adapted to be fixed to the backing plate of the carriage of the truck, a bearing assembly reciprocably mounted on said frame, means for reciprocating the assembly, a fork-hanger boom pivoted in said assembly, and means mounted in the boom and assembly for swinging the boom about its pivot, said means *including a horizontal cylinder* and piston assembly mounted in the boom and having a movable element, a fixed sprocket wheel on the pivot of the boom, a fixed shaft and *a rotatable sprocket wheel*

¹³ В этом случае пункты патентной формулы имеют самостоятельное правовое значение, см.: А. Г. Новожилов. Оформление заявок на изобретения в США. «Вопросы изобретательства», 1966, № 3, стр. 16.

mounted on the boom, and a sprocket chain meshed with said sprockets and fixed at opposite ends thereof to the movable element of the piston and cylinder assembly so as to be driven thereby.

Но встречаются и построения, подобные построению патентной формулы патентов Великобритании, т. е. в последующих пунктах содержится лишь ссылка на изобретение (или деталь его), упомянутое в одном из предыдущих разделов.

e.g. «3. A monolithic light display as recited in claim 2...»

«4. An attachment for forklift trucks as defined in claim 3...»

Таковы отличия в композиционной структуре патентной формулы патентов двух стран. Наблюдаются и некоторые языковые отличия, о которых будет сказано далее. Что касается плана содержания, то здесь отличий нет.

То, что в патентной формуле повторяется в скатом виде содержание первой части патента, является спецификой текста патента с точки зрения плана содержания по сравнению с другими научно-техническими текстами. Следовательно, патентная формула представляет собой своего рода вторичный документ, не содержащий новой научно-технической информации по сравнению с первичным документом — первой частью текста — патентным описанием (ср. отношение реферата и источника — статьи или книги). Можно также сказать, что первая часть текста патента содержит патентно-техническую, а вторая — патентно-юридическую информацию.

Требование изложения новой информации в форме, исключающей возможность неоднозначного понимания содержания, привело к выработке очень жесткой нормы композиционно-структурной организации патента. Говоря о жесткости композиционной структуры патента, мы имеем в виду не только обязательность наличия двух разделов в тексте патента, но также и фиксированность порядка следования частей патентного описания и патентной формулы, определенный порядок следования абзацев внутри этих частей. И, наконец, невозможность перемещения абзацев из одной части композиционной структуры в другую без нарушения смысла и логики изложения.

Перейдем к некоторым наблюдениям относительно логичности, так как именно она считается «стилеобразующим началом всех научных работ...»¹¹

Логичность, наряду со связностью и целостностью,— свойство структуры текста вообще и текста патента в частности. Под логичностью мы понимаем последовательность изложения, следование одной мысли за другой, их непротиворечивость, а также ясное прослеживание и выделение главного и второстепенного¹⁵. Логичность структуры есть отражение рассудочной деятельности человека. Логичность как свойство структуры текста проявляется в последовательности изложения материала, в прослеживании причинно-следственных отношений между абзацами, между сложными синтаксико-смысловыми единицами, между предложениями внутри этих единиц. Логическая последовательность изложения является «...стилеобразующим началом всех научных работ, несмотря на разнобразие индивидуальных стилевых манер»¹⁶.

В научном тексте используются разнообразные средства, необходимые «...для выражения аргументации мысли, строгой мотивировки следования ее звеньев»¹⁷. Синтаксическая организация научного текста, отбор синтаксических средств подчищен необходимости четкого выражения мыслей и их логических связей¹⁸. Логическая последовательность, завершенность изложения достигаются не только собственно синтаксическими средствами, но и различными лексико-грамматическими: указательными местоимениями, повторами, вводными словами¹⁹. Существующая в научном стиле система союзной связи, так же как и употребление конструкций с ненличными формами

¹¹ Н. М. Разинкина. Стилистика английской научной речи. М., 1972, стр. 28.— Об этом же см.: Л. Ольшки. История научной литературы на новых языках, т. I—III. М.—Л., 1933—1934, т. I, стр. 220.

¹⁵ В нашем понимании «логичность» не совпадает с пониманием логичности как «ионятийности» у М. П. Кожиной, см.: М. П. Кожина. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, стр. 102.

¹⁶ Н. М. Разинкина. Указ. соч., стр. 28.

¹⁷ М. П. Кожина. Указ. соч., стр. 321.

¹⁸ М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. Стилистика английского языка. Л., 1960, стр. 127.

¹⁹ М. Н. Сенкевич. Научные стили. М., 1967, стр. 33—34; М. Н. Кожина. Указ. соч., стр. 104.

глагола, являются выражением логической связности отдельных частей предложения и текста.

Среди лексико-грамматических средств логической связи можно отметить частое употребление наречий, союзных слов, вводных слов типа generally, therefore, although, according to, in order that, as.

Кроме указанных средств связи следует также отметить использование местоимений this, such, особенно местоимения this (these), как, например, в следующих предложениях:

This invention relates to rotary circulating pumps.

This flow generation gives a high rate of delivery for...

В данных примерах употребление местоимения указывает на тесную связь данного предложения с предыдущим. Такую же связующую функцию выполняет и арханизм said: *the said impeller, the said invention.*

В тексте патента явно прослеживаются логическое следование частей абзаца и частей текста — абзацев, особых элементов композиционной структуры текста.

e. g. *This invention relates to forklift trucks and more particularly to an attachment for such trucks whereby the conventional truck may be readily but temporarily modified so as to operate within the relatively narrow aisles of rack storage warehouses, as well as for longitudinal or bulk storage.*

Another object of the invention consists in the provision of a relatively simple attachment for conventional forklift trucks which may be secured in operative position to perform the above-mentioned functions by merely bolting the same to the backing plate of the vertically movable carriage.

A further object of the invention consists in providing an attachment for lift trucks in which a bearing assembly is mounted for transverse movement on the mast of the truck and carries a boom which is associated with a bearing assembly so as to be capable of a swinging movement through 180°.

Изучением строения абзаца на материале немецкого языка много и успешно занималась Т. И. Сильман. Интересным и ценным представляется введенное ею понятие композиционного значения абзаца как значения определенного законченного отрезка текста. Указанное значение абзаца вводится в добавление к «типографскому» и «ци-

таксическому» значениям, отмеченным А. М. Пешковским²⁰.

На материале английского языка абзацы рассматривались Н. С. Бухтияровой, Т. И. Гордиенко. Определение абзаца, данное Т. И. Гордиенко, представляется более приемлемым (Н. С. Бухтиярова рассматривала только абзацы-предложения, которым и было дано определение)²¹ и принимается в качестве рабочего в данном сообщении. Абзац — это специфическое композиционное объединение предложений, синтактико-смысловое звено в структуре целого текста с четкими визуально-акустическими границами (визуальные границы — красные строки, а акустические измеряются величиной более чем в две моры)²².

Являясь звеном в структуре целого текста, абзац не обязательно совпадает со сверхфразовым единством, т. е. он может совпадать с последним, быть больше или меньше его, а также может строиться из отдельных предложений.

Классической формой абзаца считается форма триады, при которой в начале сформулирована «тема» абзаца, затем следует «разработка темы» и в конце подводится «итог». В этом случае абзац совпадает со сверхфразовым единством.

В патенте абзацы-триады не встречаются. Это можно объяснить тем, что в патенте такая композиционно-речевая форма, как объяснение, практически отсутствует, а рассуждение в чистом виде также не используется, а ведь именно эти формы характерны для других типов научных текстов. Абзацы типа: «Предположим, что $a = \dots$ (равно тому-то). Тогда, если $b > 0$ (больше пуля), то $c = \dots$ (равно тому-то). Если же $b = 0$ (меньше или равно пулю), то соответственно $c = \dots$ (равно тому-то). Следовательно, b не может быть больше пуля» в патенте невозможны.

В патентах Великобритании и США преобладают та-

²⁰ Названия применительно к определению А. М. Пешковского даны Т. И. Сильман в работе «Проблемы лингвистической стилистики» (Л., 1967, стр. 106—107). А. М. Пешковский говорит об абзаце в указанных значениях в работе «Русский синтаксис в научном освещении» (М., 1956, стр. 459).

²¹ Н. С. Бухтиярова. Абзац в научном и художественном тексте. «Стилистико-грамматические черты языка научной литературы». М., 1970.

²² Т. И. Гордиенко. Абзац в профессионально-книжной речи (на материале английского языка). АКД. М., 1975, стр. 4.

кие композиционно-речевые формы, как сообщение (сообщение об изобретении, перечисление фактов, сведений), в котором логическое развитие мысли часто заменено логической констатацией, и описание, в котором иногда присутствует рассуждение. Поэтому для патентов характерны «усеченные» абзацы, содержащие один или два элемента абзаца-триады.

Абзацы одного композиционного раздела патента связаны между собой в основном присоединительной связью, но встречается и подчинительная связь.

Исследование связей между абзацами, как и между предложениями, часто затруднено тем, что разные виды связей могут оказаться реализованными с помощью одних и тех же формальных средств.

Присоединительная связь между абзацами реализуется в основном посредством лексико-грамматических и семантических повторов²³. Наиболее часто встречающиеся типы: A flow generator is... The flow generator...; Liquid flows through... The flow of the liquid... Иногда повторы подкрепляются связующими средствами типа: although, therefore, thus, а также местоимениями this, such, these.

В некоторых случаях повторы связывают абзацы, не следующие непосредственно друг за другом. Это имеет место при описании чертежей, например, когда сначала указывается, что изображено на рис. 1, рис. 2 и т. д., а затем подробно описываются детали рис. 1, рис. 2 и т. д. Связь между несоседними абзацами прослеживается и в описании-характеристике изобретения в начале патента, когда дается характеристика всего устройства, а затем отдельных его частей.

Семантические повторы, связывающие по смыслу абзацы, не находящиеся в непосредственной близости, но входящие в один композиционный раздел, позволяют говорить о возможности выделения сверхабзаца в тексте патента. Сверхабзац включает в себя несколько абзацев, объединенных семантически и лексически или грамматически.

²³ Под семантическим повтором мы, вслед за С. И. Гиндиным, понимаем «повтор некоторого неграмматического значения, некоторой совокупности смысловых признаков», см.: С. И. Гиндин. Внутренняя организация текста (элементы теории и семантический анализ). АКД. М., 1972, стр. 14.

Паряду с присоединительной связью между абзацами патента можно выявить и подчинительную связь. Примером может служить следующий сверхабзац, объединяющий несколько абзацев подчинительной связью.

e. g. Embodiments of our invention are illustrated in the accompanying drawings *in which*:—

Figure 1 is a section through a centrifugal pump and a manually operable control valve; and

Figure 2 is a section showing a modified control valve.

Здесь подчинительная связь второго и третьего абзацев по отношению к первому подчеркнута концовкой абзаца: *in which*:—, которая показывает, что не закончен не только абзац, но и предложение.

Такой же характер связи и между пунктами патентной формулы по отношению к заглавию-зачину; все пункты патентной формулы, являясь пронумерованными абзацами, представляют собой часть предложения — сверхабзаца, объединяющего все пункты патентной формулы и заглавие.

Членение на абзацы некоторых композиционных частей, таких, как вступление-сообщение в британских патентах, и описание чертежей, например, часто носит формальный характер. Так, во вступлении-сообщении выделяется в абзац распространенное название изобретения — вероятно для того, чтобы привлечь внимание получателя информации к новому. Членение на абзацы в данном случае служит сигналом «Внимание! Новая информация!», хотя логически такое членение не обязательно, так как название изобретения (2-й абзац в британском патенте) является продолжением первого абзаца, где говорится, какая компания «испрашивает» выдачу патента на изобретение, которое и называется далее. О тесной связи первых двух абзацев британских патентов говорит и тот факт, что часто в конце первого абзаца стоит не точка, а знак: —, указывающий на продолжение мысли в следующем абзаце, а также на то, что оба абзаца входят в один сверхабзац.

e. g. We, Allwhiler AG., a German Body Corporate, of Radolfzell, (Bodensee), Germany, do hereby *declare the invention*, for which we pray that a patent may be granted to us, and the method by which it is to be performed, to be particularly described in and by the following statement:—

This invention relates to rotary circulating pumps.

Такая же связь и между абзацами раздела «пояснение к чертежам» (пример был приведен ранее).

В тексте патента встречаются также абзацы, связь между которыми можно назвать соположением: абзацы не связаны друг с другом формально, не вытекают один из другого логически, а лишь расположены друг за другом, и каждый из них раскрывает одну из сторон общей микротемы. Под микротемой нами понимается часть общего содержания текста, одна из сторон общей темы. Такие абзацы объединены единством микротемы, по смыслу.

Такая же связь может существовать и между абзацами, входящими в состав раздела «критическая оценка существующих прототипов». Так, в одном из патентов Великобритании три абзаца, составляющие раздел, кратко описывают существующие подобные виды насосов. В первом абзаце указывается, какие типы роторов обычно употребляются в подобных насосах. Во втором уточняется, какие насосы используются в особых случаях. В третьем добавляется, какие еще существуют насосы, подобные указанному. В последнем (третьем) абзаце подводится также итог сказанному и намечается новая микротема, т. е. уточняется, насос с какими характеристиками требуется и что улучшено в предлагаемом изобретении по сравнению с существующими прототипами.

Абзацы последнего типа, которые условно можно назвать бифункциональными, так как они выполняют наряду с коммуникативной функцией также и связующую функцию (связь двух микротем общего содержания текста), встречаются в тексте патента нередко, их место в структуре текста строго фиксировано. Бифункциональность присуща второму абзацу текста британского патента, где называется изобретение. Этот абзац вместе с первым составляет сверхабзац (о чем упоминалось ранее), и в то же время он называет микротему следующего раздела, указывая, о прототипах какого именно устройства пойдет речь далее.

Как видим, местоположение абзацев, выполняющих две указанные функции, композиционно закреплено, на стыках других разделов текста патента бифункциональные абзацы такого рода не встречаются.

Представляется важным отметить также и такую характерную черту абзацев патентов, как наличие абзацев-

клише, абзацев-штампов. Под абзацем-клише здесь понимается стереотипная семантико-грамматическая структура, воспроизведенная в типичных ситуациях общения, в данном жанре, в однотипных текстах. Так, первый абзац всех просмотренных патентов Великобритании повторяется слово в слово (кроме названий компаний) во всех текстах. Нередко первый абзац пояснения к чертежам также представляет собой клише, но здесь допустимы и варианты, как бы иересказ абзаца-клише «своими словами».

Часто стереотипным является начало второго абзаца британских патентов и первого абзаца патента США.

e. g. *This invention relates to...*

Место абзацев-штампов (как и бифункциональных абзацев) композиционно закреплено в тексте патента. Эта фиксированность места абзаца-клише — характерная черта композиционно-структурной организации текста патента.

Употребление абзаца-клише является, по всей видимости, сигналом того, что за штампом следует что-то важное, какая-то новая информация: название изобретения или название чертежей.

Следует отметить, что подобные абзацы-клише не характерны для других научно-технических текстов (исключение может представлять раздел «Выражение благодарности» в научно-технических статьях), хотя наличие языковых, фразовых клише отмечается в некоторых научно-технических текстах.

Еще одной композиционно-языковой особенностью текстов патентов является обилие длинных абзацев-предложений. Это характерно для патентов Великобритании. Патенты США написаны более короткими предложениями. Тем не менее, обилие абзацев-предложений характерно и для патентов США.

В патентах отмечаются также сверхабзацы-предложения — это патентные формулы, не имеющие аналогов в других научно-технических текстах.

Фиксированность в тексте указанных абзацев и сверхабзацев является композиционно-структурной особенностью текста патента. Употребление их — одна из характерных черт языковой организации, плана выражения текста.

Важной синтаксической характеристикой текста па-

тента в плане выражения является обильное и частое употребление сложных предложений и предложений, осложненных конструкциями с неличными формами глагола. Речь идет именно об обильном употреблении названных типов предложений, так как для синтаксиса научной прозы вообще характерны длинные сложные предложения, отражающие логическую мотивированность и аргументированность научной мысли.

Простым предложением, не осложненным конструкциями, может быть, например, второй абзац-предложение в патентах Великобритании, или абзац-предложение, которым начинается описание чертежей.

Следует подчеркнуть, что из всего многообразия сложных предложений в патенте наиболее часто встречаются сложноподчиненные предложения, причем с придаточными определительными, например:

Circulating pumps are also known which have a through flow cross-section within the pump casing which is at least as great as that of the intake cross-section.

Подобные сложноподчиненные предложения более других подходят для четкого выделения главного и второстепенного, подчеркивания зависимости одного от другого, что и необходимо для обеспечения ясного и однозначного понимания содержания.

Из конструкций с неличными формами глагола преимущественное употребление получили причастные конструкции.

Ограниченный набор синтаксических конструкций, однообразие синтаксиса текстов патентов и некоторых других научно-технических текстов позволили Т. И. Гордиенко сделать вывод о максимальной простоте синтаксиса этих текстов²⁴. Однако однообразие не то же самое, что простота, и обилие сложноподчиненных предложений и причастных оборотов говорит о громоздкости и сложности синтаксической организации, т. е. не о простоте, а о стереотипности синтаксической организации текстов патентов.

Язык научно-технической литературы (а патент — один из жанров этой литературы) является одной из форм функционирования литературного языка.

²⁴ Т. И. Гордиенко. Указ. соч., стр. 25.

Различия английского языка в Англии и США изучены достаточно детально²⁵, определены различия между этими вариантами на уровне фонетики, лексики, грамматики. Естественно предположить, что различия не могут не затрагивать и лексико-грамматическую организацию текстов, т. е. долики, вероятно, проявляться и на уровне текста.

Язык патента совмещает в себе черты языка технической литературы и языка юридических документов; этим объясняется тот факт, что в текстах патентов часты штампы, канцеляризмы, архаизмы, природе которых чужды изменения. Поскольку необходимо добиваться ясности изложения и понимания содержания, адекватного восприятия информации, заложенной в тексте, то описания (в особенности в британских патентах) объемны, многословны, подчинение придаточных предложений многоступенчатое.

Патенты США написаны более доступным для понимания и более простым для перевода языком, более короткими предложениями.

Нужно отметить, что ограниченность выбора в лексике и синтаксисе текстов патентов, большая степень стереотипности языкового содержания паряду с жесткостью композиционной структуры облегчают перевод текстов патентов человеком и делают возможным автоматическую обработку текстов с помощью ЭВМ. Композиционная структура текстов настолько жесткая и четкая, что можно было бы составлять тексты патентов, используя бланки с указанными названиями подразделов.

Итак, мы постарались выявить и описать некоторые, на наш взгляд, более важные характеристики композиционно-смысловой и лексико-грамматической организации текстов патентов. Изложенное позволяет сделать некоторые предварительные выводы:

1. При выявлении стилистических и семантико-грамматических закономерностей текстов патентов, при их анализе необходимо учитывать композиционно-смысловую и лексико-грамматическую организацию текстов.

2. Композиционно-смысловая организация текста обуславливает выбор и использование средств языка в

²⁵ См., например: А. Д. Швейцер. Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971.

типовых условиях общения. Композиция и содержание в свою очередь обусловлены целью коммуникации и речевой ситуацией, а также жанром произведения. Дополнительным унифицирующим фактором являются положения патентного законодательства соответствующих стран.

З. Мексико-грамматическая организация текстов патентов не унифицирована законодательным путем, но наличие юридической функции паряду с коммуникативной, а также влияние композиционно-смыслового аспекта обусловили высокую степень стереотипности языковых средств, наличие и широкое употребление абзацев-клише. Требование ясности изложения, адекватного восприятия информации, заложенной в тексте патента, а также функция защиты прав изобретателя или патентовладельца влекут за собой многословность патентов, обилие определительных предложений и описательных конструкций.

Г. Е. МАЛЬКОВСКИЙ

РУССКИЙ ПЕРЕВОД ПАТЕНТА США НА ИЗОБРЕТЕНИЕ

Зарубежные патенты на изобретение занимают определенное место в потоке технической информации, поступающей на предприятия, в научно-исследовательские институты и проектные организации. Ознакомление инженерно-технических работников, рационализаторов и изобретателей с иностранной патентной литературой способствует повышению качества выпускаемых изделий по уровню мировых стандартов, получению более полных данных о состоянии мировой техники и позволяет избегать лишних затрат времени и средств на разработку известных решений. США в техническом отношении являются ведущей страной среди капиталистических стран мира, ввиду чего именно патенты США переводятся наиболее часто.

Задачей нашей статьи является раскрыть особенности языка патентов, показать на характерных образцах текстов способы их перевода. Патент, как известно, является

не только техническим, но и юридическим документом, и своеобразие его языка состоит в органическом перенесении научно-технического стиля и стиля официального канцелярского. Изложение материала в патенте отличается большей строгостью, чем, например, изложение материала в технической статье или книге.

Патент США состоит из трех основных частей: 1) изложение целей изобретения и критика прототипа; 2) детальное описание изобретений; 3) пункты формулы изобретения.

Перевод патента целесообразно начинать со второй части, с детального описания изобретения, так как здесь излагается его суть, без понимания которой трудно перевести заглавие патента и его текст. В первом абзаце обычно содержится указание на область, к которой относится изобретение, и называется объект изобретения:

The present invention relates to a speedometer cable and particularly to such cables and their fittings for use in automobiles (288771)¹. 'Настоящее изобретение относится к гибкому валу спидометра и в особенности к таким гибким валам и их арматуре, которые используются в автомобилях'.

Иногда объект изобретения указывается сразу:

This invention relates to an improved machine for making flexible shafts (3110993). 'Настоящее изобретение относится к усовершенствованному станку для навивки гибких валов'.

Затем излагаются недостатки существующих конструкций (kritika prototipa):

The main disadvantage of known machines for making flexible shafts is that each layer of wire has to be twisted separately on a core... (3110999). 'Основным недостатком известных станков для навивки гибких валов является то, что каждый слой проволоки навивается отдельно на сердечник'.

Далее излагаются цели изобретения, достижение которых позволяет устранить указанные недостатки:

It is accordingly an object of my invention to provide an improved pipe-cleaning device which will be employed to scour the inner walls of both straight and curved sections of pipe (2693611). 'Ввиду этого целью моего изобретения

¹ Указание номера патента США (United States Patent Office).

является создание усовершенствованного устройства для очистки трубок, которое может быть использовано для очистки внутренних стенок прямых и изогнутых участков трубки'.

Затем следует описание рисунков, прилагаемых к патенту:

Fig. 1 is a general elevational view, partly in section, of a flexible tubing structure constructed in accordance with and embodying the principles of my invention (2402497).

'На рис. 1 представлена общая вертикальная проекция гибкого рукава, выполненного частично в разрезе в соответствии с основными положениями настоящего изобретения'.

Описание рисунков обычно сопровождается указанием на то, что цифровые обозначения на всех чертежах и в разных проекциях соответствуют цифровым обозначениям в тексте. Например:

Similar numerals refer to similar parts throughout the several views (2063205). 'Однаковые цифровые обозначения относятся к одним и тем же деталям на всех проекциях'.

В той части патента, которая содержит детальное описание изобретения, и в тексте с описанием рисунков употребляются сложные предложения с несколькими причастными оборотами. Например:

It is thus to be noted that the spring 5 will be retained in the hole of the boss 6 of the head member 3 by means of the portion which is bent or formed at one of its ends as indicated at 8 to lock the spring 5, the portion 4 forming a further driving means between the flattened portion 7 on the shaft 2 and the head member 3, and at the same time permitting the major portion of the torsional load on the shaft 2 to be taken by the flattened portion 7 in engagement with the flattened portion of the hole 1 (2063205). 'Таким образом, следует отметить, что пружина 5 будет удерживаться в отверстии выступа 6 головки 3 посредством части 4 выступа, которая выполнена на одном из его концов, как это показано в точке 8, для фиксации пружины 5; часть 4 выступа предназначена также для передачи энергии от сжимаемого участка 7 на валу 2 к головке 3, и в то же время эта часть выступа позволяет сжименному участку 7 принять основную часть нагрузки, скручающей вал 2 при взаимодействии со сжименной частью отверстия 1'.

Иногда перед пунктами формулы изобретения авторы указывают на возможность модифицировать их изобретение в пределах основной его идеи. Например:

My invention consists in the construction and novel combination and arrangement of the parts above described and illustrated, it being obvious that various changes in the form, proportions and minor details of construction may be resorted to without departing from the spirit of my invention as expressed in the following claims (2057842).

‘Суть моего изобретения заключается в создании и новом расположении описанных выше и показанных на рисунках деталей, причем совершенно очевидно, что различные изменения в форме, размерах и второстепенных деталях конституции могут быть произведены в пределах основной идеи моего изобретения, изложенной в следующих пунктах формулы изобретения’.

Отметим часто встречающееся выражение *those skilled in the art* со значением ‘специалисты’, а также выражение *in the art* со значением ‘область науки’ в следующем отрывке:

However, it will be readily appreciated that the vanes can be mounted in any suitable manner well known in the art (2640213, III колонка, середина). ‘Однако следует указать, что лопатки могут быть смонтированы и любым другим целесообразным способом, известным в этой области науки’.

Непосредственно перед пронумерованными пунктами формулы изобретения стоят такие часто встречающиеся фразы, как: *Having thus described my invention what I claim is* (2549480). ‘Описав мое изобретение, я заявляю’. *The invention is hereby claimed as following* (2444001). ‘*Настоящим я заявляю о своем изобретении следующее*’.

Если в части патента «Детальное описание изобретения» сложные предложения встречаются наряду с простыми, то в пунктах формулы изобретения — это только одно сложное предложение:

A coiled wire flexible shaft comprised of concentric members including a plurality of wire coils one snugly within another, with successive coils oppositely pitched so that each other strand rest upon a plurality of turns of an inner strand, said strand having a ridged fluted region comprising a plurality of longitudinal ridges in each coil thereof separated by circumferentially spaced inwardly cur-

ved grooves, each and every strand in each and every coil being curved inwardly so that it passes in arcuate form one ridge into the next and is received in a groove of the adjacent inward member, and each individual strand being deformed opposite each strand of the adjacent coil to provide a compact mass in which the wires of successive coils interlock with one another and provide a solid structure constituting a ridged region in unitary relation with the rest of the flexible shaft structure and effective for preventing relative movement of any strand (2255234). 'Выполненный из проволочных спиралей гибкий вал, состоящий из концентрически расположенных элементов, включающий в себя ряд витков проволоки, плотно прилегающих один к другому, причем следующие друг за другом витки расположены друг относительно друга с таким шагом, что каждая прядь поконится на нескольких витках внутренней пряди; на указанном валу имеется жесткий гофрированный участок, содержащий несколько продольных бороздок на каждом витке, отделяемых друг от друга идущими по окружности вогнутыми вовнутрь канавками; каждая прядь в каждом витке согнута вовнутрь, благодаря чему она проходит, будучи изогнутой от одной бороздки к другой, в канавку смежного внутреннего элемента; каждая отдельная прядь деформирована в месте, расположением напротив каждой пряди каждого смежного прилегающего витка для создания компактной массы, в которой проволоки последующих витков переплетаются друг с другом и создают сплошную структуру, представляющую собою жесткий участок, вливающийся в одно целое с остальной частью гибкого вала и способный предотвратить перемещение одной пряди относительно другой'.

В следующем пункте (пункте 2) мы находим повторное описание той машины, которая описана в пункте 1 с добавлением новых мыслей: ...at the end thereof and effective for preventing relative unwinding movement of any strand (2255234). '...у его конца и способный предотвратить перемещение одной пряди относительно другой, приводящее к разрывке'.

Перед названием деталей и узлов, имеющих цифровые обозначения, может быть употреблен 1) определенный артикуль: The slier may be conveniently rotated... (2416076, III колонка). 'Маховик 25 удобно вращать...'; 2) неоп-

ределенный артиклъ: More specifically as shown in Fig. 3, the reversely bent flange, indicated by the reference number 15A, is in this instance provided at its outer portion with a groove, as indicated at 20 within which a packing member 21 is adapted to be engaged (2402497, III колонка).

‘Более подробно, как это показано на рис. 3, отогнутый назад фланец, помеченный цифрой 15а, в данном примере снабжен канавкой па внешней стороне, помеченной 20, в которой работает уплотнительный элемент 21’; 3) пулевои артиклъ:... is mounted forward of said bushing 43. (2416074, IV колонка) ‘...смонтирован перед указанной кольцеобразной втулкой 43’.

Следует отметить, что лишь этот последний случай соответствует правилам употребления артиклъ, изложенным в учебниках по нормативной грамматике английского языка.

Часто встречающиеся в патентах местоименные наречия, несомненно, являются частью официального стиля. Вот несколько примеров:

1. Местоименные наречия типа thereof, therewith, thereafter, thereto и др.: Fig. 1 is a general plan view of an apparatus for forming mechanical transmission cables, embodying the principles of the invention and adapted to carry out the methods thereof (2444001, I колонка). ‘На рис. 1 представлена общая горизонтальная проекция установки, навивающей гибкие приводные валы, в которых воплощены основные идеи настоящего изобретения и с помощью которых можно осуществлять связанные с ними методы работы’; Fig. 1 is a side view, on a large scale, showing a short section of covered rubber thread with the covering partly unwound therefrom (2300241, II колонка, середина). ‘На рис. 1 представлена в крупном масштабе боковая проекция, на которой показан небольшой участок резиновой нити с покрытием, причем покрытие частично снято с нее’.

2. Местоименные наречия типа hereto, heretofore, hereinafter: ...in conjunction with the accompanying drawings, and more specifically defined in the claims appended hereto (2884771, I колонка). ‘...вместе с рисунками и чертежами, более подробно описанными в пунктах формулы изобретения, прилагаемых здесь’; This has heretofore necessitated the replacement of the entire casing with its end fittings or the return of the damaged casing. (1993368,

I колонка, середина). ‘Раньше это создавало необходимость замены всего кожуха с его концевой арматурой или восстановление поврежденного кожуха’.

3. Местоименные наречия типа whereof, wherebetween, whereas и др.: The supply reel 98 is adapted to supply a wire 105 to the winding of forming station, whereas the supply 99 is adapted similarly to supply a wire 106 (244001, IV колонка). ‘Катушка 98 может подавать проволоку 105 к навивочной головке, тогда как сдаточная катушка 99 таким же образом может подавать проволоку 106’; ...and wherein the forming of the structure at the forming station is effected in a balanced manner. (244001, I колонка). ‘... и где образование плетения на навивочной головке осуществляется равномерно...’; One end wall 174 of the spindle housing 12 encircles the sealing plate 58 a slight clearance 180 therebetween (3122872, IV колонка, середина). ‘Одна торцевая стенка 174 кожуха 12 шинделя охватывает уплотнительную пластинку 58 с имеющимся между ними уплотнительным зазором 180’.

В языке патентов, кроме наречий, образованных от основы прилагательных (например, strong—strongly), употребляются наречия, образованные от причастий настоящего времени (например, driving—drivingly), которые могут: 1) определять причастие прошедшего времени: Adjustment of the device drivingly connected with the transmission element 25 may be accomplished by turning the selector dial 43 (218547, стр. 4, колонка слева, вторая половина). ‘Регулировка прибора, соединенного посредством привода с передаточным элементом 23, может быть осуществлена путем поворота селекторного диска 43’; 2) определять герундий: another important object is to provide geared means for drivingly connecting the rotatable or twistable parts (2185407, стр. 2, колонка слева). ‘Следующей важной целью является создание зубчатого механизма для привода вращающихся деталей’; 3) располагаться между глаголом to be и причастием прошедшего времени в пассивной конструкции: The spring element can thus be mounted and be yieldingly secured in place by simply slipping over the sleeve into position... (2688857, II колонка, середина). ‘Таким образом, пружину можно смонтировать и упруго закрепить, заставляя ее скользить по втулке до своего места’; 4) образовывать The Split Infinitive: ...having a preferable diametrical bore 69 (fig. 9) adap-

ted to slidingly receive the end 70 of a stop element 71 (2185407, стр. 4, колонка слева). ‘...имеет желательно диаметрально просверленное отверстие 69 (рис. 9), пред назначенное для приема конца 70, причем конец 70 стопора 71 скользит в указанном отверстии’.

Встречаются также наречия, образованные от причастий прошедшего времени: ...by the nut 37 which is threadedly connected with the free end of said trunnion (2416076, III колонка). ‘...при помощи гайки 37, которая посредством резьбы соединяется со свободным концом указанной подвески’.

В патенте (2444001) для обозначения одной и той же детали употребляются сочетания *drive sleeve*, *driving sleeve* со значением ‘ведущая втулка’. Определение без суффикса, как и определение с суфф. *-ing*, переводятся причастием действительного залога в отличие от причастия страдательного залога в сочетаниях тип *driven sleeve* ‘ведомая втулка’.

Таковы некоторые специфические особенности языка патента США на изобретение и наиболее распространенные приемы их перевода.

Н. М. РАЗИНКИНА

ОБ ЭКСПРЕССИВНОСТИ СИНТАКСИСА
АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ПРОЗЫ XIX И XX ВВ.
(стилистические приемы нарастания и антитезы)

Исследование языковых характеристик функционального стиля (научного, художественного, делового и пр.) связано с рассмотрением таких существенных вопросов, как индивидуализация средств языкового выражения, системность и унификация этих средств в различные периоды становления стиля. Индивидуализированный характер языковых средств функционального стиля проявляется в целом ряде его особенностей и в первую очередь в его синтаксическом строе.

Мысль о том, что не существует особого синтаксиса научной речи¹ в течение длительного времени тормозила изучение научной прозы. В настоящее время, однако, синтаксис научной прозы привлекает внимание ряда исследователей, которые, как правило, обнаруживают в типизированных синтаксических структурах научной прозы немалые выразительные возможности. Последние заложены в использовании многообразных вариантов порядка слов в предложении, в синтаксисе сверхфразовых единиц и абзацев, наконец, в типовых композиционных построениях, характерных для определенных жанров научной прозы (ср., например, особенности синтаксической организации журнальной естественнонаучной статьи, рецензии и т. д.).

Типизированный характер синтаксиса научной прозы, проявляющийся с разной степенью отчетливости в боль-

¹ «Вряд ли существует особый синтаксис научного языка, в то время как изучать синтаксис Альфонса Доде или ритм фразы Ростана — вполне возможная задача» (Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 281).

тичестве языковых разновидностей научной прозы, дает возможность представить синтаксические признаки научных текстов в виде некоторого инвентарного списка характерных особенностей. Эти особенности таковы: а) максимальная степень эксплицитности выражения синтаксических связей; б) преобладание многокомпонентных сложных предложений с союзной связью и, как следствие, широкое употребление союзов и союзных слов, эксплицирующих связи как внутри предложения, так и в сверхфразовых единствах; в) многоступенчатость последовательного подчинения (в сложных синтаксических построениях); г) наличие сверхфразовых единств и их четкая логическая расчлененность; д) высокая средняя длина предложения²; е) предпочтительное использование предложений с прямым порядком слов; ж) логическая связность синтактико-семантических элементов. Эта связность есть требование функциональной направленности научной прозы и находит дополнительное (как имплицитное, так и эксплицитное) выражение в специальных соединительных средствах, создающих разветвленность изложения³.

Отмеченные выше особенности синтаксиса научной прозы представляют собой систему взаимосвязанных и взаимообусловленных языковых средств. «Отработанная в процессе своего развития система таких средств становится в большей или меньшей степени автоматизированной и поэтому легко воспроизводимой... Именно отработанная, автоматизированная система связей средств выражения лежит в основе почти немедленного распознавания типа текста, т. е. функционального стиля»⁴.

Однако, несмотря на высокую степень определенности языковых характеристик научной прозы, ее синтаксическая структура не может считаться изученной достаточно

² Г. А. Лессиком была показана зависимость длины предложения от характера текста: чем содержание конкретнее, тем чаще в тексте встречаются короткие предложения; чем содержание абстрактнее, тем чаще длинные предложения (Г. А. Лессик. О некоторых различиях простого предложения в научной и художественной прозе. «Русский язык в национальной школе», 1963, № 6, стр. 10).

³ В. Н. Скибо. О контактиности предложений в английской научной прозе. «Сб. научных трудов МГИИИ им. Мориса Тореза», 1973, вып. 73, стр. 255.

⁴ И. Р. Гальперин. О понятиях «стиль» и «стилистика». — ВЯ, 1973, № 3, стр. 22.

полно. Одно из заметных белых пятен в изучении синтаксиса научной прозы представляет собой круг вопросов, связанных с функционированием в научной литературе элементов экспрессивного синтаксиса. Известно, что в общей «семье» стилистических приемов и выразительных средств английского литературного языка система экспрессивного синтаксиса исследована наименее полно. Еще менее изучено функционирование элементов экспрессивного синтаксиса, которые находят последовательное применение в языке научной литературы. Между тем подобное исследование способно затронуть ряд проблем, представляющих интерес для понимания специфики языка научной литературы, ибо функционирование экспрессивного синтаксиса всегда подчинено типовым правилам синтаксической организации текстов, принадлежащих к образцам того или иного функционального стиля.

Элементы экспрессивного синтаксиса, функционирующие в научной прозе, не только не вступают в противоречие с исторически сложившейся языковой индивидуальностью английской научной прозы, но, более того, они оформляются в соответствии с общими типовыми правилами (см. выше) синтаксических построений, характерных для научной прозы, и тем самым четко демонстрируют центростремительные силы функционального стиля научной прозы.

Своебразная стилистическая трансформация элементов экспрессивного синтаксиса в научной прозе может оказаться в ряде черт. Например, в научной литературе использование этих элементов имеет более четкие и однозначные границы, нежели в текстах художественных. Далее, экспрессивность синтаксиса научной прозы передко проявляется при отсутствии лексической экспрессивности. Ряд элементов экспрессивного синтаксиса (такие, например, как параллелизм, градация, антитеза) служит оформлению характерных для научной прозы сверхфразовых единиц и объединению их в абзацы.

Ниже на примере нарратива и антитезы делается попытка проследить функционирование двух элементов экспрессивного синтаксиса в стиле английской научной прозы XIX и XX вв. Особенности этого функционирования, прослеживающиеся на протяжении столетия, способны указать на один из многочисленных механизмов формирования синтаксической специфики научной прозы.

Парастание (градация)

Нарастание (градация, климакс⁵) принадлежит к числу приемов, основанных на своеобразной синтаксической композиции высказывания. Сущность нарastания состоит в том, что каждое последующее высказывание (или часть высказывания) весомее в логическом отношении и/или сильнее в эмоциональном плане, чем предыдущее.

Среди ведущих постоянных признаков, присущих всем без исключения градационным высказываниям, выделяется различная, постепенно возрастающая степень эмоциональной насыщенности содержания следующих друг за другом частей высказывания, либо различная, постепенно возрастающая степень значительности содержания, степень экспрессивности последовательных частей. К этим признакам относится также определенная однотипность в построении сополагаемых элементов, их синтаксическая соразмерность и структурная уравновешенность⁶.

Рассмотрим некоторые характерные случаи нарastания в английской естественнонаучной литературе XIX в.:

If the liquid sticks together pretty well, like treacle, the motion spreads very rapidly: this corresponds to a poor conductor. If the liquid be very mobile, the propagation of motion inward is slow: this corresponds to a very good conductor. If the liquid were perfectly nonviscous, it would correspond to a perfect conductor (*«Nature»*, 37, 1887, 9—10*).

В данном случае нарastание осуществляется лексическими средствами (a poor conductor—a very good conductor—a perfect conductor), а именно, за счет использования прилагательных, расположенных в порядке возрастания интенсивности их качества. Нарастание сопровождается использованием повтора. Повторяемое существительное conductor создает фон, на котором отчетливо выступает ряд слов, образующих нарастание.

Нарастание, таким образом, сопровождается здесь двумя явлениями: лексическим повтором и синтаксиче-

⁵ От греч. χαλιξ, буквально — лестница.

⁶ С. Ю. Медведева. О лингвистической природе и функциях стилистического приема нарastания (на материале английского языка). АКД. М., 1972, стр. 4—5.

* Цифры означают том, год и страницу журнала *«Nature»* (сокращено N).

ским параллелизмом, также представляющим собой своеобразный повтор. Этот двоякий повтор способствует созданию однотипно организованного фона, на котором отчетливо выступает ряд слов, образующих нарастание. Кроме того, двоякий повтор вносит ритмическую организацию в высказывание, уже одним этим выделяя его среди других, ритмически неорганизованных, частей высказывания. Синтаксический параллелизм, сопровождающий нарастание, присутствует и в следующем примере:

If the wire be fine, or its substance badly conducting, it all starts nearly together; but if it be made pretty thick, and of well conducting substance, its outer layers may start appreciably sooner than the interior. And if it were infinitely conducting, no more than the outer skin would ever start at all (N 37, 1887, 10).

В рассмотренных выше случаях нарастание создается последовательным расположением прилагательных в порядке возрастания степени их качества. Однако стилистический эффект нарастания наблюдается в научных текстах и в том случае, когда ряд слов, если их взять изолированно (вне данной синтаксической конструкции), не объединяется ни логическим, ни эмоциональным усилением. Например:

One feels in reading the descriptions of apparatus, processes, and precautions, that they are not merely what the author has collated, but *what he has seen and done and learned* (N 40, 1889, 52).

Вряд ли можно утверждать, что глагол *learn* обладает большей логической или эмоциональной весомостью, чем *see* или *do*. Однако в данном контексте *and learned* закономерно воспринимается как слово, продолжающее линию нарастания. Это объясняется следующей причиной: нарастание втягивает в свою структуру даже те слова, которые, казалось бы, никак не могут образовать логическое (или эмоциональное) усиление, навязывает этим словам свою ступенчатую организацию, делает их контекстуальными синонимами.

В приводимом выше примере этому процессу «втягивания» в ступенчатую структуру нарастания способствует особая ритмическая организация членов выделенного ряда, а именно: все три слова (*seen*, *done*, *learned*) односложные, все они выделены благодаря повторению неударного

союза *and*. Таким образом, эффект нарастания зависит от его синтаксической структуры: стоит изменить синтаксический рисунок высказывания (например, устранив многосоставие, способствующее ритмическому выделению слов), в котором реализуется нарастание, и исчезает градация, усиление. Представляется справедливой мысль о том, что градационный контекст сближает значения различных лексических единиц, в содержании которых вне данной речевой ситуации иногда трудно обнаружить точки соприкосновения. В таких случаях синонимические отношения между компонентами возникают в результате использования их в структурно эквивалентных позициях для характеристики одних и тех же явлений в одном эмоциональном направлении. По сравнению с градационными рядами, элементы которых и во внеречевом контексте употребления обнаруживают сходство и совместимость, в данном случае значительно возрастает роль формальной организованности этих лексических единиц в составе одного градационного ряда, возрастает давление этой структуры на содержание соположенных единиц⁷.

В нарастании всегда присутствует момент эмоционального напряжения. Это обусловлено самой природой нарастания, иными словами, тем, что самое основное, самое важное в высказывании сообщается не сразу, а постепенно. И эта постепенность, эта ступенчатость, заставляющая читателя (или слушателя) ожидать и предвидеть вершину нарастания, уже создает определенную эмоциональную напряженность.

Для нарастания, создающегося путем расположения слов в порядке возрастания их логической и эмоциональной весомости, характерно следующее: последнее звено, образующее вершину, кульминацию нарастания, обычно имеет характер обобщения. Например:

The author is very hard in his structures upon the feeble physiologist, the wicked materialist, and indeed upon the modern professors of science generally... (N 40, 1889, 29);

To get evolution to the point of a working process, we need, says Dr. Ward, a teleology — «evolution with guidance», or a plan, or a purpose. And this to our author implies something incompatible with mechanism, mind, god (N 62, 1900, 25).

⁷ С. Ю. Медведева. Указ. соч., стр. 10—11.

В рядах the feeble physiologist—the wicked materialist—the modern professors of science generally; mechanism—mind—god каждое последующее звено по своему понятийному объему шире, чем предыдущее⁸. Эмоциональная окрашенность данных двух рядов парастания усиливается за счет использования прилагательных нейтрального значения feeble, wicked и существительного god, появление которого на страницах естественнонаучного журнала более, чем необычно.

Парастание может восприниматься как таковое не только потому, что каждая последующая ступень (член)

⁸ Парастание, завершающееся обобщением, характеризует язык поэтических произведений. Так, в поэме Байрона «Лонг Жуан» находим:

. the fate who levels
Towns, nations, worlds in her revolving pranks
So ordered it

(с. VIII, ст. XLIV).

Men with their heads reflect on this and that --
But women with their hearts on heaven knows what!
And yet a headlong, headstrong downright she,
Young, beautiful, and daring -- who would risk
A throne, the world, the universe, to be
Beloved in her own way...

(с. VI, ст. II—III).

Парастание, последнее звено которого несет обобщающий характер, находим и в следующем случае:

Still I have no dislike to learned natures,
For sometimes such a world of virtue covers;
I knew one woman of that purple school,
*The loveliest, chaste*st, best -- but quite a fool

(с. IV, ст. CXI).

Сначала поэт указывает на отдельные черты (*loveliest, chaste*st), выделяющие предмет описания из ряда других людей, а затем делает обобщение — best. Противопоставление, которое мы находим в данном случае (*the loveliest, chaste*st, best, but — quite a fool), создает яркий комический эффект.

Роль обобщения в последнем звене парастания может выполнять и целое словосочтание:

Call them (wars) *Mars*,
Bellona, what you will — they mean but wars

(с. VIII, ст. I).

Здесь градация начинается с перечисления: Mars, Bellona. Затем поэт делает обобщение — what you will, которое несет разговорный характер и выступает поэту как стилистически контрастная единица рядом с книжным, мифологическим обозначением войн.

градации обладает большей логической и/или эмоциональной весомостью по сравнению с предыдущей ступенью, сколько в результате общего эмоционального напряжения, создаваемого описываемой ученым ситуацией. Это видно, например, в описании картины возникающего и усиливающегося шторма: *The pressure falls rapidly, and great gales are induced, and the storm seems to be held for several hours over the region between Nova Scotia and Newfoundland... (N 18, 1878, 7).*

Первые два звуна данного нарастания имеют однотипную ритмическую организацию. Ср.:

The pressure falls rapidly $\underline{\underline{z}}$ $\underline{\underline{z}}$ $\underline{\underline{z}}$ $\underline{\underline{z}}$
and great gales are induced⁹ $\underline{\underline{z}}$ () $\underline{\underline{z}}$ $\underline{\underline{z}}$

Несколько градация способна вносить ритмическую организацию в высказывание, можно сказать, что английская научная проза XIX в. не лишена некоторых элементов ритмической упорядоченности.

В естественнонаучных статьях XIX в. исходящая градация (или антиклиакс) используется для организации сложного синтаксического целого. Например:

A magneto-electric exploder having the two horseshoe magnets, four bobbins, and two rotating armatures were next employed. This gave a loud sound through 57,000 units of resistance. With a view to test the power of the machine to work through bad insulation, it was tried through about thirty yards of bare copper wire lying on wet grass. *The sound was still powerful.*

Again the exploder and telephone were connected to a stretched wire belonging to a fence, at a distance apart of about fifty yards. The wire was supported by fifteen intermediate iron uprights, with their ends buried in the ground. Earths were made for the telephone and exploder by means of a clasp knife and a little garden fork. *A perfectly distinct sound was heard.*

Lastly, one terminal of the exploder and telephone were connected by a wire, the others being joined by a length of twenty-four feet of thin string dipped into river water and subsequently drawn through a dry cloth. *An audible sound was noticed (N 18, 1878, 11).*

⁹ Значки:— безударный слог;— ударный слог, () — пропуск слога.

Нисходящая градация основана здесь на использовании прилагательных *powerful—distinct—audible* и глаголов *was heard—was noticed*. Способность климакса и антиклимакса организовывать столь крупные «куски» высказывания возможна лишь в письменном типе речи, позволяющем читателю проводить сопоставление частей высказывания, в значительной мере удаленных друг от друга. Подобный дистанционно разобщенный механизм отбора и распределения синтактико-стилистических выражительных средств способен собрать в единое компактное построение описание того или иного явления, сообщая ему композиционно завершенную форму сложного синтаксического целого¹⁰.

Во второй половине XIX в. нарастание как один из способов синтаксической организации высказывания используется для описания предмета исследования: *Under these conditions Mr. Mayer's experiments will show configurations of equilibrium of two, or three, or four, or any multitude of ideal points in a plane...* (N 18, 1878, 13).

Здесь мы сталкиваемся с одной из наиболее простых и очевидных форм нарастания, а именно, с градацией.

¹⁰ Нарастание, организующее сложное синтаксическое целое, используется и как прием строфической композиции стихотворения:

*Восток белел... Ладья катилась,
Ветрило весело звучало!
Как опрокинутое небо,
Под ними море трепетало,
Восток алея... Она молилась,
С кудрей откинув покрывало;
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...
Восток пылал... Она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...*

(Ф. Тютчев). См.: А. Квятковский.
Поэтический словарь. М., 1966, стр. 134.

У Байрона находим:

I think I can explain myself without
That sad inexplicable beast of prey —
That Sphinx, whose words would ever be a doubt,
Did not his deeds unriddle them each day —
That monstrous hieroglyphic — that long spout
Of blood and water, leaden Castlereagh!
(«Don Juan», c. IX, st. L).

реализующей количественное отношение. Повтор неударного союза or способствует ритмическому выделению числительных: or'two, or'three, or'four... Вершину нарастания образует словосочетание any multitude, по своему смыслу обобщающее предыдущие звенья ряда¹¹.

Однако не всякое количественное увеличение получает эмоциональную композицию, типичную для градации. Такое увеличение может иметь форму перечисления. Например: The author has considered first samples of two, three, then four and five particle aggregations. Здесь констатируется лишь сам факт рассмотрения образцов определенного вида. Восприятию выделенного ряда слов как данного в перечислении (без элемента эмоционального усиления) способствует наличие таких лексических единиц, как first, then, союза and перед последним элементом ряда. Научные тексты XIX в. показывают, что одной из наиболее частых функций нарастания является его использование для отрицательной критической оценки трудов ученого (его взглядов, теории, концепции и т. п.):

¹¹ Примером количественного нарастания в поэтическом произведении может служить следующий отрывок из поэмы Байрона «Дон Жуан»:

«Yes, Don Alfonso! husband now no more,
If ever you indeed deserved the name,
Is 't worthy of your years? — you have threescore,
Fifty, or sixty, it is all the same...»

(с. I, ст. CXLVI).

Приведем несколько примеров, в которых эмоционально-окрашенное нарастание идет в «обратном порядке», т. е. по степени убывания количества:

But it (death) was all a mystery. Here we are,
And there we go: — but where? *five bits of lead,*
Or three, or two, or one, send very far!

(с. V, ст. XXXIX).

When I call «fading» martial immortality,
I mean that *every age, and every year,*
And almost every day, in sad reality,
Some sucking hero is compell'd to rear,
Who, when we come to sum up the totality
Of deeds to human happiness most dear,
Turns out to be a butcher in great business...

(с. VII, ст. LXXXIII).

В обоих случаях поэт прибегает к типичному средству, характерному для нарастания, а именно, к использованию повторяющегося неударного союза (and, or) для выделения ряда слов, образующих градацию.

It is, indeed, a conceivable supposition that every species of Rhinoceros and every species of Hyena... was separately constructed *out of dust, or out of nothing, by supernatural power*. But until I receive distinct evidence of the fact, I refuse to run the risk of insulting any sane man by supposing that he seriously holds such a notion (N 1, 1870, 441).

Нарастание, используемое в этих целях, влечет за собой употребление лексических средств, придающих высказыванию окрашенность разговорной речи (например, введение местоимения I: I receive; I refuse, разговорной фразеологии: to run the risk). Другой пример: For him (Mr. Koestler)... Galileo is *arrogant, vain, deceitful* (N 1, 1870, 596). В ряду выделенных прилагательных *deceitful* образует кульминацию нарастания, завершая перечень отрицательных качеств ученого.

Какие особенности характеризуют синтаксический стилистический прием нарастания в современной английской научной литературе? Нарастание как одно из средств эмоционально-окрашенной синтаксической организации высказывания продолжает использоваться на страницах современной научной прозы. Однако если в прошлом веке этот прием использовался недифференцированно во всех жанрах научной прозы, то сейчас нарastание используется преимущественно в рецензиях и в лекциях. Иначе говоря, нарastание сохранилось в таких жанровых разновидностях научной прозы, которые и по сей день допускают использование эмоционально-окрашенных языковых средств. Будучи употребительным синтаксическим средством в современных рецензиях и лекциях (а также в устных выступлениях), нарastание утратило одну из своих существенных особенностей, а именно, в наше время нарastание не обладает той ритмической упорядоченностью, которую оно имело в прошлом веке.

В XX в. усилилась тенденция использовать нарastание для организации таких крупных отрезков высказывания, как сложное синтаксическое целое. В сложном синтаксическом целом нарastание, как правило, сопровождается двойным повтором, т. е. синтаксическим параллелизмом и лексическим повтором. Например:

...at this moment we really have no justification for believing that the ultimate problem will be solved; it might be that we shall never achieve satisfactory contain-

ment; it might be that the radiated power will be of such surface density that evaporation of impurities from the walls will beat up; it might be that the reaction will have such a positive temperature coefficient that will go off with explosive violence (N 183, 1959, 572—573);

When the NMR spectra of the lipoproteins are examined at high temperatures, several changes are seen. The signals associated with aromatic amino acids of protein are not increased very much in intensity, but the signals associated with the lipid moiety become sharper. The signal associated with the $N(CH_3)_3$ group is particularly sharp, of the order of 6 Hz (N 221, 1969, 261).

Другой особенностью нарастания в современной естественнонаучной литературе (особенностью, которая не наблюдалась в прошлом веке) является употребление в нарастании слов-терминов. Так, в примере, приводимом ниже, описание использования термоядерного взрыва определяется с помощью геологических терминов: Edward Teller... also mentioned the use of thermonuclear explosions to achieve objectives such as *mining, rock crushing, huge earth-moving jobs* (N 183, 1959, 573).

Однако нарастание, употребляемое авторами естественнонаучных работ в наши дни, сохраняет и некоторые черты сходства с употреблением данного стилистического приема в прошлом веке. Это касается прежде всего использования в самом градационном ряду (и в его ближайшем контекстном окружении) слов, имеющих эмоционально-оценочное, характеристическое значение. Наиболее заметно эта особенность нарастания дает о себе знать в рецепциях. Например, в следующей выдержке обращают на себя внимание такие слова, как *exhilaration, thrill* (в контекстном окружении), *master, passion* (в самом градационном ряду):

If the reader can be kept occasionally reminded that there are alternative ways of thinking about the nature of the chemical bond, he can turn to this new «Nature of the Chemical Bond» and experience all the exhilaration and thrill that come from being in the presence of a *master of the art of exposition, a man with an immense knowledge of chemistry, a man with a passion for it* (N 189, 1961, 3).

Перечисленные выше особенности нарастания (утрата им ритмической организации; использование внутри нарастания слов-терминов; тенденция к использованию нара-

стания для организации сложного синтаксического цепного, в котором можно увидеть типичную для научной прозы разветвленную систему сочинительных и подчинительных связей) свидетельствуют, в частности, о том, что становление синтаксических норм стиля научной прозы связано не столько с полным вытеснением средств экспрессивного синтаксиса, сколько со специфическим приспособлением этих средств к формализованному аппарату научного повествования.

Итак:

1. В рассмотренной научной литературе нарастание используется как в статьях, описывающих и обобщающих экспериментальные данные, так и в полемических произведениях, а также в рецензиях на книги, учебники и т. п. Данный синтаксический прием организации высказывания употребляется для описания того или иного изучаемого явления, а также для критической (в основном отрицательной) оценки рецензируемой работы.

2. Нарастание способствует передаче детализированного понятия, представления, суждения. Сама композиция нарастания дает возможность показать несколько черт (сторон) одного и того же предмета, явления. Это происходит благодаря тому, что основной синтаксической характеристикой, присущей всем единицам, заключающим нарастание (простому предложению, сложному предложению, сложному синтаксическому целому, абзацу), являются сочинительные отношения между ними, означающие синтаксическую равноправность соположенных элементов¹².

3. Эмоциональность нарастания обусловлена самой ступенчатой структурой данного стилистического выразительного средства: намеренное замедление в передаче наиболее существенной части высказывания, заставляющее читателя (или слушателя) предвидеть и ожидать вершину нарастания, создает эмоциональный «пакал» градации.

4. Нарастание втягивает в свою ступенчатую структуру слова, которые, казалось бы, не способны создавать логическое и/или эмоциональное усиление. Оно навязывает таким словам контекстуальное значение, делает их контекстуальными синонимами. Этому процессу способст-

¹² I. R. Galperin. Stylistics. Moscow, 1971, стр. 221; С. Ю. Медведева. Указ. соч., стр. 16.

вует ритмическое выделение слов, образующих нарастание.

5. Нарастание, используемое в естественнонаучных текстах, имеет некоторые черты сходства с нарастанием в поэтических произведениях: во-первых, и в том и в другом случае нарастание имеет своеобразную ритмическую организацию; во-вторых, в естественнонаучных текстах и в поэтических произведениях данный стилистический прием способствует организации сложного синтаксического целого и, наконец, в-третьих, последнее звено в ряду нарастания может и в том и в другом случае иметь характер обобщения по отношению к предыдущим членам градационного ряда.

Антитеза

Подобно нарастанию антитеза представляет собой стилистический прием, использующий своеобразную синтаксическую композицию высказывания. Антитеза создает контрастную характеристику описываемого явления, внося элемент сопоставления одного понятия с другим.

Характеристика явления путем выделения его полярно противоположных качеств, классификация фактов по принципу противительных отношений типичны для научной мысли. Являясь традиционным синтаксическим средством научной прозы прошлого века, антитеза служит целям объяснения, толкования явления через его противопоставление другим явлениям, фактам, обстоятельствам. В результате раскрываются антагонистические признаки и черты рассматриваемых фактов, вносится ясность в их наиболее специфические свойства.

Антитезу как стилистический прием следует отличать от простого логического противопоставления. Так, в предложении *The book has various excellences and defects* (N 34, 1886, 510) понятия *excellences* и *defects* логически противопоставлены друг другу. Здесь нет той эмоциональной окрашенности, которая является обязательным качеством антитезы; мы не наблюдаем здесь и каких-либо смысловых наслоений, которые, как правило, возникают у слов, вовлеченных в синтаксический рисунок антитезы.

Указание на противоположные по своей природе факты находим⁷ в следующих случаях логического противопоставления:

...the reason why *neither the great nor the little* muschel-kalks are found in England is that the sea did not succeed in pushing its way as far West as our country... (N 33, 1886, 556);

It is *easy* to accumulate probabilities — *hard* to make out some particular case in such a way that it will stand rigorous criticism (N 1, 1870, 439).

Для простого логического противопоставления, не имеющего характера специального стилистического приема, чаще всего используются прилагательные, реже — существительные и глаголы. Например:

The first two processes are *formative*, while the third is *destructive* (N 1, 1869, 48);

The statement must be *true or false*, and if true... the question, which Huxley has set himself to discuss, is no longer one of such a simple nature as he represents it to be (N 2, 1870, 412);

No doubt, its (the slag's) *contraction or expansion* will depend upon its composition (N 47, 1892, 8);

...the clicks combined to form a loud musical note which rose and fell as the speed of rotation was *increased or diminished* (N 18, 1878, 11);

...the *existing* and the *extinct* forms of life (N 33, 1886, 556)

...it (the analogy) is a *comparison of a relatively simple with an infinitely complex* (N 58, 1898, 64).

Однако было бы упрощением сказать, что в данных случаях мы имеем дело с простым противопоставлением, лишенным какой-либо языковой обработки. Нетрудно заметить, что члены противопоставления имеют определенную ритмическую организацию; об этом говорит а) наличие слов, в которых количество слогов одинаково (ср.: *formative* — *destructive*; *positive* — *negative*; *rise* — *fall*; *true* — *false*); б) наличие аллитерации (*existing* — *extinct*; *simple* — *complex*); в) существование «рифмующихся» пар (*contraction* — *expansion*; *positive* — *negative*). Следовательно, даже простые случаи логического противопоставления (сочетания слов по прямому контрасту), не организованные в стилистический прием антитезы, имеют определенную языковую упорядоченность.

В научных работах прошлого века логическое противопоставление могло быть вовлечено в параллельную синтаксическую конструкцию. Например: ...the aborigines

of Victoria, no less than Greek poets, have sought... *to reconcile what was apparent with what was assumed* (N 33, 1886, 562); The two perfectly distinct hypotheses have generally been so confounded together that *those who have attacked or defended the one have also attacked or defended the other* (N 3, 1870, 30).

В данных случаях лексический повтор и ритмическая организация высказывания, сопровождающие синтаксический параллелизм, накладывают дополнительные эмоциональные обертоны на логические противопоставления. Кроме того, общая эмоциональная окрашенность текста, связанная с описанием критических этапов в развитии той или иной области науки, способна наложить свой отпечаток на слова, находящиеся в отношении чисто логического сопоставления. Например:

Local influences, political opinions, and other extraordinary considerations, one after another, *opposed or favoured the results which were gained* (N 23, 1880, 130);

Indeed, *the failures*, so called, that attended these researches were, in reality, *successes of the highest importance to meteorological science...* (N 18, 1878, 5).

Рассмотренный материал позволяет сказать, что в научной литературе XIX в. логические противопоставления редко выступают в «чистой» форме, несложненными особой ритмической организацией или эмоциональными обертонами. Однако, несмотря на такую осложненность, в приводимых выше примерах мы имеем лишь указание на сопоставление по антонимичным признакам, не основанное на специальных языковых приемах реализации противопоставления. «Когда же реализация антitezы осуществляется не только приемом соположения противоположных явлений, а вовлечением в орбиту противопоставления также и слов, не выражющих противительных понятий, мы имеем дело со стилистическим приемом. В этих случаях слова получают дополнительные оттенки значений... Поэтому в анализе антitezы необходимо учитывать те смысловые насложения, которые появляются в словах в результате противопоставления понятий»¹³.

Стилистический прием антitezы используется авторами естественнонаучных трудов XIX в. для описания

¹³ И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, стр. 243.

свойств объекта исследования. Например: They (figures) show at first that, whereas *the presence of equal absolute weights in solution produces very different effects, the presence of chemically equivalent weights produces very similar effects* (N 36, 1887, 10). В данном случае помимо логического противопоставления different effects—similar effects в орбиту контрастного сопоставления втягиваются следующие два понятия: equal absolute weights — chemically equivalent weights, которые, будучи рассмотрены самостоятельно, вне синтаксического рисунка, присущего антитезе, не имеют противительного значения. Процессу создания антитезы способствуют синтаксический параллелизм и лексический повтор, оформляющие контрастное сопоставление понятий.

Однако не всегда авторы научных работ прибегают к столь четкому синтаксическому оформлению антитезы. Например: Some sensations are mere pleasures and pains... Others stretch away into the region of pure intellect (N 1, 1869, 213). Здесь логическое противопоставление pleasures—pains дополнено сопоставлением, которое воспринимается как контрастное только в данном контексте: to be pleasures and pains *versus* to stretch into the region of pure intellect.

Антитеза используется не только для описания предмета исследования, но также и для критической оценки (положительной и отрицательной) работ того или иного ученого. Синтаксическое оформление антитезы, используемой для этих целей, как правило, предстает в виде четкого параллелизма с лексическим повтором:

To compose a work on so extensive and difficult a subject as «British Insects»... which shall be *accurate without being dry, and amusing without being flippant*,— is no easy task... (N 4, 1871, 22);

We cannot for one moment compare the work of Priestley with that of Lavoisier. *The elegant methods and admirable diction of the latter contrast strangely with the clumsy manipulation and prosy phlogistianism of the former* (N 27, 1882, 10).

В данном случае в сферу противительных отношений втягиваются следующие пары слов: accurate—dry; amusing—flippant; accurate—amusing; elegant methods—clumsy manipulations; admirable diction—prosy phlogistianism. Таким образом, однотипное структурно-синтаксическое

построение позволяет вовлечь в сферу противительных отношений целый ряд характеристических признаков. Если же антитеза не имеет четкого параллельного построения, основанного на лексическом и синтаксическом повторе, то в сферу противопоставления втягивается одно контрастное сопоставление. Например:

Prof. Newcomb, however, does not mix up what is merely speculative with well-established conclusions in such a way as to mislead his readers... (N 18, 1878, 9—10);

The author endeavours to show what is false and what is scientifically tenable... (N 62, 1900, 73);

...it is consoling to think that even the stupidities of men may be converted into elements of growth and progress (N 2, 1870, 183).

В 70—90 годы XIX в. авторы естественнонаучных статей прибегали к использованию антитезы и в так называемом беллетристизированном повествовании. Например: Whether he (the seaman) threads his dangerous course among narrow channels along the coasts, or sails boldly into the broad ocean, the foreknowledge of an approaching storm causes him to adopt those precautions which insure his safety (N 18, 1878, 5).

В естественнонаучной литературе XX в. антитеза как стилистический прием, требующий специального синтаксически организованного параллельного построения, уступает место чисто логическому противопоставлению. Последнее получило широкое распространение во всех жанрах научного письма.

Продолжая традиции прошлого, логическое противопоставление и сейчас демонстрирует черты обработки, т. е. черты, указывающие на определенную, сложившуюся в языке, ритмическую организацию слов, отбираемых для противопоставления. Об этом говорит наличие:

а) ритмически организованных лексических единиц, имеющих одинаковое количество слогов: If the stress is prescribed to rise and fall as a simple step-function with time, then... (N 183, 1959, 583); ...liquid and solid fuels... (N 183, 1959, 1438); ...a mixture of «short» and «long» molecules could result (N 221, 1969, 235); ...adaptation to a reversed routine with a strictly reversed light/dark schedule has been demonstrated (N 193, 1962, 40); ...differentiation into fast and slow types... (N 193, 1962, 41); ...advance and

retreat of glacier fronts... (N 217, 1968, 319); Whatever the rights and wrongs of cannabis smoking... it is surely dangerous to perpetuate a system of penalties for possessing cannabis... (N 221, 1969, 205); ...it (love of secrecy) has brought more harm than good to the manufacturer (N 153, 1944, 4);

б) аллитерированных пар: ...with power supply «on» or «off» (N 221, 1969, 270); ...maximum and minimum values (N 189, 1961, 12);

в) «рифмующихся» пар: ...presence and absence theory... (N 151, 1943, 68); ...both proteins are either present or absent (N 221, 1969, 267); ...the hyperchromicity decreased from about 44 to 34 per cent as the guanine-cytosine content increased from 38 to 67 per cent (N 183, 1959, 1428); ...rainy and dry seasons... (N 189, 1961, 12); ...alternate compression and expansion... (N 183, 1959, 572);

г) лексических единиц с одинаковым суффиксом: Arrangements for natural and artificial lighting of the waterway are provided... (N 193, 1962, 818); The two mechanisms each offer a possibility both for adding and for subtracting one residue (N 221, 1969, 235).

В современной научной литературе используются двойные параллельные противопоставления: The diurnal rhythm of flow of urine is characterized by high day and low night rates (N 193, 1962, 37).

Не исключены случаи противопоставления, не имеющего той или иной ритмической упорядоченности. Например: They (pulsating stars) brighten and fade in a regular rhythm... Similar material... showed severe 'marsh spot' in the peas and only mild symptoms of this trouble in the beans (N 151, 1943, 23); ...they (top corporation officials) find it difficult to measure the contribution of the laboratory to the profit and loss statements (N 193, 1962, 833). Однако общая тенденция современной естественнонаучной прозы указывает на предпочтительный отбор ритмически организованных пар слов, реализующих логическое противопоставление.

Итак:

1. Для естественнонаучной литературы второй половины XIX в. характерно употребление как чисто логических противопоставлений, так и антитезы — своеобразного стилистического приема композиции высказывания.

2. Логические противопоставления, не имеющие характера стилистического приема, тем не менее несут отпечаток языковой обработки. Об этом говорит четкий ритмически организованный подбор парных членов противопоставления.

3. Для современной естественнонаучной прозы характерно использование парного ритмически организованного противопоставления.

Е. С. ТРОЯНСКАЯ

К ВОПРОСУ О ПРОЯВЛЕНИИ
ОБЩЕГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО
В СТИЛЕ НАУЧНОЙ РЕЧИ

(указательное местоимение в качестве замены
существительного)

Рассмотрение такого частного явления, как употребление указательных местоимений в качестве замены существительного в различных функциональных стилях немецкого языка, «подъязыках» научного стиля и в отдельных произведениях этого стиля, дает возможность сделать некоторые выводы по более широкому кругу вопросов, а именно — по вопросу о наличии единых для языка всех наук стилистических приемов, вызывающих к жизни ряд лингвистических признаков, характерных для всего стиля в целом, а также о возможностях проявления индивидуального стиля автора в рамках научного стиля речи.

Материалом для исследования послужили произведения художественной и научной литературы¹. В качестве

¹ Анализировались следующие произведения:

1) Художественная литература:

W. Bredel. Die Prüfung. Berlin, 1954 (Пр.); *E. M. Remarque. Drei Kameraden.* Moskau, 1960 (Др. К); *K. Mann. Mephisto.* Berlin, 1956 (Мепх.).

2) Научная литература:

а) статьи из журналов: *Zeitschrift für Physik*, 1969, Bd 226, Hf. 4 (Z. für Ph.); *Kernenergie*, 1975, Bd 18, Hf. 1—4, 6 (КЕ); *Chemische Berichte*, 1966, Jg. 99, Hf. 7 (ChB); *Zeitschrift für Chemie*, 1973, Jg. 13, Hf. 10 (Z. für Ch.); *Zeitschrift für physikalische*

образца обиходной (разговорной) речи анализировались диалоги, монологи и внутренняя речь персонажей произведений художественной литературы.

За образец художественной речи условно принималась авторская речь. В научной литературе были проанализированы статьи по различным научным дисциплинам (физике, химии, физической химии, биологии, геологии, математике, электротехнике, языкоznанию) и монографии (по геологии, биологии, химии), т. е. произведения основных жанров научной литературы.

Из каждого источника статистической обработке методом симптоматической статистики² подверглось 2000 элементарных³ (термин В. Г. Адмони) предложений, т. е. за единицу подсчета бралось предложение, что определялось функцией указательного местоимения, выявившейся в результате предварительного анализа: осуществление связи между предложениями и членами предложения.

Всего было проанализировано 32 800 элементарных предложений: 20 800 из научной литературы (16 000 — статьи; 4800 — монографии) и 12 000 из художественной литературы (6000 — обиходная речь; 6000 — авторская речь).

Как показал анализ, указательное местоимение в качестве замены существительного употребляется во всех функциональных стилях современного немецкого языка,

Chemie, Neue Folge, 1973, Bd 86, Hf. 1—2 (PhCh I); Bd 87, Hf. 4—6 (PhCh II); Biologisches Zentralblatt, 1974, Bd 93, Hf. 3 (BZ I); 1974, Bd 94, Hf. 5 (BZ II); Geologie, 1965, Jg. 14, Hf. 4 (G); Berichte der geologischen Gesellschaft, 1965, Bd 10, Hf. 5; Mathematische Operationsforschung und Statistik, 1973, Bd 4, Hf. 4—6 (MOuS); Journal für die reine und angewandte Mathematik, 1972, Bd 253 (JM); Der Elektro-Praktiker, 1975, Hf. 1—2 (EP); Studien zur Geschichte der deutschen Sprache, Berlin, 1972 (SzGddS); Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1975, Jg. 23, Hf. 1 (AA);

б) монографии: R. Marz. Von Rupfungen und Gewölben. Wittenberg Lutherstadt, 1975 (RM); A. Schaeffer. Chemie der Farbstoffe und deren Anwendung. Dresden u. Leipzig, 1963 (ASch); E. Kraus. Vergleichende Baugeschichte der Gebirge. Berlin, 1951 (EK).

² В. Г. Адмони. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964, стр. 80—83.

³ В. Г. Адмони. Качественный и количественный анализ грамматических явлений. «Теоретические проблемы современного советского языкоznания». М., 1964, стр. 63.

имея, однако, в каждом из них свои особенности. Это употребление связано, как представляется, с присущей указательному местоимению в этой функции экспрессивностью⁴, под которой мы понимаем увеличение выразительной силы воздействия языкового факта на читателя или слушателя (получателя речи).

В основе экспрессивности (выразительности) указательного местоимения в функции замены существительного лежат чисто фонетические причины: der (и другие указательные местоимения в этой функции) имеют достаточно яркое интонационное оформление, акустическими индикаторами которого является положительный частотный интервал, длительность их произношения, частое увеличение амплитуды интенсивности. Об этом подробно писала в свое время Р. В. Миловидова⁵. Некоторые высказывания имеются и у Е. О. Осетровой⁶.

Для выявления специфики употребления указательных местоимений в различных функциональных стилях представляется целесообразным описание этого явления в каждом из этих стилей.

В разговорной речи чрезвычайно широкое распространение имеет указательное местоимение der (до 11 употреблений на каждые 100 элементарных предложений). Из остальных указательных местоимений в па-

⁴ В основу нашего понимания экспрессивности положена точка зрения Е. М. Галкиной-Федорук, которая дает следующее определение: «Экспрессия, экспрессивность может пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное и волевое в их проявлениях. Поэтому экспрессивность гораздо шире эмоциональности в языке. Экспрессия — это усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного. И все, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей, является экспрессией речи». И далее: «Следовательно, экспрессивность — это те средства речи, которые делают ее выразительной, воздействующей, изобразительной, впечатляющей» (Е. М. Галкина-Федорук. Об экспрессивности и эмоциональности в языке. «Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В. В. Виноградову в день его 60-летия». Изд-во МГУ, 1958, стр. 108).

⁵ Р. В. Миловидова. Варианты произношения der как артиклия и как указательного и относительного местоимений. «Иностр. языки в школе», 1969, № 6, стр. 69—70.

⁶ Е. О. Осетрова. Контекстуальные изменения группы существительного в немецком языке (на материале научного стиля). КД. Л., 1971, стр. 239.

ших выборках встретилось лишь указательное местоимение *dieser* (2 примера).

Благодаря экспрессивности, присущей указательному местоимению *der*, оно часто употребляется в эмоционально окрашенной речи, выражющей восхищение, злобу, удивление, презрение, страх, опасение и т. д. Например, в приведенном ниже предложении выражается удивление и восхищение:

Kennerisch probierte ich einen Bissen und markierte gewaltiges Erstaunen.

«Donnerwetter, *der* ist aber bestimmt nicht im Laden gekauft» (Dr. K., S. 61).

В следующем предложении ощущается презрение, гадливость:

«Repartierter Wagen — neue Frau — alle Achtung!»

«Na,— meinte Köster,— *an der* wird er noch Freude haben» (Dr. K., S. 105).

В первом из приведенных ниже предложений ясно чувствуется удивление, во втором — страх:

«*Den?* Nein! Das war ein Fremder! *Den* kenn ich nicht!» (Pr., S. 37).

Последнее предложение демонстрирует гнев, угрозу:

«Aber wart man, *der* wird noch Augen machen! *Der* wird mich noch kennenlernen! *Der* wird's noch bereuen! Jetzt gibts keine Schonung mehr, jetzt pack ich aus!» (Pr., S. 28).

Эти эмоциональные оттенки могут накладываться на общее качество речи «экспрессивность», которое, как мы уже указывали, потенциально всегда присуще *der*.

Der (как самостоятельно, без определения, так и с согласованным определением) употребляется в следующих функциях:

1. В качестве «подхвата» для обеспечения:

a) тесной цепочечной связи: Zur Liebe gehört eine gewisse Einfalt. *Die* hast du (Dr. K., S. 80);

б) дальней связи: Rosa schenkte mir eine Tasse Kaffee ein. Alois trabte mit einem riesigen Napfkuchen herbei, der gespickt war mit Rosinen, Mandeln und grüner Sukkade. Sie legte mir ein mächtiges Stück davon auf. Ich wußte, was ich zu tun hatte. Kennerisch probierte ich einen Bissen und markierte gewaltiges Erstaunen. «Donnerwetter, *der* ist aber bestimmt nicht im Laden gekauft» (Dr. K., S. 61).

2. Для экспрессивного называния предметов, лиц и понятий, очевидных из ситуации (без предварительного упоминания о них в разговоре):

«Menschenkind, das kann aber noch schlimmer werden. Die fallen ja jetzt Urteile, das ist haarsträubend...». (Pr., S. 31);

Wenn die da oben den Bericht lesen. Schauerlich! (Pr., S. 49).

3. Для экспрессивного называния предметов и лиц, выделяемых и идентифицируемых по признаку их местонахождения (*die daneben, der dort, die draußen, der da* и т. д.), которое сопровождается обычно указательным жестом:

«Zu Befehl, Sturmführer!. Dann aber macht Riedel, auf den am Boden Liegenden weisend, eine fragende Geste. *Mit dem da?* — soll es heißen — der ist doch erledigt! (Pr., S. 63).

4. Для противопоставления признаков, обнаруживаемых у одинаковых предметов, лиц, понятий. Такое употребление в принципе возможно, но мало типично (из 128 примеров встретилось лишь три):

Das kommt davon, wenn man solche Auffassungen wie die des Ridel nicht ausmerzt (Pr., S. 136);

Dabei habe ich jeden Pfennig abgeliefert, und meine Einnahmen waren besser als die aller anderen Damen... (Мерх., S. 116).

Частотность употребления *der* резко колеблется в зависимости от общей эмоциональности высказывания и социального статуса говорящего (по данным нашего анализа от 0 до 11 употреблений на каждые 100 предложений). Интересно, что у В. Бределя на каждые 100 предложений приходится 4,4 указательных местоимений в функции замены (большинство случаев падает на диалоги между эсэсовцами), у Й. М. Ремарка — 1,4, а у К. Манна — 0,55 употреблений, что, как представляется, подтверждает выдвинутую выше точку зрения.

Из остальных указательных местоимений в наших выборках встретилось лишь указательное местоимение *dieser* (2 примера):

Und nur weil *dieser* da — na, wie heißt er doch noch? (Pr., S. 13);

«Gut,— erwiderte ich,— aber nicht *diesen*. Der ist für den Anfang zu schwer...» (Dr. K., S. 55).

Таковы данные по разговорной речи.

Употребление указательного местоимения в качестве замены существительного чрезвычайно типично и для немецкой научной речи.

В стиле науки речи можно выделить две основные функции указательного местоимения в качестве замены существительного:

1) указательное местоимение в функции замены существительного (без несогласованного определения) способствует как синсемантическое средство более тесной цепочечной связи между отдельными предложением или между частями предложения. В этой функции наибольшее распространение получило указательное местоимение *dieser*:

Die Regelmäßigkeit in unserem Sinne wird meist von einem phasenhaften Geschehen überprägt. *Dieses* ist dann deutlich zu erkennen, wenn die Formenmaxima der aufeinanderfolgenden Phasen des Haupttaxons vor allem durch die Formenmaxima der sich nur wenig überlappenden Teiltaxa gebildet werden bzw. sich mit *diesen* decken (BZ I, S.280).

Значительно реже встречаются в этой функции указательные местоимения *solcher*, *jener* и *derselbe* (последнее особенно редко):

So wächst aus Erfahrung die Einsicht in allgemein gültige Entwicklungsgrundsätze und daneben in örtlich abweichende Vorgangsreihen. *Solche* erweisen sich aber, wie sich zeigt, meist als orts-, stoff- oder zeitgebundene Variationen der allgemeinen Bauentwicklung (EK, S. 1);

Unsere vorstehend bezeichneten Absichten führen auch im vorliegenden Buch immer wieder ab von den regionalbaugeschichtlichen Beispielen und hin zu allgemeineren Ableitungsversuchen, welche *jene* ermöglichen sollen (E.K,S.3);

Дabei beachteten die Kollegen nicht, daß die Leiter hinter der durch die Erdungsstäbe gekennzeichneten Arbeitsgrenze unter der spannungsführenden Fahrleitung stand. Als sie *dieselbe* zurückziehen wollten, brach einer der beiden Kollegen an der Leiter zusammen (EP, S. 26).

Указательное местоимение *der* по данным нашего анализа в этой функции встречается лишь в генитиве (ср. широкое распространение *der* в разговорной речи!):

Diese Sätze wurden in /7/ publiziert, aber die Beweise wurden nur hier angegeben. Wir erwähnen auch *deren* Anwendung bei der Lagerhaltung (MOuS, I, S. 297).

Единичные случаи употребления der в этой функции в других падежах ощущаются как иностилевое включение (разговорная речь):

Diese Tatsache kann durch Entfernung solcher Verunreinigungen erklärt werden, deren Brechungsindices denen der Isomeren nahe sind, deren Dichten aber sich merklich von denen unterscheiden (Ph Ch I, S. 37);

2) указательное местоимение в качестве замены существительного с несогласованным определением способствует, кроме осуществления более тесной связи между членами предложения (редко разными предложениями), четкому противопоставлению признаков, обнаруживаемых у одинаковых предметов, лиц, понятий:

Vergleicht man die Eigenschaften benzoider Verbindungen mit denen der entsprechenden aliphatischen Verbindungen, also etwa die des Benzols mit denen des Heratriens (s. Bild 1), dann stellt man zwei Besonderheiten fest (Z. für Ch., S. 361);

Die ersten sechs Abdominalsegmente haben jeweils ein identisches Muster. Das der drei Thorakalsegmente gleicht dem der letzten Abdominalsegmente. Dieses Muster weicht von demjenigen der ersten Abdominalsegmente ab (BZ, II, S. 548).

В этой функции обычным является употребление указательного местоимения der, реже употребляются solcher, derjenige, еще реже jener и особенно редко derselbe и dieser.

Указательное местоимение употребляется в этой функции в следующих позициях:

1) при необходимости повторения существительного в одном и том же предложении в качестве другого члена предложения (при сравнении признаков этого существительного):

Die Wahl der Präposition ist dabei von der des Verbs des Matrixsatzes abhängig (SzGddS, S. 210);

2) при сравнении с wie и als:

Hopfenblattläuse zeigten sich in Agarkammern aus frisch gegossenen Platten stets weniger einstechbereit als in solchen aus älteren Platten (BZ I, S. 291);

Für m-Tyrosin und Phenylalanin liegen die Inkorporationsraten in der gleichen Größenordnung wie die des Putrescins (Z. für Ch., S. 373);

3) при однородных существительных с различными (часто антонимичными) признаками:

Die Geburtsstunde der organischen Chemie und damit auch die der Farbstoffchemie hatte geschlagen (ASch, S. 1);

Die Abb. 2 zeigt die Absorptionskurven des Diäthylesters, jene des Nitrobenzols und die des p-Nitroanisols als konstitutionell ähnliche Verbindung (MA, S. 491);

4) в приложении, если оно повторяет то же существительное, однако обладающее какими-либо другими уточняющими признаками:

So wurde eine neuartige Synthese ermöglicht, und zwar die der mechano-chemischen Polychelate (Ph Ch, S. 155).

Подобное употребление присуще всем «подъязыкам» научной литературы (химии и математике, геологии и языкоznанию, биологии и физике и т. д.), как жанру статьи, так и жанру монографии. Нет также отличий между научной и научно-технической литературой (в проанализированных нами текстах по электротехнике особенностями употребления указательных местоимений те же, что и в других научных дисциплинах). Однако частотность этого явления неодинакова в различных подъязыках и в различных произведениях внутри этих подъязыков. На каждые 100 предложений количество употреблений указательных местоимений в различных научных дисциплинах колебалось в широких пределах (в статьях: физика 0—6; химия 0—8; физическая химия 0—11; биология 0—10; языкоznание 0—5; математика 0—5; геология 0—7; электротехника 0—4; в монографиях: химия 1—9; биология 0—9; геология 2—16).

Это различие связано, как представляется, с различием в содержании, типичном для той или иной научной дисциплины (и отдельных произведений в рамках этих наук), и тесно связанного с этим преобладания в них той или иной речевой формы («описания», «рассуждения» или «описания—рассуждения»), которые обладают разными потенциями необходимости реализации данного языкового средства для достижения оптимального варианта выражения.

Наибольшую частотность дает речевая форма, где описание переплетается с рассуждением (описываются и сравниваются различные предметы, явления и т. д. и на основе этого делаются соответствующие выводы).

В этом случае встречается указательное местоимение

в двух указанных выше функциях, обычно в предложении с типичным лексическим наполнением, подчеркивающим сопоставительные отношения.

Типичными являются следующие глаголы и устойчивые глагольные сочетания: vergleichen, sich unterscheiden, übereinstimmen, ähneln, sich gleichen, sehr nahe liegen, entgegensetzen, gegenüberstellen,abweichen, zusammenfallen, sich überlagern, sich überlappen, in Zusammenhang stellen (bringen) и т. д. Например:

Im übrigen stimmt das Spektrum mit dem des N-Styrylpyrrolidons überein bis auf das Fehlen der charakteristischen Doppelbindungsbande (Ch B, S. 2130).

Der interne Standard (Rubin) wird so orientiert (Bild 7a), daß sich dessen Signale weder mit dem des Primärstandards noch mit dem der Probe überlagern (Z. für Ch., S. 370);

H. G. Backlund unterschied 1937 nach dem orogenen Zyklus der Mareabiden jenen der Svekofenniden und der Norwegosamiden, danach den der Gotokareliden und Kaledoniden (EK, S. 12).

Типичными являются существительные das Verhältnis, der Vergleich, der Unterschied, die Differenzierung, die Übereinstimmung и т. д. Например:

Bei einem Vergleich von Koniferen aus einem Immissionsgebiet mit solchen aus einem rauchfreien Areal fand Ludwig (1933), daß durch die SO₂-Immissionen die Frosthärtede dieser Bäume vermindert wird (BZ, I, S. 342);

Für Primärblätter gilt es als bewiesen, daß zwischen der Aktivität des Gaswechsels und derjenigen der zugeordneten Enzyme eine gute Übereinstimmung existiert (BZ, I, S. 351).

Довольно часто встречаются также прилагательные gleich, analog, verträglich, identisch, unterscheidbar, vergleichbar и т. д. Например:

Das Verhalten des G6PDH/6PGDII-Systems ist demjenigen der Lupine analog (BZ, I, S. 355);

Obwohl naturgemäß die Möglichkeit besteht, daß die Reaktion unter diesen Bedingungen nach einem Mechanismus verläuft, der von dem bei tiefen Temperaturen gültigen in einigen Zügen abweicht, waren die hierbei erhaltenen Ergebnisse mit denen von K. S. durchaus verträglich. Die andere Gruppe von Untersuchungen wurde unter Bedingungen durchgeführt, die mit denen von K. S. besser vergleichbar sind (Ph Ch, I, S. 9).

Типичным для такого рода содержания являются также предлоги *gegenüber*, *gegen* (в значении по сравнению с чем-л., по отношению к чему-л.), *über* (выше чего-л.), *neben* (в значении паряду с чем-л.), *zugunsten*, *im Gegensatz zu* и др. Например:

Wenn auch der Anteil von Sätzen ohne Satzklammer in allen 5 Bibeltexten *gegenüber denen* mit dieser syntaktischen Erscheinung noch überwiegt, so darf... (SzGddS, S. 234—235);

...daß bei den Greifvögeln die Gewölle für ernährungsbiologische Feststellungen einen fraglichen Wert besitzen, *im Gegensatz zu denen der Eulen...* (RM, S. 30).

Очень часто сравнение выражено сравнительной и пре-
восходной степенью прилагательного и союзами *wie* и *als*.
Например:

Das Sprachgefüge — von heute muß von allen zeitlich begründeten Abweichungen abgesehen — ein anderes sein als das beim Einsetzen der Industrialisierung gültige, ja noch *als das vor der voll technisierten Periode*, in dem das älteste der abgefragten Generationen aufwuchs (SzGddS, S. 37);

Im übrigen findet man, daß die Intensität der roten Emission aller Mischoxide *kleiner* oder höchstens gleich groß *wie die des Yttriumoxides* ist (Ph Ch, II, S. 214).

Для речевой формы «описание» употребление указательного местоимения менее типично, причем преобладает употребление, обусловленное стремлением к более тесной связи между предложениями и частями предложения, а не для противопоставления признаков. Например: *Als indiferentes Gas wurde Stickstoff benutzt. Dieses wurde der Probelösung... durch eine am Boden befindliche Glasfritte zugeleitet.* Das Gas stieg in sehr feinen Bläschen langsam hoch und sättigte sich mit dem HCl-Partialdruck. Die Strömungsgeschwindigkeit des Gases wurde mit einem Rotameter gemessen. *Vor diesem wurde es mit dem H₂O-Partialdruck einer entsprechenden LiCl-Lösung gesättigt.* Die Abnahme der HCl-Konzentration wurde durch von Zeit zu Zeit durchgeführte polygraphische H ± Bestimmungen mittels einer in die Probelösung tauchenden Hg-Tropfelektrode gemessen. Zur Kontrolle dieser Messungen wurde der HCl-beladene Stickstoff durch eine vorgelegte 0,1 n NaOH-Lösung geleitet. *Diese wurde am Schluß jedes Versuches titriert und somit die Gesamtmenge des ausgetriebenen Chlorwasserstoffes bestimmt* (BdB., S. 565).

Почти совсем нетипична замена для речевой формы «рассуждение» (для которой характерно «допущение»).

Указательное местоимение в качестве замены существительного далеко не всегда равномерно распределяется по всему тексту, поскольку его употребление вызывается к жизни определенным содержанием, т. е. оно употребляется там, где появляется необходимость особенно четко выявить связи между предложениями или его частями или четко противопоставить признаки.

В связи с этим нередко появление указательных местоимений в этой функции «пучками» (2—3 указательных местоимения в нескольких рядом стоящих предложениях). Например:

Ein Vergleich zweier in der Tab. 2 aufgeführten Meßergebnisse von d_4^{20} bzw. n_D^{20} für das gleiche Isomere zeigt, daß die Ändederung der d_4^{20} -Werte größer als die der n_D^{20} -Werte ist. Diese Tatsache kann durch Entfernung solcher Verunreinigungen erklärt werden, deren Brechungsindizes *denen* der Isomeren nahe sind, deren Dichten aber sich merklich von *denen* unterscheiden. Deshalb könnten das nicht Kohlenwasserstoffe sein, wohl aber Sauerstoffverbindungen (wahrscheinlich Peroxyde), die mit Hilfe der präparativen Gaschromatographie von den Isomeren getrennt wurden (PhCh, S. 36—37).

Таким образом, в зависимости от содержания и преобладания той или иной речевой формы и создается частотная вариабельность этого явления в рамках единого и монолитного научного стиля, а также в рамках каждой научной дисциплины и отдельных произведений научной литературы.

Возникает вопрос, возможно ли проявление индивидуального стиля автора того или иного произведения научной литературы? Анализ показал, что проявление индивидуального стиля строго ограничено рамками употребления, типичного для стиля научной речи, о котором мы подробно говорили выше, и выражается лишь в излюбленном употреблении того или иного указательного местоимения, т. е. в излюбленном отборе той или иной лексической единицы: так некоторые авторы (возможно также влияние редакторов) вместо наиболее употребительного местоимения *der* (при противопоставлении признаков) предпочитают *derjenige*, *solcher* или *jener*. Например, в проанализированном нами материале монографии по

биологии⁷ (800 предложений) автор 13 раз употребляет указательное местоимение *der* и 1 раз *solcher*. В монографии по геологии⁸ (2000 предложений) на 27 употреблений приходится *jener* — 22, *der* — 2, *solcher* — 2, *derjenige* — 1 (т. е. автор явно предпочитает указательное местоимение *jener*).

В одной из проанализированных нами статей⁹ на 229 элементарных предложений встретилось 10 случаев употребления указательных местоимений с несогласованными определениями в качестве замены существительного: 5 случаев с местоимением *solcher* и 5 случаев с местоимением *der*.

В другой статье¹⁰ на 164 элементарных предложения встретилось 6 случаев употребления указательного местоимения с несогласованными определениями: 5 случаев с указательным местоимением *derjenige* и 1 — с местоимением *der*.

К особенностям индивидуального стиля можно отнести также «нелюбовь» отдельных авторов к употреблению указательных местоимений в этой функции или предпочтение *letzterer*¹¹. Однако подобные случаи весьма редки.

Таким образом, можно отметить, что во всех случаях индивидуального предпочтения той или иной формы этот выбор строго ограничен рамками всего стиля в целом и касается лишь индивидуального предпочтительного выбора той или иной лексической единицы, утвердившейся в научном стиле.

Сравнивая употребление указательных местоимений в разговорном стиле и стиле научной речи, можно констатировать следующее:

⁷ R. März. Von Rupfungen und Gewöllen. Wittenberg Lutherstadt, 1955.

⁸ E. Kraus. Vergleichende Baugeschichte der Gebirge. Berlin, 1951.

⁹ J. Czarnowski und H. I. Schuhmacher. Die Kinetik des thermischen F_2O -Zerfalles. «Zeitschrift für physikalische Chemie», 1973, Bd 86, Hf. 1/2.

¹⁰ G. Schwarz und Zs. Schwarz. Die Funktionsdauer der Cotyledonen von *Phaseolus vulgaris L.* in Beziehung zu ihrem Energiestoffwechsel und zum sinksource-Verhältnis innerhalb der Keimpflanze. «Biologisches Zentralblatt», 1974, Bd 99, Hf. 3.

¹¹ См., например: E. Kordes. Einfluß der kritischen Konstanten auf die Gleichgewichte zwischen Flüssigkeiten und ihren gesättigten Dämpfen. «Zeitschrift für physikalische Chemie. Neue Folge», 1973, Bd 86, Hf. 1/2.

1. В научной речи указательные местоимения призываются обеспечивать ближнюю цепочечную связь или, паряду с ней, четкое противопоставление признаков одного и того же существительного, в то время как указательные местоимения в разговорной речи способны обеспечивать как цепочечную связь, так и дальние, в том числе ситуативные, связи, а употребление их для противопоставления признаков нетипично.

Таким образом, если учитывать, что в тексте «цити, протянутые от одного предложения к другому, столь многочисленны и отличаются такой плотностью, что можно говорить о переплетенности, о сплетении предложений в единую сеть так, что каждое отдельное предложение как бы неразрывно связано с остальными»¹² и что столь же тесные отношения имеются и внутри самого предложения, т. е. что имеет место «прощитость» текста (образное выражение Т. И. Сильман)¹³, то можно констатировать, продолжая образное сравнение Т. И. Сильман, что рисунок «стежков», создаваемых указательными местоимениями, различен в научной и разговорной речи.

2. В разговорной и научной речи используются разные указательные местоимения. В разговорной речи употребляется преимущественно *der* (126 случаев из 128), в научной речи *dieser*, *derjenige*, *solcher*, *derselbe*, *jener* и *der* (последнее только при противопоставлении признаков и в генитиве): *dieser* — 234; *derjenige* — 17; *solcher* — 53; *derselbe* — 11; *jener* — 25; *der* (в генитиве) — 142; *der* (с несогласованным определением) — 103.

3. *Der* в разговорной речи несет обычно эмоциональную нагрузку, все указательные местоимения (в том числе и *der*) в научной речи несут лишь экспрессивную нагрузку.

4. В связи с отсутствием непосредственных контактов (экстраглавиcтический фактор!) научной речи не свойственна, в отличие от разговорной, идентификация предметов по признаку их местонахождения, сопровождаемому указательным жестом.

Чтобы более полно представить сущность этого явления, обратимся к анализу авторской речи в художествен-

¹² K. Boost. Der deutsche Satz. Die Satzverflechtung. «Deutschunterricht», 1949, № 3, S. 9 (цит. по кн.: Т. И. Сильман. Проблемы синтаксической стилистики (на материале немецкой прозы). Л., 1967, стр. 18).

¹³ Т. И. Сильман. Указ. соч., стр. 112.

ных произведениях. Анализ показал, что она неоднородна (с точки зрения интересующего нас явления) у разных авторов и варьирует в соответствии с творческой установкой. В авторской речи мы встречаемся как с употреблением, характерным для разговорной речи, так и с употреблением, характерным для научной речи.

Употребление *der* в авторской речи создает более интимный и эмоциональный характер повествования (ср.: E. M. Remarque. *Drei Kameraden*, в котором повествование ведется от 1-го лица, или W. Bredel. *Die Prüfung*). У обоих авторов в выборках встретилось лишь указательное местоимение *der* (1 пример с *dieser* зарегистрирован у В. Бределя).

Употребление же указательного местоимения *dieser* создает более нейтральный характер повествования. У К. Манна оно встречается достаточно широко, в той же функции, что и в научной речи — связи между предложениями.

В руках писателя употребление указательного местоимения часто является средством образного и напряженного повествования, средством, воздействующим на эмоциональную сферу читателя.

Покажем это на нескольких примерах. В романе В. Бределя «Испытание» имеется эпизод допроса коммуниста Торстена, во время которого он узнает в одном из допрашивающих бывшего депутата Рейхстага Кауфмана:

Nun sieht er um sich, und sein Blick bleibt an einem Menschen hängen, den er zu kennen glaubt. Es ist ein mittelgroßer, dicklicher *Mann in hellem Sommermantel*, und grauem Schlapphut... (Pr., S. 58).

Страницей позже мы снова встречаемся с упоминанием о мужчинах в светлом, летнем пальто:

...Wieder bleibt sein Auge auf dem *Mann im hellen Sommermantel* hängen... (S. 59).

На следующей странице в самый напряженный момент допроса снова возникает человек в светлом, летнем пальто:

...Und keiner röhrt sich, keiner sagt ein Wort. Doch *der im Sommermantel* löst sich aus der Gruppe und tritt auf ihn zu... (S. 60).

Употребление указательного местоимения в последнем предложении создает большее напряжение в повествовании, соответствующее замыслу писателя, так как зас-

Таблица
КОЛИЧЕСТВО УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ВЫБОРКЕ
(100 элементарных предложений)

Количество местоимений в выборке	Число выборок										
	Художественная литература (авторская речь)			Научная литература							
	Э. М. Ремарк*	В. Бредель**	К. Манн***	Физика	Химия	Физическая химия	Математика	Биология	Геология	Языкознание	Электротехника
0	12	7	4	3	5	2	8	1	6	2	1
1	6	7	9	2	4	4	4	3	2	4	7
2	2	3	3	6	4	4	4	5	7	2	6
3	—	—	2	4	4	5	3	2	4	5	5
4	—	—	1	1	1	2	—	3	—	5	1
5	—	—	—	2	2	—	1	3	—	2	—
6	—	—	—	2	—	1	—	1	—	—	—
7	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
8	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—
9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—
11	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—

* Встретилось только указательное местоимение *der*.

** Употребляется только местоимение *der* за исключением одного примера с *dieser*.

*** *Der* — 11; *dieser* — 17.

тавляет читателя ретроспективно вернуться к предыдущему и заново его пережить.

Следующий пример позволяет оценить возможности указательного местоимения для создания точных и ярких образов трех отталкивающих фигур гитлеровского рейха:

... *das Gesicht seines fleischigen Protektors* aber war eine verquollene Maske; *das der Sentimentalen* eine törichte Larve und *das des Propagandisten* eine verzerrte Fratze! (Мерх., S. 25).

Таким образом, в художественной литературе употребление указательных местоимений часто преследует цели эмоционально-образного воздействия на читателя.

Как уже говорилось выше, в авторской речи встречаются лишь указательные местоимения *der* и *dieser* (у К. Манна). На остальные местоимения встретился только один пример с *solcher*:

Er erzählte Witze, und zwar sowohl solche aus preußisch-militärischer, als auch andere aus östlich-jüdischer Sphäre (Мерх., С. 98).

Частотность по сравнению с научной литературой снижена (см. табл.).

Эти наблюдения дают возможность сделать вывод, что основное различие в употреблении указательных местоимений связано с различиями между книжной и разговорной речью. Гораздо менее существенные различия существуют между авторской речью (художественная литература) и научной речью, последние сводятся в основном к отбору лексических единиц — указательных местоимений: употребление *jener*, *derjenige*, *derselbe* и *solcher* в функции замены существительного в художественной литературе (авторская речь) нетипично.

О. А. ЛАПТЕВА

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО «Я» В РУССКОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Современный русский литературный язык, как и любой развитый литературный язык, обслуживает различные сферы общественной жизни людей, на нем говорящих. В таких сферах в целях общения употребляются функциональные стили, обладающие собственным набором средств языкового выражения. С развитием русского литературного языка специфические особенности функциональных стилей делаются все отчетливее, стилевая дифференциация усиливается, а межстилевые границы становятся более прочными.

В языке науки стремление к стилевому обособлению было вызвано к жизни развитием самой науки с характерным для него неуклонным ростом научной информа-

ции, неизбежно ведущим к уменьшению языковой избыточности, с развитием объективных методов исследования, с усиливающейся дифференциацией отдельных областей науки.

Исследовать специфические языковые особенности научной прозы можно по-разному. Здесь возможны прежде всего культурно-речевой и нормативно-узуальный аспекты изучения. С точки зрения теории и практики культуры речи предполагается выработка ряда рекомендаций и запретов. В русском научном тексте, например, деепричастный оборот не должен относиться к безличному сказуемому (нежелательны обороты типа: *Обсуждая эту теорию, приходится заметить, что...*); причастный оборот не следует располагать слишком далеко от определяемого слова (нежелательны обороты типа: ...*касаются вопроса научного редактирования, относящегося к области практической стилистики*); не рекомендуется начинать абзац с союза *но* и т. д. В этом же аспекте можно выяснить, например, сколь правомерным является употребление общелитературного средства в специфическом значении (ср. мед. *оперировать по поводу...*) и т. п.

С точки зрения изучения существующего узуса в пределах научного стиля необходимо выявить особенности другого рода, и в первую очередь реальный состав языковых средств, составляющих специфический пласт данного стиля, и практику употребления этих средств. Такое изучение способствует представлению научного стиля как целостной системы и позволяет объективно судить о том, какие речевые средства и приемы могут — или не могут — быть использованы в пределах этого стиля. В этом пункте первый и второй аспекты смыкаются, причем первый выступает как зависимый по отношению ко второму, поскольку лишь на базе обследования языковых средств, распространенных в пределах стиля, возможно установление нормативных рекомендаций. В то же время оценочный момент характерен только для первого из названных аспектов. Обследуя реальный состав языковых средств данного стиля, исследователь не может априорно рассматривать одни из них как допустимые и желательные, а другие как неприемлемые, одни как правильные, а другие как неправильные: это увело бы его с пути объективного наблюдения. Сказанное важно для понимания дальнейшего изложения, которое отражает результаты изу-

чения русского научного стиля с позиций второго из предложенных аспектов.

Итак, современный русский научный стиль обладает целым рядом синтаксических признаков и стилистических приемов, которые складывались исторически. Они явились результатом стремления к объективности, точности и лаконичности построения текста.

Трудность изучения собственно синтаксических характеристик научного стиля состоит прежде всего в том, что их приходится выявлять на фоне общелитературного синтаксиса, который функционирует в различных сферах применения литературного языка и в том числе в научном стиле. Общелитературные синтаксические модели при реализации в текстах различной функциональной направленности обнаруживают ряд особенностей, связанных либо с изменением количественных характеристик употребления этих моделей, либо с изменением их лексического наполнения (что может отразиться на синтаксических взаимоотношениях членов модели, на ее способности входить в те или иные синонимические ряды). Кроме того, в каждой функциональной сфере имеются свои предпочтительно употребляемые синтаксические конструкции (например, в научном стиле — цепочка генитивов типа *К изучению состояния и развития национальных литературных языков Советского Союза*).

Легче выявляются некоторые собственно стилистические особенности научного стиля. Установить их и понять их роль в создании принятой в данном стиле системе средств выражения помогает их изучение в историческом плане.

Такое изучение показывает, например, что в начале нашего века, когда научный стиль еще не был четко отделен от некоторых других письменно-литературных стилей, в частности от публицистического (хотя основы такого различия, прежде всего в области терминологии, как показывают исследования Л. Л. Кутиной, складывались уже начиная с XVIII в.¹), в нем широко использовались многообразные средства создания эмоционально-экспрессивной окраски. Ближе к нашим дням намечается стремление к полному отказу от этих средств. В начале века,

¹ Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки (терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII в.). М.—Л., 1964.

например, в научном тексте обычным было употребление вопросительных и восклицательных фраз, многочисленных лексических элементов, придающих живость изложению. Из последних отметим такие, как *ни на йоту*, *очень жаль*, *короче говоря*, *в конце концов*, *между прочим*, *многое множество*, *чрезвычайно*, *замечательно*, *гораздо больше*, *опять-таки* и т. д. Все это способствовало тому, что научная полемика мало чем отличалась в языковом отношении от публицистической, ведущейся на страницах беллетристических журналов. Свободное совмещение в пределах одного текста стилистически разнородных с современной точки зрения элементов было вызвано не намеренным использованием приемов художественной выразительности, а общей нечеткостью стилевой дифференциации литературного языка.

Особенно наглядно можно проследить формирование некоторых специфических стилистических приемов в русском научном стиле на примере становления пеличной манеры изложения.

Способы выражения авторского «я», которые в других видах письменной речи соответствуют общелитературной синтаксической норме (в речи журналиста, очеркиста, радиокомментатора довольно свободно употребляется местоимение *я* в соответствии с необходимостью ввести слушателя или читателя в реальную обстановку происходящего, создать эффект «присутствия» рассказчика), в научной речи в процессе ее развития становятся особым условным стилевым приемом. Речь оратора, лектора, преподавателя, любого выступающего непосредственно перед публикой или по радио и телевидению (устная публичная речь) или писателя, ученого (письменная публичная речь) вовсе не так легко, как речь повседневная, справляется с проблемой «ячества»; для повседневной речи эта проблема, собственно, и не возникает, для речи же публичной она проявляется в опасении показаться нескромным и навязчивым. И здесь наблюдается своеобразная и очень характерная для процессов стилевой дифференциации картина: чем более многообразной становится публичная речь, чем больше возникает ее разновидностей, тем более чувствительной оказывается она к проблеме «ячества» и тем более обязательными для отдельных ее разновидностей становятся те или иные способы конкретного решения этой проблемы.

Писательская речь находится в этом отношении в совершенно особом положении. Употребление *я* в художественном произведении является особым и сложным по своему воплощению изобразительным приемом, неразрывно связанным со всем идейным и художественным строем произведения, оно, например, может выражать языковыми средствами авторское *я* писателя; отказаться от этого приема значило бы изъять из писательского арсенала одно из самых действенных изобразительных средств, а такая опасность не грозит, естественно, нашей литературе.

В речи научного произведения способы выражения авторского *я* менялись вместе с изменением веса и положения этой сферы во всей совокупности явлений публичной речи. Необходимо сразу же подчеркнуть, что в научном поиске и его результате личная роль исследователя огромна, она, конечно же, не уступает роли *я* в других сферах общественной практики. Но научной истине, добытой в результате исследования, присущее одно качество, принципиально отличающее ее от разного рода иных утверждений,— качество объективности, свободы от личностного вмешательства исследователя. Возникающее таким образом противоречие, не свойственное в такой степени никакой другой области общественной деятельности личности, и явилось той почвой, на которой сложилась особая закрепленная общественной практикой манера представления авторского *я* в научном произведении, претерпевшая с течением времени значительные изменения. Но здесь потребуется некоторый экскурс в историю.

Чем менее расчлененным был объект науки, тем более диффузной была сама наука. И тем менее заметной была в научном слоге приверженность к какому-то одному условно избираемому способу представления авторского *я* исследователя. Античные ученые ни в коей мере не затрудняли себя выбором специальных средств выражения для этого. Манера их изложения в этом пункте была вполне естественной — их не смущало употребление *я* в наиболее излюбленной позиции, избираемой философом, — участника диалога, оратора, созерцателя. В трактатах, рассуждениях, диалогах постоянны обороты вроде *Я полагаю*, *Я думаю*, *Я буду говорить* и под. В знаменитых диалогах Платона, построенных в форме беседы двух лиц,

каждый из участников диалога говорит *я* применительно к себе и *ты* — к собеседнику. Даже в «Александрийской грамматике» употребляются выражения типа *я имею в виду*, свободно включаемые в грамматические дефиниции.

Мы в сочинениях древнегреческих философов употребляется паряду с *я*, и также в своем прямом именитивном значении — «я с собеседником», «я с единомышленниками».

Соответственно употребляется и *вы*. Выражения типа *Осведомимся и мы, Вы берете, Мы думаем и говорим, Мы научаемся, Мы не знаем* свободно входят в научный текст без каких-либо ограничений.

Столь же свободно *я* и *мы* (и их корреляты *ты* и *вы*) могут и отсутствовать, если изложение ведется объективизированно и касается свойств трактуемого объекта (ср. в «Александрийской грамматике»: «И ясно, что то, что не бывает в соответствии с лицом, не будет погрешать против соответствия лиц, а то, что бывает в соответствии с родом, нациком и числом, уже не будет вступать в соединения вопреки правилам о них»²).

Таким образом, в античных ученых трактатах действует правило: личная или неличная манера изложения находится в прямом соответствии с задачами изложения, *я* и *мы* употребляются в соответствии с нормами грамматики в прямом именитивном значении, естественность речи автора исключает необходимость в каких-либо условных языковых приемах.

Слог античных научных сочинений, как и сами эти сочинения, не мог не оказать существенного воздействия на европейскую науку. Даже и в русской науке XVIII в. правила ввода личных местоимений в научное произведение остаются в общем теми же. И. И. Дмитриев, например, свободно обращается к ним, ведя изложение от своего лица: «Елагин, помнится *мне*, третью книгу «Российской истории» начинает так...»³ То же видим у А. П. Сумарокова: «Я употреблению с таким следую рачением, как и правилам»⁴. Н. М. Карамзин употребляет *я* и *мы* совсем так, как это было и в античную эпоху: «То, что не со-

² Сб. «Античные теории языка и стиля». М.—Л., 1936, стр. 140.

³ И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь.— Соч., т. II. СПб., 1895, стр. 60—61.

⁴ А. П. Сумароков. Соч., ч. X. СПб., 1787, стр. 98.

общает нам дурной идеи, не есть низко»⁵; «При первом слове воображаю красивый летний день... При втором слове является моим мыслям дебелый мужик...»; «Имя пичужечка для меня отменно приятно потому, что я слыхал его в чистом поле от добрых поселян»⁶. В то же время используются и безличные обороты (ср. у А. Г. Болотова: «Того сказать не можно...»⁷), придающие суждению характер беспристрастной истины.

Особенно интересно обратиться к способу представления авторского «я» в сочинениях корифея русской пушки XVIII в. М. В. Ломоносова. В «Посвящении», предваряющем «Российскую грамматику», которое адресовано великому князю и подписано Ломоносовым, *я* употребляется так же, как и в наше время в любом личном письме. Ср.: «Меня долговременное в российском слове упражнение в том совершенно уверяет»; «Отважаясь в оное, сколь мог *я* измерить, сочинил малый сей и общий чертеж...». В публично произнесенном «Слове о пользе химии, сентября 6 дня 1751 г. говоренном», Ломоносов также свободно обращается к аудитории от своего лица: «Рассуждая о благополучии жития человеческого, слушатели! не нахожу того совершившее, как ежели кто приятными и беспрочными трудами пользу приносит»; «Того ради прошу, проследуйте за *мою* мысльми вашими в един токмо внутренний чертог сего великого здания...». При этом к слушателям, исходя из необходимости непосредственной адресации, применяется обращение во втором лице, которое коррелирует с первым лицом, образуя своего рода риторическую фигуру.

Мы вводится Ломоносовым в значении «я и люди вообще» в рассуждениях об общих свойствах явлений, присущих человеческому обществу (в «Посвящении»: «Тончайшие философские воображения и рассуждения, многочисленные естественные свойства и перемены, бывающие

⁵ «Письма Карамзина к Дмитриеву». СПб., 1866, стр. 39, письмо от 22 июня 1793 г.

⁶ Там же.

⁷ «Из пеизданного литературного наследия Болотова». — «Литературное наследство», 1933, № 9—10, стр. 203—204.— Ценный материал, иллюстрирующий употребление *я* и *мы* в эту эпоху, см. в кн.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938.

в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, по языку нашему, по недовольному своему в нем искусству приписывать *долженствуем*), об их восприятии человеком, о свойствах человеческого мышления, о познании мира и т. п. (в «Кратком руководстве к красноречию»: «Идеями называются представления вещей или действий в уме нашем; например, мы имеем идею о часах, когда их самих или вид оных без них в уме изображаем»).

Такое положение находило себе прочную поддержку в традиции древнерусской письменности, где широко и свободно употреблялись определенно-личные предложения с местоимениями *язъ, мы, ты, вы*⁸.

В то же время формулируя научные определения или излагая данные об объективных свойствах вещей (а такого рода изложение в его научных трактатах преобладает), Ломоносов прибегает либо к безличной манере (ср. в «Кратком руководстве к красноречию»: «Материя риторическая есть все, о чем говорить можно, то есть все известные вещи в свете»), либо представляет объект исследования в виде грамматического субъекта (ср. в «Явлении Венеры на Солнце, наблюдавшемся в Санктпетербургской Императорской Академии наук мая 26 дня 1761 года»: «Сие редко случающееся явление требует двоякого объяснения»; там же: «Коперник возобновил наконец Солнечную систему, коя имя его ныне носит»). Любопытно заметить, что в исследовании об общих формах человеческого познания личный и неличный способы изложения могут выступать в качестве синонимических средств (в «Кратком руководстве к красноречию»: 1) что *рассуждается* о всем роде, то же *рассуждать* должно и о каждом виде... 2) что *рассуждаем* о каждом виде, ни единого не выключая, то же *рассуждать* должно и о всем виде...». Или: «Признак *называют* что другую вещь показывает»).

Такой способ представления сюжета также опирается на многовековую древнерусскую традицию, где среди многообразных типов безличных предложений широко были представлены предложения с наречно-предикативными словами типа *нужно, ненадобе, годно, лю-*

⁸ Этот материал подробно рассмотрен в кн.: *В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот.* Львов, 1949, стр. 90—106.

бо, немочно, лже, нелзе и др., а также со словами причастного происхождения типа *ведомо, дано, писано*⁹.

Мы видим, таким образом, что естественная манера представления авторского лица, свойственная науке XVIII в. и восходящая к античным временам и древнерусской книжности, используется Ломоносовым весьма гибко и умело; разные возможные здесь языковые средства употребляются в соответствии с потребностями — применительно к общим задачам изложения и сообразно с его жанром (так, *я*, совершенно свободно вводимое в письмах и посвящениях, исчезает в научных дефинициях, собирательное *мы* употребляется в рассуждениях о свойствах человеческого ума и также отсутствует в научных дефинициях, в которых зато преобладает величина манера изложения). Тем самым в целом возникает равновесие в их употреблении, создающее впечатление стилистической гармонии.

Перелом в употреблении рассматриваемого явления наступает значительно позднее, где-то на рубеже XIX—XX вв., а закрепляются новые приемы и того позже — незадолго до наших дней. Чтобы понять языковые истоки новых приемов, отвлечемся ненадолго от их описания и обратимся к статьям В. Г. Белинского, которые сочетают в себе пафос личностного отношения к излагаемому вопросу с объективной литературоведческой трактовкой предмета. Строго говоря, пристрастное, «неистовое» отношение к предмету литературного спора, да и самый факт чуть ли не постоянного горячего участия в полемике ставят статьи Белинского в несколько особое положение среди других произведений научной прозы, сближая их с публицистикой. Но, может быть, новое употребление авторского *мы* и ведет свое начало от публицистики.

Свободно употребляя *я* — без каких-либо признаков хотя бы частичного его ограничения (ср. в статье «О русской повести и новостях Гоголя», примеч.: «*Я* очень рад, что заглавие и содержание *моей* статьи избавляет *меня* от неприятной обязанности разбирать учёные статьи г. Гоголя, помещенные в «Арабесках» или в «Литературных мечтаниях»; «В прошедшей статье *я* обозрел Карамзинский период нашей словесности...» и т. д.), — Белин-

⁹ Подробное описание материала см.: В. И. Борковский. Указ. соч., стр. 57—90.

ский почти в этом же значении (во всяком случае с очень явственным ослаблением оттенка собирательности) употребляет и мы. Ср. в «Литературной хронике»: «Нечего делать! Согласимся: нокойник Дельвиг — быть так». В одной из мелких журнальных заметок: «Г. Булгарин сердится на нас за то, что мы Пушкина называем великим поэтом: что делать? это *наше* мнение, и мы имеем полное право выговаривать...». В подобных случаях еще можно усмотреть в местоимении *мы* оттенок собирательности (в первом примере «я и читатели», во втором — «я и редакция» «Московского наблюдателя»), однако у Белинского масса и таких случаев употребления *мы*, где оно полностью синонимично *я*. Ср.: «Мы могли бы привести и еще много доказательств и примеров, что...» («Гамлет, принц датский»); «Прежде, пожели будем говорить о переводе, мы должны сказать, что *исколько не почитаем* этого перевода совершенным переводом или чудом, фениксом переводов» (там же); «Заметим еще автору, что он напрасно стеснил себя единством места...» (рецензия). При этом в других случаях *мы* продолжает употребляться Белинским в своем исходном смысле, в котором оно давно закрепилось в научной литературе. Ср. в «Основаниях русской грамматики», где такое употребление *мы* диктовалось спецификой объекта, требованием беспристрастной его трактовки: «Возьмем для примера...»; «По когда *мы* прибавим к нему слово «большой», то...». Это значение *мы* обнаруживается не только при строгом изложении по параграфам, но и в свободном течении мыслей, ср.: «В *нашей* литературе, именно журнальной, и особенно петербургской, так много удивительного для нас, москвичей, что *мы* уже потеряли способность удивляться» (журнальная заметка); «*Наше* общество также близко к своему окончательному образованию» («О русской новести и повестях Гоголя»); «У нас часто слышатся жалобы на равнодушие публики ко всему отечественному...» («Библиотека романов и исторических записок, издаваемая Ф. Ротганом на 1835 г.»).

Таким образом, *мы* у Белинского употребляется во всей гамме и ныне известных его значений, причем в одних из них (при обозначении лица автора) оно беспорядочно чередуется с *я*. Такой широкий диапазон в значениях и оттенках значений местоимения *мы* (и зависящих от него форм), безусловно, находящий поддержку в соответствую-

ших изменениях значения коррелирующего с ним местоимения *вы*, не мог не оказаться на употреблении *мы* в последующих научных сочинениях.

Если обратиться к русской научной прозе на рубеже XIX—XX вв. и проследить, как используются в ней приемы представления авторского «я», то окажется, что принятое авторами прошлого свободное употребление местоимения *я* широко представлено и здесь, причем работы естественнонаучного цикла в этом отношении ни в коей мере не являются исключением (впрочем, в это время еще не ощущалось достаточно отчетливо подразделение «языка науки» на «подъзыки», если отвлечься от специальной терминологии). Автор обычно не останавливался перед употреблением *я* (и на фоне общей манеры вести повествование это не выглядело нескромным) и свободно сообщал читателю о своем участии в эксперименте, наблюдении, фиксации факта, о своих размышлениях и намерениях. В научном сочинении возможна даже была своего рода беседа с читателем о колебаниях и сомнениях, даже личных затруднениях автора.

С. Аверинцев, например, даже считает возможным предварить свою работу пространным предисловием уже вполне беллетристического характера, приглашая читателя проследить за историей авторских поисков и предлагая его вниманию свои планы на будущее: «Изучая размножение простейших, я заинтересовался некоторыми вопросами, касающимися роли ядра в жизни клетки»; «В виду тех трудностей, какие мы постоянно встречаем при попытках более или менее подробно исследовать цикл развития каких-либо свободно живущих Protozoa, я решил попробовать выяснить заинтересовавшие меня вопросы на паразитических простейших, где добывание необходимого материала, по крайней мере у очень многих форм, представляет значительно большие удобства»; «... вот краткий перечень тех задач, ответа на которые я стал искать при изучении паразитических простейших»; «Наблюдения мои, конечно, далеко не закончены, да и едва ли возможно будет когда-либо закончить их вполне: придя по всем перечисленным выше пунктам к окончательным, вполне определенным и ясным результатам»; «В настоящей работе я не пытаюсь замалчивать того, что мне удалось сделать, и не говорю категорически там, где есть место для сомнений, предоставляя решение будущему»;

«Тем не менее я не обошел молчанием всего того, что дает возможность к тем или другим обобщениям, но я старался наметить пути, следуя по которым можно будет, по моему мнению, добить правильные решения интересующих нас вопросов»; «Вообще — все изложено здесь так, как оно выяснилось передо мной во время исследования препаратов, и помещаемые ниже главы являются не только передачей добытых мною фактов, но и программой будущих работ, сложившейся под влиянием виденного и передуманного»; «Кое-что из того, что мне хотелось бы разгадать, я надеюсь выяснить впоследствии, кое-что, может быть, удастся дополнить и исправить — по вместе с тем от решения некоторых задач мне, конечно, придется отказаться»¹⁰.

Такое свободное привнесение личностного элемента в научное сочинение в начале нашего века отмечается у самых разных авторов и может считаться нормой этикета. Ср.: «По моему мнению, такого рода соли должны обнаруживать те же свойства, какие присущи самим перекисям металлов...»; «Не говоря уже о соединениях сернокислого бора, я укажу на наблюдение Г. И. Петренко, ... по которому $B(OH)_3$ в сухом виде из сухого фтористого аммония на холду при растирании выделяет обильно аммиак»; «На основании вышеприведенного я позволю сделать следующие заключения»¹¹; «Верхнюю часть пальца я буду называть дорзальной...»; «В силу вышесказанного, я сохраняю название эпитрихий для наружного слоя эпидермоса эмбриона...»; «Результаты исследования эмбриональных стадий и взрослых экземпляров я резюмирую следующим образом»; «Исследование эмбрионов не дало мне ответа, когда у эмбриона образуются кутикулярные волоски»¹²; «В большинстве случаев я предварительно наполнял пищевод с помощью Правацковского шприца воздухом...»; «У лягушки мне удалось найти в слизистой оболочке те же сети (бледных) тончайших нервных

¹⁰ С. Аверинцев. Исследования над паразитическими простейшими. «Труды Санкт-Петербургского об-ва естествоиспытателей. Отд. зоологии и физиологии», 1908, т. XXXVIII, вып. 2.

¹¹ Г. П. Меликов. Отношение перекиси водорода к некоторым солям. «Журнал русского физико-химического об-ва при Санкт-Петербургском ун-те», 1902, т. XXXIV, отд. 1.

¹² И. Куницкий. Происхождение и развитие кутикулярных волосков на лапках геконов *Platydactylus mauritanicus*. «Труды Санкт-Петербургского об-ва естествоиспытателей. Отд. зоологии и физиологии», 1904, т. XXXIV, вып. 2.

волокон с ядрами, как в глотке»; «Тем не менее, принимая во внимание главным образом толщину описываемых волокон, я никак не сомневаюсь, что...»; «*Мои* исследования являются повторением исследований Ranzier'a»¹³; «Произведенные мною опыты разложения органических веществ относятся к обоим родам пирогенетических разложений и, хотя их до полного выяснения характера пирогенетических реакций еще недостаточно, тем не менее я решил опубликовать опыты по мере их накопления...»; «Распадение простого эфира прямо на алдегид и углеводород... не может, по-моему, считаться вполне доказанной реакцией...»¹⁴; «... пауки этого вида (*скажу*, кстати, и этого семейства вообще) имеют чрезвычайно неустойчивую и вследствие этого изменчивую окраску»¹⁵.

Достаточно свободно употребляли я в своих научных сочинениях такие корифеи русской науки этого времени, как И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, И. П. Павлов. Ср.: «Около 9 лет тому назад я в кратком сообщении установил положение, что атрофия хвоста головастиков происходит в сущности за счет фагоцитов... В начале этого года я сделал следующее сообщение, в котором, в подтверждение моих прежних данных, пытался привести доказательство того, что фагоциты...»¹⁶; «Я думаю, что приведенные совпадения было бы неосновательно оставить без внимания. Мне представляется очень вероятной причинная связь приведенных глубоких заболеваний первой системы с указанной операцией»¹⁷; «Я не останавливаюсь на подробностях этой работы; скажу только несколько слов в защиту метода цветных экранов, который я на этот раз применил»¹⁸.

¹³ П. И. Козловский. К вопросу о нервах пищевода у млекопитающих животных. «Труды Санкт-Петербургского об-ва естествоиспытателей. Отд. зоологии и физиологии», 1902, т. XXXII, вып. 2.

¹⁴ В. Н. Ильин. Пирогенетические контактные реакции с органическими веществами. «Журнал русского физико-химического об-ва при Санкт-Петербургском ун-те», 1901, т. XXIII, вып. 8.

¹⁵ Вл. Вагнер. Об окраске и мимикрии у животных. «Труды Санкт-Петербургского об-ва естествоиспытателей. Отд. зоологии и физиологии», 1901, т. XXXI, вып. 2.

¹⁶ И. И. Мечников. О мышечном фагоците.— Собр. соч., т. V. М., 1954, стр. 85.

¹⁷ И. П. Павлов. Статьи по вопросам физиологии пищеварения.— Полн. собр. соч., т. II, кн. 2. М.—Л., 1951, стр. 535.

¹⁸ К. А. Тимирязев. Солнце, жизнь и хлорофилл.— Избр. соч. в 4-х томах, т. I. М., 1948, стр. 279 (статья написана в 1920 г.).

Собирательное *мы* употребляется в начале века для приглашения читателя к совместному разговору и обсуждению излагаемых фактов. Такое *мы* («я и читатель») идентично «лекторскому» (или «ораторскому») *мы* («я и слушатели»). Оно легко соседствует с *я*. Ср.: «Из имеющегося у меня материала я опишу здесь 10 случаев; сначала мы изучим в подробностях каждый из них, а затем сравним их между собою и перейдем к общим выводам»; «Резюмируя все сказанное, мы должны обозначить и этот случай как несомненное двойное уродство»¹⁹. Так пишут и И. И. Мечников, и К. А. Тимирязев, и И. П. Навлов. Проникновению этого *мы* в научные публикации способствовало еще не вполне отчетливое разграничение жанров лекции, доклада, речи, с одной стороны, и журнальной статьи, монографии — с другой²⁰.

Другое *мы* — полностью синонимичное *я* — употребляется авторами русской научной прозы на рубеже XIX—XX вв., но эпизодически, причем теми же авторами, которые легко вводят *я*. Ср.: «Кроме этого, наши исследования привели нас к заключению, что...»; «Такими способами нам удалось показать способность надкислот соединяться с перекисями оснований»²¹.

Безличную конструкцию, соотносительную с личной, в рассматриваемых текстах можно встретить лишь изредка, ср.: «Так с первых же опытов предвиделось, что...»²². Чаще используется возвратная форма глагола для обозначения состояния обследуемого объекта, ср.: «Часть алдегида, вследствие высокой температуры, разложилась на более простые газы»²³.

Описываемые способы личного построения повествования держались у нас довольно долго, вплоть до конца 20-х гг. XX в. Они опирались на прочные многовековые традиции. Но рано или поздно они, конечно, должны были вступить в противоречие с необходимостью максимально объективированного представления результата исследо-

¹⁹ В. И. Топков. Развитие двойных уродств из нормального яйца. «Труды Санкт-Петербургского об-ва естествоиспытателей. Отд. зоологии и физиологии», 1905, т. XXXV, вып. 2.

²⁰ Другие данные см.: О. Б. Сиротинина и др. Изменения в языке научной прозы. «Вопросы стилистики», вып. 3. Саратов, 1969, стр. 42 и сл.

²¹ И. Г. Меликов. Указ. соч.

²² В. И. Ипатьев. Указ. соч.

²³ Там же.

вания, демонстрации, хотя бы и чисто внешним путем, полного отсутствия субъективного произвола в выполненной работе. Изъять из научного повествования все личное, касающееся освещения хода работы автора, истории его поисков, ого сомнений и т. д., оказалось не слишком трудно, но значительно труднее было отказаться полностью от упоминания о том, что та или иная часть работы была проделана автором каким-то определенным образом (в соответствии с определенными принципами) или от указания на то, что автор берет на себя ответственность за то или иное утверждение (ср.: «*Нами гусеницы данного вида в природе не обнаружены*»²⁴). Выход был найден в использовании уже существовавшего способа простой замены я на мы — и, действительно, в течение некоторого времени у нас наблюдался настоящий расцвет этого способа представления авторского «я»; продолжает применяться этот способ и сейчас. С его помощью было создано своеобразное средство хотя бы словесного отказа от «ячества».

Распространению мы, синонимичного я, в наше время способствовал рост коллективных работ, изменения в структуре научного авторства.

И все же в современной научной прозе чаще всего встречается безличный (и — шире — пеличный) способ вести изложение. При таком способе в научном тексте широко используются обороты типа: следует полагать, представляется, целесообразно считать; изучено, показано, выяснено, рассмотрено; результаты показали, наблюдения приводят к выводу. При описании свойств объекта этот объект обычно обозначается существительным в имительном падежке, при котором имеется личный глагол (ср. пример из авторской рукописи из архива редакции «Журнал структурной химии»: «... торможение дезаминирования 4-OH, 4-OCH₃ и 4-NH₂-производных β-фенилэтиламина в присутствии бензолового, β-фенилэтилового спиртов и бензин-0-гидроксиламина не требует предварительной инкубации с ферментом и является конкурентным и обратимым), — но такой способ был известен всегда. Вот некоторые конкретные фразы, показывающие, как используется неличная манера изложения в современных журнальных статьях по биохимии (из архива

²⁴ Э. И. Хотько. Морфологические особенности куколок некоторых видов совок (Lepidoptera, Noctuidae) подсемейства Hadeninae. «Зоологический журнал», 1964, т. XLIII, вып. 1.

редакции того же журнала): «В настоящей работе было изучено *in vitro* действие одного из структурных аналогов пролина — азетидин-2-карболовой кислоты...»; «Показано, что А2КК резко тормозит включение С¹⁴-пролина в белки хрящевой ткани»; «Приведенные данные показывают, что между структурой аминов и активностью фермента есть определенная зависимость».

Таким образом, перед нами система литературных приемов, сложившаяся совсем недавно (в течение нескольких последних десятилетий). Применение этой системы в научной прозе обладает высокой степенью императивности. Оно обязывает пишущего в случае необходимости сообщить нечто от своего лица использовать местоимение *мы* (соответственно — глагола в 1 л. мн. ч.) или, еще лучше, обороты безличного характера. Эта система не исключает и употребления «лекторского» или «ораторского» *мы* (*таким образом, мы видим; тем самым получаем*) и предписывает характеризовать в языковом плане свойства объекта исследования как принадлежащие ему в действительности, независимо от восприятия познающего субъекта. «Естественное» употребление *я* не допускается этой системой. Исключение в этом отношении делается (и то не слишком свободно) лишь для выступлений полемического и остро дискуссионного характера. Следует заметить все же, что в отдельных — единичных — случаях авторы научной прозы позволяют себе не подчиняться требованиям вновь сложившейся системы и, допуская явный апаэроплизм, вводят местоимение *я*.

Приведенная иллюстрация призвана была показать, что внутри сложившихся средств языкового выражения данного стиля, помимо собственно языковых особенностей, возможно складывание особой стилистической манеры, близкой по своему характеру к средствам, относящимся к области этикета.

О ПОНЯТИИ СВЯЗНОСТИ
И СРЕДСТВАХ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ
В РУССКОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Проблема связности речи¹ привлекает внимание многих исследователей. Во-первых, имеется обширная литература по вопросу о связи самостоятельных предложений, который изучался при рассмотрении принципов построения и функционирования таких единиц связного текста, как предложение, абзац и сложное синтаксическое целое². Во-вторых, связность текста рассматривается в работах по прикладной лингвистике при исследовании вопросов, относящихся к автоматическому свертыванию текста³. В-третьих, большой вклад в изучение связности речи внесли работы, обращенные к стилевому расслоению речи, исследованию ее характерных стилевых черт, в частности, таких, как подчеркнутая логичность, тесная спаянность изложения в научном стиле, и средств их выражения⁴. Однако

¹ В лингвистической литературе бытует термин «связность текста».

² См. об этом: *М. М. Макарова*. Средства связи самостоятельных предложений в научно-технической речи современного немецкого языка. КД. М., 1960; *В. Н. Скибо*. О средствах связи самостоятельных предложений в английской научной прозе (на материале лингвистической литературы). КД. М., 1966; *Л. М. Лосева*. К изучению межфразовой связи (абзац и сложное синтаксическое целое). — РЯШ, 1967, № 1; *Н. А. Леонтьева*. Средства структурного цементирования элементов абзаца (на материале современной немецкой прозы). КД. Л., 1970; *И. А. Боевец*. Сложное синтаксическое целое в современном французском языке. КД. Л., 1971, и др.

³ См.: *Н. Н. Леонтьева*. Семантический анализ и смысловая неполнота текста. КД. М., 1968; *И. И. Севбо*. Структура связного текста. М., 1969; *Т. Н. Никитина, М. И. Откупщикова*. К вопросу о текстовой избыточности. «Научно-техническая информация», серия 2, 1970, № 7; *И. М. Повицкая*. О двух типах структуры связного текста. «Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода», вып. 2. М., 1971; *В. Е. Берzon*. Исследование связности текста при разработке автоматических методов его свертывания. АКД. Л., 1972; *С. И. Гиндин*. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации. «Машинный перевод и прикладная лингвистика», вып. 14. М., 1971, и др.

⁴ См.: *М. П. Кульгав*. Основные стилевые черты и синтаксические средства их реализации в современной немецкой научно-техни-

среди исследований, так или иначе относящихся к данной проблеме, нет работ, посвященных специальному обобщенному изучению связности речи, специфики формального выражения ее в разных стилях речи. Само понятие связности речи не получило еще детальной разработки. Не подвергались анализу и качественные, функциональные особенности языковых единиц, выражающих связность речи, поскольку не проводилось сопоставление текстов различных функциональных стилей под этим углом зрения.

Связность речи находит свое лингвистическое выражение прежде всего в связях между двумя самостоятельными предложениями, так как, по образному выражению Н. И. Жинкина, именно «на стыке двух предложений лежит то зерно, из которого развивается текст»⁵. Однако в некоторых случаях в выражении связности происходит «выход» за пределы двух соседних предложений, что обусловлено, в частности, спецификой научной речи.

Содержание связи грамматически самостоятельных предложений с лингвистической точки зрения включает отношения предложений на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Выражение связи предложений соотносится с характером функционирования языковых единиц в связной речи.

Можно предполагать, что в контексте, образуемом двумя грамматически самостоятельными предложениями либо более сложными отрезками речи, у языковых единиц обнаруживаются функции, не свойственные им внутри предложения, рассматриваемого как замкнутое целое. Так, существительное наряду с номинативной функцией может обладать функцией выражения связи двух предложений. Это происходит в том случае, если одно и то же суще-

ческой речи. КД. М., 1964; Т. И. Сильман. Проблемы синтаксической стилистики. «Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена», 1967, № 315; М. И. Сенкевич. Научные стили. М., 1967; *Она же*. Работа редактора над сложным синтаксическим целым и абзацем. М., 1968; М. И. Кожина. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972; Г. Я. Солганик. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М., 1973; Е. С. Троянская. К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи. «Язык научной литературы». М., 1975, и др.

⁵ Н. И. Жинкин. Развитие письменной речи учащихся. «Изв. АПН РСФСР», 1956, вып. 78, стр. 215.

ствительное употреблено в обоих предложениях. Такую же роль, как повтор существительного во втором предложении, может играть использование синонима этого существительного, личного местоимения в качестве его «заместителя» либо указательного местоимения.

В функции средства связи самостоятельных предложений могут выступать и некоторые группы вводных слов и вводных сочетаний слов (указывающих на отношения между частями высказывания, выражающих отношение к способу выражения мысли либо характеризующих оценку степени достоверности сообщения). В этой же функции могут использоваться наречия, выражающие логические отношения между высказываниями. В научной речи более широкий контекст (сравнительно с контекстом одного предложения) позволяет зафиксировать эту же функцию у особых слов, предикативных словосочетаний и конструкций связи, таких, как *рассмотрим*; *заметим*, *что*; *предположим*, *что*; *необходимо подчеркнуть*, *что*; *следует заметить*, *что*; *ясно, что*; *понятно, что*; *как было сказано выше*; *заключается в следующем* и другие (в дальнейшем для краткости будем пользоваться обобщенно-условным названием «конструкции связи»⁶). О таких конструкциях связи можно говорить как о специфичных ширококонтекстных средствах связи.⁷

В более широком контексте создаются условия для выявления функции связи у глаголов с одними и теми же грамматическими формами. В силу такого повторения глаголы—носители одних и тех же грамматических форм (вида, времени, залога, наклонения и других) создают единый видо-временной план речи, выступая в качестве своеобразного средства выражения связности речи.

⁶ См.: М. И. Котюрова. Конструкции связи как средство выражения связности изложения. «Вопросы стилистики», вып. 9. Саратов, 1975.

⁷ Об аналогичных средствах идет речь в исследовании Е. С. Троянской, рассматривающей на материале немецкого языка «такие средства, основной целью которых является активизация внимания читателей перед введением новой и важной информации (или для ее введения). Эта цель достигается как выбором соответствующих грамматических конструкций, так и различными лексическими средствами. Так как при помощи этих средств вводится, как правило, новая мысль, то связь со всем контекстом (выделено нами.—М. К.) осуществляется именно благодаря апелляции к читателю» (указ. соч., стр. 72).

Названные выше языковые единицы (существительные, личные и указательные местоимения, вводные слова, наречия, конструкции связи, глаголы с одинаковыми грамматическими формами) обнаруживают функцию связи лишь в широком контексте. Сами по себе они не являются специальными средствами связи, но обладают функционально такой способностью, и поэтому их можно считать функциональными средствами выражения связности речи. Иначе функционируют сочинительные союзы *и*, *а*, *но*, *да*, *и*, *однако*, которые выполняют свою основную функцию — функцию средства связи как внутри одного предложения, так и между двумя самостоятельными предложениями, если они употреблены в анафорической позиции. Их можно назвать специальными средствами связи.

Рассматривая в аспекте идеи А. В. Бондарко⁸ о функционально-семантических категориях синтаксические отношения между грамматически самостоятельными предложениями и более сложными единицами речи и наблюдая известную регулярность их языкового воплощения, мы считаем возможным выделить функционально-семантическую категорию, которая проявляется в естественных лингвистических условиях (в связной речи), — категорию связности.

Функционально-семантическая категория представляет собой систему языковых единиц, взаимодействующих в процессе выполнения определенной функции и имеющих общее функциональное значение. Это взаимодействие обусловлено самой структурой языка, связью и взаимопроникновением его уровней, но в полной мере оно проявляется в речи.

Языковые единицы, выражающие эту категорию, обобщены с точки зрения их функционально-семантической значимости в тексте. Семантический план этих единиц в речи однороден и обусловлен закономерностями их функционирования: в одинаковых контекстных условиях для выражения связности речи используется определенный круг типичных средств связи. Формально разные языковые единицы объединяются категорией связности по их однородному функционально-семантическому значению и единству функции в типичных условиях и ситуации общения.

⁸ А. В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.

Функционально-семантическая категория связности имеет объективный характер, так как она проявляется в естественной связной речи. Изолированное, взятое вне контекста предложение содержательно неполно, не закончено, в известном смысле несамостоятельно, так как лишено выражения связности.

Проявление категории связности именно в контексте, в связной речи обусловливает и другой признак этой категории, который назовем условно обязательностью. Этот признак является следствием того, что в контексте любые два следующих друг за другом предложения так или иначе связаны между собой, представляют собой «цепочку», в которой каждое отдельное предложение является звеном в развитии выражаемой мысли. При этом, конечно, выражение связности может быть и не эксплицитным, не использовать средства всех языковых уровней, а ограничено, например, одним лишь морфологическим уровнем. Например:

«За городскими крышами сквозь вихри пыли проступал закат, огромный и мрачный, насыщая кровавой силой ползущие тучи. Над Волгой закрутился редкий снег. Нагруженные телеги, охраняемые вооруженными рабочими, давно уехали. Набережная опустела. Пароход отошел от копторки...» (А. Т., 36); «Татьяна Андреевна проснулась на безлюдном полустанке за Витебском. Поезд стоял. Щелкали горячие трубы отопления, гулко дышал паровоз. Зимний день, похожий на сумерки, белел за опущенной оконной шторой. В куне было по-утреннему синно. Нахло пылью и мандаринами» (Науст., 317).

В этих отрывках нет специальных лексико-грамматических и функционально-семантических средств выражения связности. Контекстуальная, смысловая общность предложения здесь «поддерживается» единным временным значением глаголов.

Итак, функционально-семантическая категория связности проявляется в речи. Однако речь нельзя понимать отвлеченно, вне ее обусловленности многими экстралингвистическими факторами — видом деятельности человека, задачами общения и др. Известно, что сильно действующие стилеобразующие факторы определяют формирование, развертывание той или иной речевой системы — функционального стиля; несильно действующие же, или нестилеобразующие, не играют решающей роли в форми-

ровании стиля, оказывая лишь некоторое влияние на внутреннее функционирование тех или иных языковых единиц. По-видимому, указанное взаимодействие экстрапрагмитических факторов с функциональными стилями речи проявляется и в отношении выражения связности речи. В речевом воплощении этой функционально-семантической категории обнаруживаются функционально-стилистические варианты⁹. В различных функциональных стилях она выступает в разном качестве и использует различные системы средств и способов выражения.

Известно, что научный стиль как стиль интеллектуальной речи предусматривает выражение научной мысли. Это достигается не только спецификой научного содержания, но и убедительностью изложения, при котором ясно видно движение авторской мысли — со всеми его «поворотами», «толчками», «остановками» для уточнения, пояснения,озвращением к сказанному и т. д. и которое делает возможным ясное, вполне определенное, однозначное понимание текста. В свою очередь недостаточно ясное и четкое выражение связей, отношений, т. е. движения мысли, приводит к нечеткости, многозначности восприятия, иногда искажению истинного содержания текста.

Научная речь представляет собой единство познавательно-информационной (собственно содержательной) стороны и стороны связующей, которая выражает именно ход, логическую последовательность подачи элементов содержания. Такое разделение речи, конечно, весьма условно, однако оно позволяет более глубоко и детально проанализировать и объяснить категорию связности, рассмотреть средства ее выражения и их функциональные особенности. При этом целесообразно выделить соответственно (также весьма условно) в этой категории и способах ее выражения два аспекта — информационный и логико-связующий. Выделение этих двух аспектов связности мы предпринимаем прежде всего с целью анализа специфики

⁹ М. Н. Кожина, учитывая стилистическую сторону рассматриваемой ею функционально-семантической категории отвлеченности/конкретности, предлагает назвать ее «семантико-функционально-стилистический» (выделено автором.—М. К.), поскольку реализация ее теснейшим образом связана с речевой системностью функционального стиля; см.: М. Н. Кожина. Указ. соч., стр. 135.

выражения связности в научной речи по сравнению с реализацией этой категории в других сферах общения.

Естественно, что научная речь насыщена языковыми единицами, которые передают движение мысли, ее логические переходы. Это языковые единицы, способные использоваться в функции средств выражения связности речи. В научной речи эта их потенция реализуется и активизируется, и они способствуют выражению конкретных моментов связности. В отличие, например, от художественной речи здесь проходит «логизация» общеупотребительных языковых единиц. Эти единицы способствуют выражению сложных логических отношений между мыслями, в частности, таких, как порядок следования мыслей, присоединение, уточнение, обобщение, заключение, констатация факта как «отправной пункт» мысли, момент перехода от одной мысли к другой, активизация ее движения и другие моменты мыслительного процесса.

В результате выражения обоих аспектов связности — информационного и логико-связующего — в научной речи исторически сформировалась и существует целая система синонимических средств выражения связности. На основании широкого выражения как информационного, так и — особенно — логико-связующего аспектов связности можно говорить об особой черте научного стиля — подчеркнутой логичности (термин М. Н. Кожиной¹⁰).

В художественном стиле, напротив, весь строй речи подчинен выражению художественного образа. Поэтому художник отбирает те языковые единицы, которые наиболее соответствуют заданным характеристикам художественного образа. Эти единицы, будучи вовлечеными в систему художественного произведения, получают особую стилистическую «нагрузку». По той же причине языковые единицы, функционирующие в качестве средств связи самостоятельных предложений, представляют собой средства связи не просто отдельных отрезков речи, но элементов художественного образа, т. е. выражают, но всей вероятности, специфический для данного стиля вариант связности.

Функционально-семантическая категория связности речи выражается определенными формальными средства-

¹⁰ М. Н. Кожина. Указ. соч., стр. 104.

ми. Этими средствами могут быть, как указывалось, единицы языка, функционирующие в качестве средств связи двух грамматически самостоятельных предложений и более сложных единиц речи.

Вопрос о принципах классификации языковых единиц, которые могут выступать в функции средств выражения связности, в лингвистической литературе специально не рассматривался. В традиционной классификации — разделении средств на лексические и синтаксические — термин «лексические» не вполне конкретен, так как языковые единицы, обычно относимые к этой группе, рассматриваются по существу с точки зрения их отнесенности к лексико-грамматическим классам слов. К тому же существенна не столько принадлежность этих слов к классу существительных или местоимений, сколько их функция, обусловленная их определенной (а именно анафорической) позицией в тексте при повторении выражаемого ими содержания в двух следующих друг за другом предложениях (с понятием «средство» здесь сочетается понятие «способ»).

Учитывая то, что категория связности выражается единицами различных уровней языка, а также опираясь на традиционную лексико-грамматическую классификацию слов и особенности их функционирования в контексте двух и более самостоятельных предложений, мы считаем возможным предложить следующую классификацию языковых единиц, которые могут выступать в функции средств выражения связности и используются в этой роли:

1) лексико-грамматические: имена существительные (при повторении одного и того же существительного в двух следующих одно за другим предложениях), личные местоимения 3-го лица, указательные местоимения в сочетании с существительным, употребленным в двух соседних предложениях, парения с причинно-следственным, пространственным и временным значениями;

2) морфологические: грамматические признаки глаголов;

3) функционально-синтаксические: специальные конструкции связи, некоторые группы вводных слов, анафорические сочинительные союзы, парения, выражающие порядок следования высказываний, одиночное местоимение *это* и словосочетания, состоящие из указательного местоимения и отвлеченного существительного.

К лексико-грамматическим средствам выражения связности относим языковые единицы, которые имеют определенное или конкретизированное в контексте именитивное значение, употреблены в двух соседних предложениях (или только во втором, если это местоимение), причем во втором — в анафорической позиции, и «переносят» лексическое значение из одного предложения в следующее. Через «перенос» семантики той или иной лексической единицы непосредственно (путем повторения одного и того же слова) или опосредованно (путем указания на лексическое значение или замещение его) из предшествующего предложения в следующее и осуществляется выражение связности между этими предложениями на лексическом уровне языка.

Мы рассматриваем лексико-грамматические средства выражения связности как единство, синтез лексической единицы и способа осуществления связи этой единицей. Существительное может функционировать в качестве средства связи двух самостоятельных предложений при условии, если оно повторяется в обоих предложениях, причем как специальное средство связи оно обычно употребляется в начале второго предложения. При этом учитываем, что только в контексте этого существительного выполняет функцию связи предложений. Поскольку лексическое значение такого существительного не изменяется, контекстуальная синтаксическая функция как бы наслаждается на именитивную.

Примеры из научных текстов:

«Способ прикрепления этой пинты сверху понятен из рисунка; относительно же укрепления зеркала нужно заметить, что оно подвижно около отвесной оси, так что зеркалу можно дать любое положение относительно плоскости магнитного меридиана. За зеркалом следует медная скоба *B*, несущая на нижнем колене магнит *N*. Скоба эта назначена для того, чтобы обойти верхние обороты мультиплексора *MM* и ввести магнит в полость последнего» (Сеч., 21—22).

Существительные «за зеркалом», «скобка эта» (существительное + указательное местоимение), употребленные в двух смежных предложениях и вынесенные в анафорическую позицию, являются яркими средствами связи этих предложений. Обычно анафорические существительные, функционирующие в качестве средств связи самостоятель-

ных предложений, именуются лексическими повторами¹¹. К существительным, повторяющимся в двух предложениях, близки по функции в контексте личные местоимения 3-го лица *он, она, оно, они*.

Рассмотрим примеры употребления личных местоимений в функции связи предложений.

«Чем, однако, определяется *задача действия?* Она (задача.— *M. K.*) связана с нашим представлением о структуре и цели комплексного деятельного акта» (Л. 1, 150); «Граница анализа имеет относительный характер, и ее нельзя понимать упрощенно... Она (граница.— *M. K.*) ограничивает не «процесс познания, а объект познания» (Аи., 10); «Особое значение *научное предвидение* приобретает в условиях строительства социализма и коммунизма. Оно (научное предвидение.— *M. K.*) является здесь внутренней необходимостью» (Андр., 70).

Благодаря неопределенности вещественного значения, отвлеченности от него, личные местоимения, по словам А. М. Нешковского, «прозрачнее в отношении их формальных значений, подобно тому как пустой стеклянный сосуд гораздо лучше обнаруживает свою форму, чем наполненный»¹². «Наполняясь» содержанием предшествующего предложения, отмеченные языковые единицы функционируют в речи как одно из наиболее сильных средств связи, поскольку указывают на предшествующее предложение, создавая имплицитный повтор. Это рождает функцию личных местоимений с функцией существительных, повторяющихся в связной речи.

К лексико-грамматическим средствам выражения связности могут быть отнесены указательные местоимения *этот* (*эта, это, эти*), *тот* (*та, то, те*), *такой* (*такая, такое, такие*) в анафорической позиции.

Указательные местоимения через «указание» на отдельное существительное из предшествующего предложе-

¹¹ Повторами могут быть не только существительные, но и глаголы, прилагательные и другие части речи, однако для научного стиля последние не характерны, поэтому мы, говоря о повторах, имеем здесь в виду только существительные (более подробно о лексических повторах см.: *M. Н. Коткова. Повторы как средство связи предложений в научном стиле сравнительно с художественным. «Исследования по стилистике», вып. 4. Пермь, 1974.*

¹² *A. M. Нешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956, стр. 73.*

ния, некоторую часть его или все предложение в целом выполняют функцию связи этих предложений. При этом указательные местоимения, в отличие от местоимений личных, могут быть в предложении одиночными и в сочетании с существительными. Словосочетание «указательное местоимение + существительное» благодаря актуализованному выделительному значению местоимения является одним из наиболее сильных средств связи двух предложений. Особенно если существительное, к которому местоимение относится, тоже выступает в роли средства связи, т. е. происходит «наслоение» связей. Например:

«Слой полного поглощения определяют экстраполяцией кривой поглощения до оси абсцисс — *прямым методом*. Этот метод приложим к расчетам лишь при простом... излучении» (Н., 1, 45); «Общим свойством газов, жидкостей и аморфных тел является беспорядочность распределения молекул в них. Та беспорядочность обуславливает собой изотропию этих тел — одинаковость их свойств по всем направлениям» (Ландау, 152); «А для того, чтобы их вычислить, надо иметь еще одно связывающее их *уравнение*. Это второе уравнение было введено Нильсом Бором в 1913 г...» (Н., 192).

Большая «сила сцепления» по сравнению с теми случаями, когда связь между предложениями выражена повторяющимся существительным или личным местоимением, обусловливается еще и тем, что предложение, в котором употреблено словосочетание «*это + существительное*», семантически менее самостоятельно, чем предложение с одиночным (без указательного местоимения) существительным-повтором: ср. первый пример «Этот (какой «этот»? — без предшествующего контекста неясно) метод приложим...» и такой случай, как «Исходный бутилен был получен..., причем... сделано было небольшое изменение. Изменение состояло в том, что...» (Ф., 110). Предложение «Изменение состояло в том, что...» самостоятельно.

Одиночные указательные местоимения также выражают связь самостоятельных предложений, так как конкретное лексическое значение получают в контексте, включающем предшествующее предложение. Например:

«Сначала вода будет стекать молочно-белой, по потом станет... прозрачной. Когда это будет достигнуто, у нас в руках очутится уже не тесто, а комок вещества...

Это так называемая клейковина, та... часть муки, которая сообщает тесту его вязкость» (Т., 68); «К качественным оттенкам в этих группах наречий постепенно все гуще и гуще примешиваются значения предметного отношения. Это незаметно сближает разряд качественных наречий с разрядом предметно-обстоятельственных наречий» (В., 281).

Выражение связности, как было сказано, может осуществляться и на морфологическом уровне. Грамматические значения форм знаменательных слов сами по себе как явления языковые не предполагают выражения связи (в отличие, например, от такой лексической единицы, как союз). В этом отношении морфологические и синтаксические средства находятся в совершенно различных «плоскостях». Однако в контексте в их функциях есть нечто общее, хотя и не однозначное выражение. И в этом проявляется существенное как формальное, так и функциональное различие между этими средствами.

Функция связи глаголов с повторяющимися в контексте видо-временными признаками была отмечена Н. С. Постпеловым¹³. Использование морфологических единиц в одном и том же грамматическом значении способствует усилинию связности речи. К морфологическим средствам выражения связности могут быть отнесены грамматические значения не только глаголов, но и других частей речи. Так, Л. Г. Веденина, рассматривая связь номинального предложения с предложением, предшествующим ему в сложном синтаксическом целом, пишет о грамматической форме связи: «Грамматическая форма связи — это такой вид зависимости между предложениями, когда форма одного из компонентов номинального предложения определяется формой компонентов предшествующего предложения»¹⁴.

Языковые единицы, которые употребляются для реализации их единственной функции — специально для связи предложений и других более сложных единиц речи,

¹³ Н. С. Постпелов. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке. «Уч. зап. МГУ. Труды кафедры русского языка». 1948, вып. 137, кн. 2.

¹⁴ Л. Г. Веденина. Опыт качественного и количественного анализа связи предложений в сложном синтаксическом целом (на материале французских номинальных предложений письменной речи). «Уч. зап. 1 МГПИИ», 1968, т. 39, стр. 72.

мы называем функционально-сintактическими средствами выражения связности речи. Эти языковые единицы обычно обладают ослабленным лексическим значением.

К функционально-сintактическим средствам связи можно отнести анафорические сочинительные союзы, некоторые группы вводных слов, выражающих логические отношения между высказываниями, некоторые наречия, выражающие порядок изложения мыслей. Примеры:

«Об этих процессах мы имеем отчетливые представления, в главных чертах... правильные. Но затем мы видим перед собою... остаток необъясненного, который напрашивается на очередь. Научившись на прежнем материале методам исследования, мы шевелим этот остаток во всех направлениях, мы овладели его отдельными частями и извлекаем... пользу из этого знакомства. Но мы еще не проникли в секрет загадки, мы только чувствуем, что эта минута недалека» (Ст., 379—380); «Фосфоресцирующие желатиновые пленки не всегда удается приготовить с одинаковым успехом. Например, одна из пленок, окрашенная флуоресцеином, обнаруживала прекрасную фосфоресценцию..., а другие — почти никакой» (Вавил., 200).

В этих примерах функционально-сintактические средства связи выражают определенные логические отношения, в частности, союз *но* — противопоставление, вводное слово *например* — уточнение сказанного в предшествующем предложении.

Кроме союзов и вводных слов, логические отношения между высказываниями в научной речи выражаются особыми (или специальными) конструкциями связи. Эти средства связи можно считать специфическими именно для научной речи. Конструкции связи почти не соотносятся с лексической стороной предложения (чем отличаются от лексико-грамматических средств), но являются частью его сintаксической структуры. Конструкции связи представляют собой слова и словосочетания, избыточные с точки зрения информационного содержания научного сообщения, но необходимые для изложения его в связной речи. Эти средства образовались в результате функционального «опрощения» языковых единиц, когда «первичная», номинативная функция оказалась до такой степени «ослабленной», что актуализированной осталась только вторичная, сintаксическая функция. Конструкции связи отличаются и от сintаксически независимых в предложении

вводных слов, поскольку являются несамостоятельными в синтаксической структуре предложения. Например:

«Мы не будем давать здесь подробную критику рецепторной теории, отослав читателя к нашей статье... Приведем из нее лишь заключительную часть» (Л., 2, 32); «Таким образом, оба соединения имеют один и тот же элементарный состав и представляют две модификации одного и того же вещества. Как выше было сказано, одну модификацию можно перевести в другую...» (Ф., 429); «Как мы видели, ... это хорошо понимал уже... Ломоносов» (Винокур, 1959, 26); «Растворы... содержат соли, соответствующие солям закиси железа... Должно заметить еще, что слабый гальванический ток выделяет... массу никеля из раствора...» (М., 365); «За циклическое строение говорят... данные элементарного анализа оксидов и их производных. Следует отметить, что содержание... в линейных титаноксанах... отличается от вычисленного для циклических структур» (Н., 2, 552); «Только для абсолютно монотонных функций... число типовых чисел будет ограничено... Из высказывания следует, что типовым числам... соответствуют перманансы...» (Б., 351); «Изложенных принципов было достаточно, чтобы понять, каким образом...» (Ст., 12).

Вводные слова и конструкции связи нередко выражают связь между более сложными, чем предложение, речевыми единицами — абзацами, сложными синтаксическими целыми и др. Выражение связности, особенно ее логико-связующего аспекта, в научной речи выходит за пределы двух самостоятельных предложений, благодаря особой функции вводных слов и конструкций связи.

Итак, связность речи — это функционально-семантическая категория, выражающая информационно-логическую последовательность высказываний посредством использования системы единиц всех уровней языка и определенных способов употребления этих единиц, выступающих в функции средств выражения этой категории.

Более подробно рассмотрим наречия, функционирующие в качестве средств выражения связности речи в научном и художественном стилях.

Наречия, по нашей классификации, могут быть квалифицированы и как лексико-грамматические, и как функционально-синтаксические средства, т. е. представляют

собой особую переходную группу. Это объясняется тем, что наряду с наречиями, выражающими конкретные пространственные и временные отношения, в контексте научной речи широко употребляются наречия, лексическое значение которых ослаблено.

Связность речи могут выражать местоименные наречия с ослабленным лексическим значением, которые так же, как личные и указательные местоимения, получают конкретное значение в контексте более широком, чем контекст одного предложения. Мы имеем в виду группу обстоятельственных наречий местоименного происхождения: *сюда, отсюда, тогда, тут, там, так, туда, оттуда, здесь, откуда, отчего, оттого, из-за того, почему, потому, зачем, затем* и другие.

Как отмечается в «Грамматике русского языка», «во всех этих наречиях уже нет никакой соотносительности ни с именем, ни с числом, ни с родом местоимений... Однако след местоименного происхождения сохраняется в общем значении этих наречий: большинство из них выступает в роли указательных или замещающих слов (выделено нами.—М. К.) с временным, пространственным или общим обстоятельственным значением»¹⁵.

Местоименные наречия близки к местоимениям не только этимологически, но и функционально, в частности, способностью связывать предложения, следующие непосредственно друг за другом. Так как эти наречия могут связывать самостоятельные предложения через «замещение» слов с конкретным временным, пространственным или другим обстоятельственным значением, нравомерно было бы, на наш взгляд, отнести их к лексико-грамматическим средствам. Заметим, что в художественном стиле рассматриваемые наречия в большей степени, чем в научном, сохраняют след местоименного происхождения и используются именно в функции «замещения», свойственной личным и указательным местоимениям.

Примеры из художественных текстов:

«Самолет летел над каналом к западу... *Отсюда*, с большой высоты, строительство являло величественную картину» (Пауст., З, 203) — наречие *отсюда* выражает пространственные отношения; «Яркий свет превращал ка-

¹⁵ «Грамматика русского языка», т. 1. Изд. АН СССР. М., 1952, стр. 627.

бипет в уголок цветущего растительного мира. Вазоны с карликовыми соснами стояли прямо на полу. Тут же склонялись плакучими ветками карликовые ивы» (Пауст., 3, 105) — пространственные отношения между предложениями выражены наречием *тут*. В следующем предложении такое же значение имеет наречие *здесь*: «Она занимала нижний этаж кирпичного дома. Здесь пахло черниками» (Пауст., 3, 24).

Эти примеры показывают, что местоименные наречия (в отличие, например, от лексических повторов, выражающих лишь тематическую связь) через функцию «замещения» могут выражать в художественной речи логические отношения между предложениями, употребляются в функции, близкой к функции союзов. Одни из этих наречий употребляются в качестве союзов основания (причины), другие служат для выражения следствия, третьи выражают временну́ю или пространственную последовательность.

В научной речи функция «замещения» у наречий как бы ослабляется, а собственно связующая функция усиливается. Таким образом, функционально местоименные наречия приближаются к языковым единицам, выступающим в качестве средств функционально-синтаксических.

Примеры из научной речи:

«Изучать органы независимо от их направления, организмы независимо от их жизни, почти так же невозможно, как изучать машину и ее части, не интересуясь их действием... Само собой понятно, что нельзя познакомиться и с действием машины, не зная ее устройства. Отсюда ясно, что независимое изучение организма с этих двух произвольных точек зрения, т. е. как тела и как явления, искусственно и даже нелогично» (Т., 1, 33) — в этом примере наречие *отсюда* выражает причинно-следственные отношения между предложениями.

«Когда растение отцветает, когда облетят его лепестки, завянут тычинки, а плодник превратится в плод, тогда яички превратятся в семена, т. е. в зародыши новых растений. Здесь, очевидно, оканчивается обзор внешних частей растений» (Т., 1, 5) — в данном контексте наречие *здесь* указывает на определенный «отрезок» мысли, момент мысли. Это уже выражение не чисто пространственных отношений, а отношений между элементами мысли в движении, развитии.

В научном стиле встречаются «цепочки» предложений, связанных посредством наречий, например:

«Геохимически замечательно интересный ряд, не только подчеркивающий некоторые уже известные закономерности, но и намечающий ряд новых явлений. Прежде всего бросается в глаза совершенно особенное положение *Be*, который по специфичности своего маленького иона не может входить ни в одну решетку ранних кристаллизаций, должен накапливаться до конца, где он образует уже в конечных гранитных пегматитах... свои собственные минералы (решетки). Далее следует замечательная группа двухвалентных ионов *Mg*, *Ni*, *Co*, *Fe*, *Zn* и *Mn*, которую мы хорошо знаем как одну из самых характерных изоморфных групп в зеленой коре в кристаллохимии. Здесь интересно положение *Mn*, стоящего несколько особняком» (Ферсман, 136) — выделенные наречия выражают порядок изложения мысли, последовательность движения мысли.

Способность местоименных наречий выражать не только логические отношения между высказываниями, т. е. связность познавательно-информационной стороны речи, но и особые моменты движения мысли — связность логической, композиционной стороны научной речи — также свидетельствует об особом переходном положении этой группы наречий в функции средств выражения связности речи.

В качестве средств выражения связности могут употребляться некоторые наречия неместоименного происхождения с пространственным и временным значениями, такие, как *теперь*, *сейчас*, *сначала*, *сперва*, *после*, *справа*, *слева*, *выше*, *ниже* и другие с ослабленным лексическим значением.

Функция этих наречий как средств выражения связности варьируется в зависимости от стиля речи, в котором они употреблены, и обуславливает их конкретное контекстуальное значение. Так, в условиях научной речи рассматриваемые наречия выражают логико-связующий аспект связности и имеют обусловленное этой функцией значение причины, следствия или логической последовательности изложения.

Приведем некоторые примеры употребления наречий с контекстуальным причинно-следственным значением.

Причино-следственные отношения выражает нареч-

ное слово *поэтому*: «Обозначая числовые различия, счет в пределах множественности, имена числительные уже своим лексическим значением выражают понятие числа. *Поэтому* числительные не имеют грамматических форм числа» (В., 237); «Вредное воздействие излучений может быть вызвано как внешним облучением работающего, так и облучением изнутри... *Поэтому* в радиохимической лаборатории необходимо создать условия, обеспечивающие безопасность работы» (Н., 1, 10);

«Пусть... — независимые случайные величины... Тогда очевидно, что вместе с... независимы также случайные величины.. *Отсюда* вытекает, что... Это доказывает теорему» (Г., 226); «Второе измерение делалось без светофильтра. *Отсюда* коэффициент поглощения определялся обычным образом» (Вавил., 110); «Допустим, что... Тогда, подставив это выражение в уравнение... получим... *Отсюда* можно сделать заключение, что...» (Лазарев, 169).

Некоторые наречия с общеязыковыми пространственными и временными значениями в контексте научной речи выражают причинно-следственные отношения между предложениями.

Заметная разница между значениями наблюдается в сходных условиях и у ряда других наречий с общеязыковыми пространственным или временными значениями:

«Я покажу *здесь*, как можно строго доказать это предложение» (Ч., 190); «Мы покажем *теперь*, какую выгоду можно извлечь из этого рассмотрения» (Ч., 500); «Мы обратим *сейчас* внимание лишь на одну особенность языковых текстов» (К., 8); «Такое сравнение мы проведем *ниже*» (Л. Лекции, 78); «*Выше* уже говорилось, что...» (Ахм., 28); «*Выше* было замечено, что в форме и положении нерва не замечается никаких изменений при переходе этого органа из покоя в деятельность. *Теперь*, когда известно строение нервов ствола и известны вообще искусственные средства переводить его из покоя в деятельность, в сказанном можно убедиться уже более точным образом» (Сеч., 18).

На основании исследованного материала и, в частности, некоторых из приведенных примеров можно сделать вывод, что наречия в контексте научной речи могут приобрести новое значение, выражая порядок следования мыслей. В связи с этой ролью наречий обычные значения их ослабляются, затушевываются, зачастую «ис-

реливаясь» одно в другое. В частности, вместо наречия *здесь* может быть употреблено *теперь*, в других случаях контекст позволяет произвести замену наречий *затем — далее, выше — ранее, затем — ниже* и др.

Иначе обстоит дело с употреблением наречий в художественном стиле, где они «нацелены» на выражение временной и пространственной перспективы развития художественного образа и приобретают конкретные значения времени и пространства. Общеупотребительные наречия «наполняются» здесь конкретным лексическим содержанием из предшествующего контекста. Например:

«Бывало, Коля засыпал за столом от усталости. Тогда Анфиса силой поднимала его и вела в угол избы, где для Коли и Кузи было постелено сено» (Науст., 3, 40) — переходный случай временных и условных отношений; «Писатель Леонтьев только что возвратился в Ленинград после десяти дней, проведенных на охоте в глухих, болотистых лесах около устья Свири. Он вдоволь надышался резким и холодным воздухом непролазных дебрей, продымился у костров и весь еще был во власти недавно пережитой типины. Отсюда, из Ленинграда,... она казалась неправдоподобной» (Науст., 3, 51) — наречие выражает пространственные отношения; «До войны здание вокзала заслоняло вид на город. Но сейчас... город был виден как на ладони» (Сим., 1, 27); «Завтрак по в счет: два стакана... чая он, как всегда, выпил, просматривая в это время... номера... газет... Потом поехал во второй эшелон» (Сим., 2, 32); «По старушка... подняла свою правую руку... и три раза набожно перекрестила князя. Затем еще раз ласково и нежно кивнула ему головой» (Д., 261); «Клубы... находились в самом жалком... виде, и поэтому вокзал служил... местом, куда обыватели садили... покутить... Ездили туда и дамы к приходу... чоездов...» (Купр., 244—245); «На одном конце стола во лаве сидела графиня. Справа Марья Дмитриевна, слева Анна Михайловна и другие гости» (Л. Т., 79).

Примеры показывают, что наречия в художественной речи в отличие от научной строго разграничиваются по семантике выражаемых отношений. Здесь нет «сплава», «слияния» пространственных и временных значений разных наречий, реализуются общеязыковые различия. Семантика наречия сохраняется, благодаря чему единая синтаксическая функция — выражение связи предложе-

ний — проявляется в научной речи сравнительно с художественной в разных «плоскостях».

Насыщение художественного текста наречиями с временными и пространственными значениями как бы придает содержанию объемность в пространстве и динамичность во времени, способствуя отражению в художественном образе реального явления в пространстве и времени. Причинно-следственные же связи проявляются в самом движении, развитии художественного образа, составляя его глубинную композиционно-логическую основу.

И последнее. Состав группы наречий, функционирующих в качестве средств связи предложений, в художественной речи несколько шире, чем в научной. В довольно обширной выборке из научной речи¹⁶ выявлено 24 наречия, из художественных текстов — 27, при этом некоторые наречия, употребленные в научных текстах, отсутствуют в художественных, и наоборот. В художественной речи используются наречия со значениями разных направлений, такие, как *слева, налево, справа, направо, туда, оттуда, сзади* и некоторые другие, которые не выявлены в исследованном материале из научных трудов. В наших материалах по художественной речи не выявлены такие наречия, как *прежде, ранее, вначале, вновь*.

Итак, наречия как средство выражения связности широко употребительны как в научной речи, так и в художественной, однако они обнаруживают существенные различия в их конкретной функции и контекстуальных значениях.

Наречия, выражающие связь двух предложений, могут передавать различные логические отношения: причинно-следственные, пространственные и временные. Однако в научной речи, в отличие от художественной, остается ярко выраженной лишь причинно-следственная связь, значения временных и пространственных отношений стираются, отодвигаются на задний план. Значительное насыщение научных текстов наречиями способствует выражению последовательности, связности изложения.

На основании рассмотренного материала можно сделать следующий вывод. В научном стиле функционально-семантическая категория связности речи имеет специфи-

¹⁶ Объем выборки по научной речи — 324 тыс. словоупотреблений по художественной — 72 тыс.

ческий⁹ характер ее выражения. Здесь актуализуются те значения и оттенки значений языковых единиц, которые могут подчеркивать логические отношения между элементами информационно-познавательной стороны научной речи, а также логику мысли автора, т. е. особую логико-связующую сторону научной речи. При этом важно подчеркнуть, что специфика выражения связности обусловлена самим стилем как целесообразно организованной системой.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- Ан. — В. А. Анучин. Теоретические проблемы географии. М., 1960.
Ландр. — Н. Д. Андреев. Наука и общественный прогресс. М., 1972.
Л. Т. — А. Н. Толстой. Собр. соч., т. 6. М., 1959.
Ахм. — О. С. Ахманова. Вопросы оптимализации естественных коммуникативных систем. Изд. МГУ, 1971.
Б. — С. Н. Берништейн. Собр. соч., т. 1. М., 1952.
В. — В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
Вавил. — С. Н. Вавилов. Собр. соч., т. 1. М., 1954.
Г. — В. В. Гнеденко. Курс теории вероятностей. М., 1969.
Д. — Ф. М. Достоевский. Собр. соч., т. 8. М., 1957.
И. — А. Ф. Иоффе. Основные представления современной физики. М.—Л., 1949.
К. — А. Н. Колмогоров. Теория передачи информации. М., 1956.
Купр. — А. И. Куприн. Избранное. М., 1956.
Л. 1 — А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
Л. 2 — А. А. Леонтьев. Психолингвистика. Л., 1967.
Лазарев — Н. П. Лазарев. Соч., т. 2. М.—Л., 1950.
Ландау — Л. Д. Ландау, А. И. Ахиезер, Е. М. Либшиц. Курс общей физики. М., 1965.
Л. Лекции — Л. Д. Ландау и Я. А. Смородинский. Лекции по теории атомного ядра. М., 1955.
Л. Т. — Л. Н. Толстой. Война и мир, т. 1—2. М., 1962.
М. — Д. И. Менделеев. Соч., т. 14. М.—Л., 1949.
Н. 1 — А. Н. Несмеянов. Практическое руководство по радиохимии. М., 1956.
Н. 2 — А. Н. Несмеянов. Элементоорганическая химия. М., 1970.
Науст. — К. Г. Наустовский. Собр. соч., т. 2. М., 1967.
Науст., 3 — К. Г. Наустовский. Собр. соч., т. 3. М., 1967.
— Ч. — И. М. Сеченов. Физиология нервной системы. В кн.: И. М. Сеченов, И. П. Павлов, Н. Е. Введенский. Физиология нервной системы, вып. 2. М., 1952.
Н.м. 1 — К. М. Симонов. Собр. соч., т. 3. М., 1967.
Н.м. 2 — К. М. Симонов. Последнее лето. М., 1971.

- Ст. — А. Г. Столетов. Собр. соч., т. 4. М.—Л., 1939.
Т. — К. А. Тимирязев. Соч. т. 4. М., 1938.
Т. 1 — К. А. Тимирязев. Соч., т. 3. М., 1949.
Ф. — А. Е. Фаворский. Избр. труды М.—Л., 1961.
Ферсман — А. Е. Ферсман. Очерки по истории камня, т. 3. М., 1955.
Ч. — Н. Л. Чебышев. Избр. труды. М., 1955.

Т. И. МАЛЬЧЕВСКАЯ

ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ
КОННОТАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ
АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

За последнее десятилетие, после того как были исследованы и сформулированы основные черты функционального научного стиля в целом, а также даны общие характеристики современной английской научной прозы, в научно-методической и общеязыковедческой литературе стали появляться высказывания о необходимости более конкретных работ по отдельным, частным аспектам функционального научного стиля. При этом, естественно, возник ряд спорных положений, решение которых требовало систематического изучения материала научной литературы во всем его многообразии.

В данной статье ставится вопрос, по которому высказывались различные мнения. Это вопрос о явлениях окрашенности, образности, экспрессивности английской письменной научной речи, которые мы объединяем под общим названием коннотации. Представляется вполне своевременным поставить вопрос о месте и функции коннотаций в научных произведениях, а также, пока что в общем плане,— о характере и особенностях их употребления в современной английской научной литературе.

Коннотация, как известно, определяется как дополнительное содержание слова или выражения, его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение (передающее интеллектуальную информацию), служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оцен-

почных обертоцов и могут придавать высказыванию торжественность, фамильярность и т. п.¹ Вопрос о коннотациях применительно к стилистике художественной литературы достаточно полно был рассмотрен И. В. Арнольд². О наличии некоторой дополнительной (суперлинейарной) информации, которая имеет целью вызвать желаемую реакцию получателя, упоминает и И. Р. Гальперин³. Однако, обращаясь к рассмотрению проблемы коннотации письменной научной речи, мы отдаляем себе отчет в том, что традиционный подход к проблеме стиля в плане анализа индивидуальных особенностей в выборе выразительных средств оказывается уже недостаточным. Полностью соглашаясь с Г. В. Колшанским, мы понимаем стиль как все то глубинное содержание, которое оформляется комплексом языковых средств всего произведения⁴ и представляет собой результат взаимодействия индивидуального и объективного.

Коннотации понимаются нами в широком плане как применение любых средств общенародного литературного языка в целях придания научной речи особой тональности, по которой, независимо от наличия или отсутствия терминов, эту форму речи можно отличить от других функциональных стилей, а кроме того, любых средств, придающих ей образность и выразительность. Таким образом, с самого начала мы считаем необходимым выделить два принципиально различных типа коннотации — стилистическую и экспрессивную, речь о которых будет ниже.

Анализ материала показывает, что коннотации в английской научной литературе встречаются на всех уровнях языка, пронизывают все содержание научного текста, не составляя отдельных вставок или вкраплений, неразрывно связанны с его общим построением и придают определенное освещение, трактовку, выразительность и глубину излагаемым фактам, явлениям, событиям. Коннотации делают научную речь яркой, выразительной,

¹ О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1969, стр. 203—204.

² И. В. Арнольд. Стилистика современного английского языка Л., 1973, стр. 105—119.

³ И. Р. Гальперин. О понятиях «стиль» и «стилистика». — ВЯ, № 3, 1973, стр. 15.

⁴ Г. В. Колшанский. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975, стр. 211.

воздействующей на читателя, т. е. являются чрезвычайно важным фактором, способствующим осуществлению ее коммуникативной функции.

Поскольку все явления образности, окрашенности носят сугубо национальный характер, так как они связаны с историей культуры и литературной традицией каждого народа, а также с особенностями его языка, то при рассмотрении стилистических характеристик одного языка, например английского, необходимо очень осторожно относиться к выводам относительно специфики этих явлений в другом языке.

Существует целый ряд точек зрения и отдельных высказываний по вопросу о коннотациях в научной литературе. Высказывания, относящиеся к английскому научному стилю, сводятся к тому, что употребление разного рода коннотаций в нем не исключается, им приписывается некоторое функциональное значение, однако вопрос о нормативности их использования остается по существу открытым. Кроме того, пока что имеется очень мало специальных исследований на материале достаточно широкого охвата. Дело заключено, видимо, с тем, что экспрессивные коннотации, как показывает анализ материала, являются одним из признаков литературно-обработанных научных текстов высокого уровня, которые практически еще не подвергались обстоятельному исследованию.

В связи с этим представляется важным поставить вопрос: когда и в каких условиях эти средства появляются и зависит ли их употребление всецело от воли и индивидуальных особенностей стиля автора, как это иногда считается в зарубежной стилистике, или они возникают по объективным причинам и, следовательно, выполняют определенную функцию. Иначе говоря, представляют ли собой явления экспрессивной коннотации для английского научного стиля «вспомогательное» средство, как считают некоторые авторы⁵, или они вполне закономерны. Насколько корректно выражение «объективный» и «субъективный» язык?

Вопрос об окрашенности, образности, экспрессивности достаточно хорошо разработан в стилистике примени-

⁵ См.: Н. М. Разинкина. Стилистика английской научной речи. М., 1972; О. А. Швецова. К проблеме становления научного стиля в английском языке (прием интимизации повествования). «Язык научной литературы». М., 1975, стр. 6.

тельно к художественной литературе, по очень мало освещен в отношении научного стиля. Вполне естественно, что подход к коннотациям в научном стиле с позиций стилистики художественной речи неприменим, так как задачи художественной литературы иные, чем научной⁶. Поэтому следует рассмотреть основные черты научного стиля и попытаться установить, какие компоненты окраски он может развивать сам в силу своих особенностей? В стилистике принято считать, что основной и ведущей коннотацией научного стиля является коннотация функционально-стилистическая, присущая всему стилю в целом. Остальные возможные коннотации считаются факультативными⁷. При этом принципиального различия между характером функционально-стилистической коннотации и возможными видами эмоционально-экспрессивно-оценочной коннотации обычно не проводится.

Таким образом оказывается неучтенным, как нам кажется, одно важное обстоятельство, а именно, что научная речь — это один из функциональных стилей общепародного литературного языка, использующий все его основные средства, не обладающий никакими собственными средствами, кроме лексических (особое употребление общей лексики и специальная терминологическая лексика). Наиболее глубоко заложенными из всех них являются структуры, способы построения связей или способы изложения, затем — грамматические средства и, наконец, уже более гибкий и поверхностный слой лексики. Таким образом, научный стиль располагает лишь собственной функциональной окраской и характеризуется определенным отбором языковых средств литературного языка. Однако необходимо обратить особое внимание и на то, что для функционального научного стиля его специфическая окраска, традиционно называемая функционально-стилистической или стилевой коннотацией, представляет собой его норму, так как не существует ли одного научного произведения любого уровня, в котором бы она не проявлялась. В то же время в других стилях речи она может функционировать как коннотация в обычном понимании этого слова. Для общепародного же литературного языка она остается лишь окраской, так сказать, коннотацией

⁶ См.: Е. С. Троянская. К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи. — Там же, стр. 37.

⁷ И. В. Арнольд. Указ. соч., стр. 69.

более высокого порядка, которая не мешает научному стилю оставаться открытой системой и функционировать в качестве одного из многих стилей общенародного литературного языка. Такая двойственность функционального научного стиля, т. е. подчиненность его по иерархии двум нормам — собственнофункциональной и общелитературной — не может не учитываться при рассмотрении его коммуникативной функции.

При анализе нашего материала мы исходим из того положения, что при рассмотрении любых стилистических признаков и характеристик научной речи, включая и коннотации, исследование должно строиться на основании определенной системы, типологии научного текста и его разновидностей. Только в плане идентификации уровня научного текста, т. е. определенной степени высоты его общей организации и сопоставления между моделями разных уровней, могут быть получены объективные данные об интересующих нас признаках. Так, можно отметить, например, наличие стилистических коннотаций в текстах всех уровней или разновидностей⁸, в то время как этого рода экспрессивные коннотации появляются лишь в текстах более высоких уровней.

Стилистическая коннотация, как известно, возникает в связи с условиями научного общения и диктуется социолингвистическими факторами — нормой поведения и общения ученых.

Признаки и черты функционального научного стиля по-разному формулируются различными авторами, однако следующие черты в разном порядке упоминаются всеми: объективность (или объективная нейтральность), безличность, бесстрастность, в то же время стремление к предельной точности, ясность, некатегоричность. Кроме того, логичность (логическая строгость), последовательность, рассудочность и т. п.

Для художественной речи обычно выделяются три компонента коннотации: эмоциональность, экспрессивность, оценочность.

⁸ Подробнее об уровнях и разновидностях научного текста см.: Т. Н. Мальчевская. Научный текст как объект исследования при разработке стилистических проблем теории речевой коммуникации. «Чтение и перевод, устная речь (методика и лингвистика)». М.—Л., 1977.

В имеющихся работах о научном стиле оценочность и экспрессивность упоминаются среди его признаков. Эмоциональность как компонент вообще исключается из научного стиля. Однако если мы рассматриваем материал без предубеждения, создаваемого всеми предшествующими схемами традиционной стилистики художественной речи, то начинаем видеть, что литературно-обработанная письменная научная речь, продуманная и осознанная, может содержать все эти компоненты в скрытом или преобразованном виде и, кроме того, развивать свои специфические оттенки дополнительного значения.

По поводу так называемой бесстрастности научной речи можно сказать, что иногда ее следует понимать лишь как внешнюю форму, вытекающую из требований нормы функционального научного стиля. Тем не менее, как это справедливо указывает М. Н. Кожина⁹, научное творчество не может быть бесстрастным, так как оно связано с искомием истины и борьбой идей. Эта замечательная мысль принадлежит В. И. Ленину, который в одной из своих рецензий пишет: «... без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*» (В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 25, стр. 112).

Поскольку борьба идей, школ, направлений всегда существовала и существует в науке (без этого наука не может развиваться), нельзя забывать того, что каждый автор представляет в своем лице какую-то школу или направление и пытается их отстоять. Каждый автор, если он не эклектик и стремится к истине, не может быть равнодушным и бесстрастным в своих суждениях. Однако, контролируемый детерминантом нормы научного стиля, он преобразует свои эмоции и тем не менее находит средства для их выражения. Мы считаем, что такие категории, как *оценочность* и *критичность*, не только присущи научному стилю (они составляют его основу), но и входят в структуру мышления и лежат глубже, находя свое выражение не столько во внешних выражениях оценки качества, сколько в сознательном отборе научных фактов, постановке вопроса, упоминании и неупоминании работ, имен и т. п. и всегда показывают отношение автора, его позицию.

⁹ М. Н. Кожина. Стилистические проблемы теории речевой коммуникации. М., 1974, стр. 285.

Подтекст, создаваемый «игрой» коннотаций, почти всегда возникает в произведениях высоких уровней (начиная с нейтрального и выше) и, конечно, не только в области общественных или гуманитарных наук, а во всех областях науки, достигших определенного уровня развития и обобщения. В этой связи нужно учитывать также, что так называемая объективность научного стиля — это прежде всего объективность как стилистическая черта, объективность плана выражения, которая далеко не обязательно и не всегда соответствует реальной объективности. Нередко бывает и так, что благодаря этому свойству научного стиля чисто субъективное и неправильное или банальное суждение облекается в видимость объективного.

Более подробного рассмотрения заслуживает вопрос о безличности в том виде, как он ставится в нашей литературе. В имеющихся работах обращает на себя внимание явное смешение понятий безличности как стилевой черты, свойственной всему научному стилю, и «безличности» в значении стандартности, невыразительности, шаблонности изложения. Наблюдаемая стандартность изложения выступает как определенный признак уровня научного текста и представляет собой вполне закономерное явление в конкретно-описательных типах текста. В пределах этих уровней стандартность, даже в такой формулировке, как безличность, функционально оправдана типом содержания этих работ — описанием методик, экспериментов и наблюдений и полностью соответствует задаче и установке произведений такого характера — служить передаче чистой научной информации. Можно было бы вообще ставить вопрос о правомерности зачисления таких работ в ранг научной литературы, так как они скорее носят характер обычного научного отчета. Выводы, сделанные в отопшении работ этого уровня, сами по себе совершенно справедливы. Однако заключение об «обезличивании английской научной литературы»¹⁰ на основании анализа материала, ограниченного кругом работ этого типа, следует поставить под большое сомнение, так как процесс стандартизации и обезличивания совершенно не затрагивает специфики научных текстов более высоких

¹⁰ Н. М. Разинкина. К проблеме эволюции стиля английской научной прозы. «Преподавание иностранных языков. Теория и практика». М., 1971, стр. 21—22.

уровней, которые с большим основанием могли бы рассматриваться как «английская научная литература».

Безличность изложения несомненно проявляется в английской научной литературе как одна из ее основных коннотаций и находит свое внешнее выражение в предпочтении форм страдательного залога и замене местоимения «I» на «We». Добавим, кстати, что в стилистике такая замена рассматривается как особый прием, называемый «множественное скромности»— *Pluralis Modestiae*, или авторское «мы», употребляемое для того, чтобы из скромности объединить себя с теми, к кому обращается речь¹¹. Этот прием в настоящее время приобрел распространение в научной литературе всех европейских языков как традиция научного стиля. Еще большее выражение в этой связи вызывает постановка проблемы авторского «я» на основании анализа упомянутых произведений самых низких информативных уровней, а также слишком прямолинейное и поверхностное решений этой проблемы на основании употребления или неупотребления местоимения «I»¹². Авторское «я», в нашем понимании, выявляется из значительно более глубокого анализа научного произведения и прежде всего его общего построения, характера представления автором своего материала (если это конкретный материал) или развития им своих положений, его внутренней страсти и убежденности, желания отстоять свои позиции и воздействовать на читателя и, в конечном счете, изяществом всей работы, под которым, конечно, не имеется в виду специальное украшательство и красноречие там, где они неуместны. Во всяком случае имеются вполне объективные основания к тому, чтобы считать, что «ощущение присутствия автора», воздействие его личности, может возникать иногда совершенно независимо от употребления им упомянутых личных местоимений. Это еще больше убеждает нас в том, что любое объективное исследование материала научных текстов неизбежно должно строиться на изучении целого комплекса языковых явлений разных уровней и их сложного взаимодействия.

Можно выделить еще одну черту научного стиля — традиционность. Под этим мы подразумеваем

¹¹ И. В. Арнольд. Указ. соч., стр. 189.

¹² О. А. Швецова. Указ. соч., стр. 9.

закрепление определенных стилистических приемов и языкового употребления за определенными уровнями научного текста, в которых автор всегда отдает себе отчет. Совершенно очевидно, что научные произведения разных уровней, написанные одним и тем же автором, характеризуются теми же общими различиями, которые объективно существуют между разными уровнями текста, и это вполне доказуемо. И естественно, что чем выше уровень текста, тем большие возможности имеются для выражения индивидуальной манеры автора, для проявления его авторского «я».

Постоянний творческий научный стиль — это такой стиль, который на всех своих уровнях стремится к тому, чтобы план содержания находил свою лучшую реализацию в плане выражения. Это чувство меры и соответствия второго первому. Такой стиль сам порождает свою особую образность, свои, присущие ему коннотации, которые могут рассматриваться в терминах традиционной стилистики.

Так, например, некатегоричность идержанность тона приводят к употреблению разного рода тропов, например эвфемизмов, т. е. смягченности, затушеванности выражения (особенно при критике), например:

<i>failed to show</i>	вместо	<i>did not show</i>
<i>not quite clear</i>	вместо	<i>not clear</i>

Мы, возможно, мало замечаем такие выражения, потому что на этом уровне почти та же картина наблюдается и в русском научном стиле, ер.:

<i>не совсем понял</i>	вместо	<i>совсем не понял</i>
<i>очень мало освещен</i>	вместо	<i>совсем не освещен</i>

и т. п.

Таких примеров множество, они пронизывают все научные тексты. Также встречается множество литотов, типичных для научного стиля и сообщающих высказыванию большую строгость и осторожность, однако могущих развивать и экспрессивные оттенки (например, пронии). Обычные примеры литотов: *not bad*, *not unlikely*, *not inconsiderable* и т. п.

Стремление к объективности и точности выражения приводит к возникновению коннотации оговорочности,

ограничения, которая создается употреблением огромного количества уточняющих и ограничительных паречей often, usually, sometimes, as a rule, possibly и т. п. Такую же коннотативную функцию выражения некатегоричности обычно выполняет оборот «именительный с инфинитивом» с глаголами to seem, to appear и др., а также обороты с could, might + (Perfect)Infinitive. Например: *The lines do not appear to indicate bone structure, and sometimes a line passes down the throat to end in a roughly circular shape inside the body, seemingly representing the heart or some vital organ. Sometimes the body is divided up into small compartments, or there are divisions which could indicate scales or feathers* (PSc, стр. 19).

На более высоких уровнях текста такие стилистические коннотации иногда комбинируются с нейтральной окраской, а в некоторых случаях содержат скрытую ironию, т. е. выражают явную оценочность. Например: *Such historians as Oman and Hodgkin seem to have come to the conclusion that our ancestors were hardly paying more than lip service to heathenism and that (as Hodgkin puts it) their pagan faith did not stand the sea-grossing from the Continent at all well* (LG, стр. 27).

Стремление к предельной точности заставляет автора искать более меткое и емкое выражение в запасе литературного языка или даже создавать его, используя широкие возможности английского языка. Такие выражения всегда создают коннотацию экспрессивности и яркости. Этот процесс происходит на той же основе, которая отмечается в современной лингвистической литературе по отношению к созданию терминов¹³. Однако разница в том, что термины в конечном счете закрепляются, входят в словарный состав языка, а те явления, которые имеются здесь в виду, рождаются и выявляются только в тексте. Это, например, необычные, метафоричные и метонимические названия явлений или процессов, например: *The ferreting out of new species was the analytical stage* в значении «отыскивание», или «поиски»; *The movement of people was a definite fanning-out from north to south* в значении «расселение»; *Weeding out of false etymologies* в значении «отбрасывание».

¹³ Е. С. Троянская. Указ. соч., стр. 44.

Наблюдается большое количество переносов, адвербальных глаголов, олицетворений, окрашенных эпитетов в сочетании с аллитерацией. Нужно и здесь подчеркнуть, что имеются в виду в основном не словарные, отмеченные единицы, а чисто окказиональные коннотации. Конечно, встречается и достаточно большое количество клише, особенно на низких уровнях текста. Однако основная, типичная особенность английского научного стиля состоит именно в том, что для коннотаций он использует прежде всего элементы литературного языка, не имеющие окрашенности сами по себе, являющиеся стилистически нейтральными и приобретающие необходимую экспрессивную окраску только в тексте или, вернее, в контексте. Подобное наблюдение о сравнительно большой нейтральности слов во французском языке делает М. Б. Воробьева, говоря о том, что именно контекст раскрывает все возможности слова и характер заключенной в нем дополнительной информации¹⁴.

На еще более высоких уровнях научного текста мы встречаем изобилие фразеологических единиц, чаще всего функционирующих в качестве контекстуально-преобразованных единиц. Использование такого стилистического приема создает самые разнообразные оттенки экспрессивной коннотации, вызывает иронический или комический эффект, либо создает игру слов и двойную ассоциацию. Например: *Therefore the government, through a vast public relations campaign, tried to convince foreigners that Russia was a golden investment opportunity* (PP., стр. 176).

Значительный процент составляет измененная и неизмененная библейская фразеология, например, *The test-word in Indo-European which serves to divide the sheep from the goats is the name for numeral 100* или, в сочетании с аллитерацией: *The Communist International nurtured them, trained them, and taught them. They are the «little leaven that leaventh the whole lump».* They are a growing, expending power in all parts of the world (HTI., стр. 304).

Использование фразеологии там, где она употребляется в меру и на соответствующем уровне текста, способствует повышению коммуникативности высказывания,

¹⁴ М. Б. Воробьева. К вопросу о функциональной дифференциации лексики французского языка. «Язык научной литературы», стр. 132.

а авторская переработка фразеологических единиц повышает их стилистическое воздействие. Например: *Darvin has, once and for all, taken the sting out of teleology* (GJ, стр. 22). Созданию всей этой образности несомненно способствуют особенности грамматической структуры английского языка — чрезвычайно широкая сочетаемость, безграничные возможности конверсии, легкость соположения, возможность образования единиц типа an arm-chair scientist; the on-the-spot studies; organism-the machine theory; the robot-view of man и т. п. В современной американской биологической литературе можно отметить большое количество контекстуальных новообразований с использованием живых суффиксов -ing и -ness, образование существительных от причастий типа adaptedness в противопоставление к adaptiveness в этом же тексте. Здесь же появляется множество слов, таких, как oil-injected animals, hormonally-influenced individuals и т. п.

Употребление сравнений, простых и развернутых речевых метафор — явление весьма обычное для текстов высоких уровней любых специальностей. Например, простая метафора: *The mutational change in the gene responsible for the synthesis of the beta chain must have involved the substitution of just a single nucleotide, a single «letter» of the «genetic alphabet»* (GJ, стр. 24). Не менее закономерны и развернутые метафоры самого различного характера. Например: *Survival from prehistoric times is largely a matter of accident, and we must not, therefore, believe too much into isolated hints of ritual and ceremonial. Even where there are clear traces of this, a gap remains between the rites and the beliefs which inspired them, so that without the evidence of language to help us we may feel that the door is forever closed to the religious world of early man. Some archaeologists have indeed declared as much. Yet, surely certain windows remain open, through which we can catch glimpses of this lost world* (P Sc, стр. 7). Можно встретить и сравнение в сочетании с метафорой: *But the further evidence to which I hope to call attention now and in later chapters, the literary evidence, had lately been suspect, particularly if it is not of native origin. Scholars have handled it as though it smelled. It will be my hope to remove some of the bad odour and some of the suspicion* (L.G., стр. 33).

В экономическом тексте высокого уровня мы находим развернутую метафору в сочетании с олицетворением

(о русской металлургии): *A hearty newcomer under Peter and a lusty youngster under Catherine*, eighteenth-century Russian metallurgy, which for a considerable period led the world in the production of pig-iron, failed to come of age and adopt the methods of the industrial revolution (РПР, стр. 217).

Еще одной особенностью текста высоких уровней является то, что в некоторых случаях он имеет особое, ритмическое построение и содержит все виды инверсий. Огнельные части такого текста могут читаться как поэтическое произведение.

В пределах данной статьи нельзя даже перечислить всех неисчерпаемых возможностей экспрессивных коннотаций английского научного текста высокого уровня. Они весьма разнообразны и передают богатую гамму оттенков и дополнительных значений. Мы не упомянули еще об аллюзиях, цитатах из Шекспира и древних авторов, вставления иноязычных слов и выражений и даже каламбуров. Например: *In other words, we must in fact regrettfully admit that earthquakes, in view of our limited knowledge of their incidence and frequency in ancient times, are a shaky basis on which to build a precise chronology* (АЕ, стр. 43).

Необходимо, однако, еще раз напомнить, что все это богатство коннотаций, экспрессивность и яркость наблюдаются на высших уровнях текста. Таким образом, мы приходим к выводу, что научный стиль обладает своей, присущей ему образностью, своими коннотациями, которые являются следствием нормы, а не отступления от нее.

Поскольку характер, удельный вес и распределение коннотаций в научном тексте входят в число факторов, на основании которых должна строиться типология научных текстов, то коннотации и рассматриваются здесь в плане их соотношения со всеми другими параметрами нашей системы: со способом изложения, степенью полноты изложения и размера научного произведения, а также с характером адресата и уровнем обобщения.

Если говорить о том, в каком соотношении находится употребление окрашенных средств и способа изложения, то можно отметить, что наименееший удельный вес коннотации имеют в описательном способе изложения. Отбор средств там идет скорее по точности называния при-

знаков и их особенностей. Однако в некоторых случаях — например, в ботанических и особенно в исторических описаниях, может возникать значительная степень окрашенности. В ботаническом описании она возникает как следствие эстетического восприятия объекта исследования автором. Автор намеренно стремится передать не только информативное содержание наблюдаемых явлений, но и то впечатление, которое он при этом получает. Особенной яркости достигают историко-археологические и исторические описания, они рисуют картины, насыщенные образностью. Однако это особый, сложный тип описания, перемежающийся с повествованием и рассуждением.

Чисто повествовательный текст обычно содержит значительную экспрессию, особенно заметную в эпических жанрах (например, исторические тексты) или в исторических обзорах любых наук. Уровень текста при повествовании довольно высок: текст может изобиловать цитатами из летописей и других памятников, создающих впечатление о событиях минувших времен. Иногда сам текст стилизуется под своеобразную манеру летописи. Значительное богатство и разнообразие временных форм придает особую динамиичность повествованию.

Тип речи, составляющий рабочее ужение, характеризуется наибольшей сложностью построения и отвлеченностью содержания. Так как этот способ изложения берет свое начало из логики и строится как суждение и заключение, то он в первую очередь использует логические приемы: пример приводится для того, чтобы подвести частный случай под общее правило, и т. п. Для того чтобы не терять свою коммуникативность, в стремлении к ясности, рассуждение использует самые разнообразные стилистические приемы, наиболее типичными из которых являются развернутая метафора и сравнение. Эти средства в простой и образной форме могут передать сложную идею, углубляют мысль и вызывают дополнительные ассоциации. Приведу наиболее типичный пример из русского перевода книги К. Черри (K. Cherry) «Человек и информация» (М., 1972, стр. 106): «Язык, несомненно, позволяет нам организовывать мысли для накопления, классификации, сравнения и регистрации идей. Однако за овладение языком нам приходится расплачиваться, ибо мы попадаем в плен к речевым привычкам. Мы весьма

легко становимся жертвой обмана, если он облечеи в звучные слова, а читая книгу, часто совершиенно превратно истолковываем смысл тех или иных ее трудных мест, вкладывая в них свои предвзятые идеи. *Широкие пастища нашего разума испещрены тропинками наших речевых навыков*. Для современного русского научного стиля такой прием звучит несколько искусственно, и тем не менее переводчик не мог его обойти, так как именно в образе реализуется вся глубина высказывания.

Краткость, сокращенность или развернутость изложения тоже имеет большое значение. Естественно, что окрашенные элементы встречаются в более полном изложении, но не менее показателен и тот факт, что в текстах, содержащих описательную компрессию, при наиболее скромном способе изложения, при котором закономерно опускаются сказуемые, артикли и другие менее функционально-нагруженные части предложения, обязательно сохраняется основная стилистическая окраска — оговорочность и некатегоричность, выражающиеся в большом количестве уточняющих слов и употреблении оборотов «именительный с инфинитивом» и др.

Характер адресата в какой-то степени связан с уровнем обобщения. Чем шире адресат, не включая сюда научно-популярные произведения, тем обычно выше удельный вес окрашенных элементов речи.

Если соотнести удельный вес коннотаций с разными уровнями текстов, то можно отметить, что употребление коннотаций, помимо стилистической, усиливается с повышением уровня текста.

В отношении распределения окрашенных элементов по композиционным частям научного произведения, если иметь в виду главным образом крупные формы, можно сказать, что оно зависит от преобладающего способа изложения (общие курсы и монографии могут быть весьма различными). Так, в произведениях с преобладающим описанием (т. е. описательно-повествовательный тип речи) заметно употребление коннотаций во введениях, заключениях, началах и концах глав, в то время как основной текст содержит небольшое их количество или совсем их не имеет (например, монографии по палеонтологии, археологии, ботанике, зоологии, морфологии, физиологии и т. п.). Большое значение при этом имеет этап развития науки — «в возраст» науки, от которого часто зависит

уровень обобщения материала (на первых этапах — описательный, затем — сравнительный, и, наконец, каузальный).

Подводя итог вышеизложенному, хочется еще раз подчеркнуть, что использование окрашенных элементов, разного вида экспрессивно-оценочных коннотаций, безусловно, присуще английскому научному стилю, связано с его основной функцией и является следствием развития его собственных основных черт.

Однако экспрессивные коннотации закономерны не на всех уровнях текста. Они связаны в первую очередь с типом содержания, уровнем обобщения и способом изложения. Роль индивидуальности автора, несомненно, имеет значение, однако ее нельзя переоценивать.

Чем сложнее содержание научного произведения и чем выше его уровень обобщения, тем в меньшей степени оно замыкается в рамках функционального научного стиля. Для того чтобы такое произведение оптимально выполняло свою коммуникативную функцию, автор вынужден все в большей степени прибегать к его литературной обработке и использовать средства литературного языка. Самые высокие уровни научного текста поэтому могут рассматриваться как литературные произведения научного или публицистического жанра.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- LG — *Br. Branston. Lost gods of England.* London, 1957.
PSc — *H. R. Ellis Davidson. Pagan Scandinavia.* N. Y., 1967.
HTI — *W. Foster. History of the Three Internationals.* N. Y., 1955.
PP — *John P. McKey. Pioneers for profit.* London, 1970.
AE — *M. Wheeler. Archaeology from the Earth.* London, 1955.
GJ — *The Graduate Journal Biology, molecular and organismic,* 1965, vol. VII, № 1.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ НОМИНАЦИИ В НАУЧНОЙ ПРОЗЕ

Способы и формы языкового обозначения действительности весьма разнообразны. В каждом стиле речи преобладают те или иные формы поминации, обусловленные социальным назначением стиля. В этой связи интерес представляют особенности стиля научной прозы, характеризующейся частотностью именных конденсаций, особенно с имплицитным агентом, конструкций с пассивными формами глагола, структур со смешенными семантическими ролями и др.

В стиле научной прозы, как и в других функциональных стилях, прослеживается два основных вида поминации: прямая эксплицитная и имплицитная. В основе прямой эксплицитной поминации лежит полная вербальная оформленность глубинной семантической структуры предложения. Максимальная степень эксплицитности выражения внеязыкового содержания обусловлена требованиями полного, точного и логического изложения научных фактов, гипотез, выводов. Элементы отображаемой ситуации получают прямое дискретное языковое оформление, а синтаксические связи носят здесь семантический характер, иконически отображая реальные отношения между элементами процесса¹. Надлежащее — агент или носитель признака, прямое дополнение — объект воздействия со стороны агента; локальный уточнитель находит выражение в обстоятельство места и т. п. Прямая эксплицитная поминация такого рода характеризуется не только наличием формальной выраженности валентностных связей элементов предложения, но и широким употреблением союзов, союзных слов, слов-скреп, эксплицирующих связи как внутри предложения, так и в сверхфразовых единствах:

We have seen already that the meaning of a sentence depends on the place of a negative element. In a more ge-

¹ В. Г. Гак. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур). «Инвариантные синтаксические значения и структура предложения». М., 1969, стр. 79—80.

neral way we may say that the negative notion may belong logically to one single idea... or to the combination of the two parts of a nexus (nexal negation) (O. Jespersen).

Во всем многообразии построений с неполным вербальным оформлением их глубинной структуры представляется необходимым выделить два основных типа предложений: 1) эллиптические и 2) некомплектные. В основе эллиптической поминации лежит такая неполная реализация глубинной структуры, при которой предложение является синтаксически неполносоставным. Для стиля научной прозы поминация такого рода не характерна.

В основе образования некомплектных предложений лежит имплицитная поминация, т. е. такая неполнная вербальная оформленность глубинной структуры, при которой предложение является синтаксически полносоставным. Например, предложение типа *The problem remains unsolved* является некомплектным, поскольку оно включает в качестве имплицитной единицы структуру *The problem was unsolved before*.

В имплицитной поминации, обнаруживаемой в синтаксическом представлении предложения в стиле научной прозы, обращает на себя внимание преобладание частичной формы реализации глубинной структуры с импликацией субъекта: $SP \rightarrow P$. Иллюстрацией здесь могут служить:

1) инфинитивные, герундиальные и причастные поминативы:

In treating the phonology of one of our civilized languages it is necessary to say something about the way in which sounds are represented in the traditional spelling (O. Jespersen). Cf.: If we treat the phonology... it is necessary that we should say something...;

Weinreich's semantic calculator... is assumed to precede 'transformations and morphophonetics' (S. Kuroda). Cf.: One assumes that Weinreich's semantic calculator precedes 'transformations and morphophonetics';

2) структуры предикации с пассивной формой глагола без агентивного дополнения²:

² R. Huddleston. The Sentence in Written English. Cambridge, 1971, стр. 104—108.

Reciprocal pronouns are sometimes found as the subject of a dependent clause... (O. Jespersen);

The material to be separated is placed in a pool of water formed at the foot of the deck using the maximum slope; side-shake and end-bump are applied to allow the material to stratify. Water flow is then commenced and the deck slope and other variables are adjusted as necessary to draw the heavy minerals up towards the head of the deck (L. D. Muller).

В качестве имплицитного элемента здесь выступает конкретный, неопределенноподличный или обобщенно-личный субъект. Характерно образование стандартизованных оборотов с обобщенно-личным глубинным субъектом:

It will be easily understood. It is easily seen. It will be remembered. It must also be mentioned и т. п.;

3) структуры с нарушением прямой корреляции между семантическими и синтаксическими актантами³.

В последнем случае образуются типизованные построения с асемантическим характером синтаксических связей. Подлежащее и другие члены предложения могут выражать здесь не свойственные им функции (например, подлежащее может обозначать инструмент, средство, место действия и т. п.).

Данное явление прослеживается, например, в предложениях, включающих в качестве сказуемого такие глаголы, как: analyse, illustrate, describe, show, assume, say, prove, indicate, require, suggest и др. Динамичный, целенаправленный характер действия, выраженного таким глаголом, указывает на наличие субъекта-агенса в глубинной структуре предложения. В построениях с глаголами такой семантики в подлежащем может быть представлен не только агенс, но и другие семантические роли:

а) место (с глаголами show, give, describe, attempt и др.):

Table 3 shows the relative frequencies of active and passive occurrences... (Ch. Fillmore).

Ср. эксплицитный вариант, адекватно отображающий глубинную структуру предложения: We show the relative frequencies of active and passive occurrences in Table 3;

Figure 8 gives the derived constituent structure of the sentence (J. Fodor & J. Katz). Cf.: We give in figure 8 the

³ R. Huddleston. Указ. соч., стр. 444—446.

derived constituent structure...; The article describes some of the results... (ibid.). Cf.: In the article we describe some of the results...;

The paper does not attempt to present a semantic theory of a natural language (ibid.). Cf.: We do not attempt to present a semantic theory of a natural language in the paper.

Cр. также: This paper offers a reply... (ibid.) — We offer a reply in this paper; The present paper extends the concept... (ibid.) — In the present paper we extend the concept...;

б) инструмент или способ:

The brief mention above of situations... suggested the ways... (Ch. Fillmore). Cf.: We (I) suggest the ways... by mentioning briefly the situations;

The projection rule introduces the semantic markers (J. Fodor & J. Katz). Cf.: By the projection rule we introduce the semantic markers.

Cр. также: The comparison reveals the respects... (ibid.) — By comparison we reveal the respects (or: Comparing... we reveal the respects); Such transformations produce sentences (ibid.) — We produce sentences by such transformations; The example illustrates the type of sentences... (ibid.) — We illustrate the type... by the following example.

Возможно совмещение нескольких ролей в подлежащем предложении (например, инструмента и места):

A synchronic description of a natural language seeks to determine what a fluent speaker knows about the structure of his language... (J. Fodor & J. Katz). Cf.: By a synchronic description (In a synchronic description) of a natural language we seek to determine...

Cр. также: ...definitions like (4) may also introduce new items (F. Kiefer) — We may also introduce new items in definitions (by definitions) like (4);

в) объект:

This problem requires for its solution rules (4) (J. Fodor & J. Katz). Cf.: We require rules (4) for the solution of this problem (if we solve this problem);

г) предикат сложного актанта, обозначающего время. Данное значение типично для построений, в которых подлежащее выражено отлагательным именем существительным:

Uses of the verb *escape* presupposes that the entity identified by the subject noun phrase was contained somewhere by force (Ch. Fillmore). Cf.: When we use the verb *escape* we presuppose that...

Типизованный характер структур такого рода обусловлен в первую очередь коммуникативной задачей объективизации излагаемых научных фактов путем устранения субъекта из поверхностной структуры предложения. Не менее важное значение имеют здесь факторы экономии речевых усилий, связанные с сокращением синтагматической цепочки предложения. Следует отметить, что в научной прозе структуры с имплицитным субъектом могут допускать варьирование путем экспликации этого элемента. Здесь прослеживаются различного рода трансформации, связанные с устранением субъективного начала и возрастанием степени обобщенности значения. Типичны, например, такие трансформации, как: I could argue that... → One could argue that... → It could be argued that... It seems to me that N — Vf → It seems that N — Vf → N seems Inf. Cf.: It seems to me that language typology offers enough genuine excitement. . . (Ch. Fillmore); It seems that in general a completing definition of this type is formally distinct from a nondefinitional generic sentence (F. Kiefer); Certain fairly interesting instances of verbal polysemy seem to have developed in the following way (F. Kiefer). Cf. также: One can easily enumerate anomalous examples (S. Kuroda) → It is easy to enumerate anomalous examples → Anomalous examples are easy to enumerate.

Особая роль в синтаксической организации предложений научной прозы принадлежит субстантивным отглагольным номинативам, выступающим в роли репрезентантов глубинных субъектно-предикатных структур⁴. Субстантивный номинатив обычно входит в состав такого предложения, деонтоматом которого являются совмещенные события (не менее двух), одно из которых имеет эксплицитную форму выражения и тем самым предопределяет возможность свертывания другого события путем опущения его субъекта (иногда — предиката). Большая продуктивность и мобильность субстантивных номинативов

⁴ Н. Ю. Арутюнова. О номинативном аспекте предложения.— ВЯ, № 6, 1971, стр. 67.

в значительной степени обусловлена наличием проективных свойств у финального глагола, который, как известно, выступает в качестве актуализатора субстантивного номинатива, выражая его имплицитные грамматические значения.

Отглагольный субстантивный номинатив может выступать в двух основных функциях: а) в качестве составной части конструктивного ядра предложения, б) в качестве обстоятельственного детерминанта (предложный номинатив).

Приведем примеры:

a) An examination of (41) — (47) reveals that the case realized here... is obligatory (Ch. Fillmore). An examination ← If one examines;

The application of (R_2) to P_1 and P_2 produces the derived path (J. Fodor & J. Katz). The application ← If one applies (R_2) to P_1 and P_2 ...;

b) This is made possible on the assumption that inherent features may not change their specification (S. Kuroda). On the assumption ← If we assume;

But on close inspection it will be seen that it's hard to tell where the boundary line has to be drawn... (O. Jespersen). On close inspection ← When you (one) inspect it closer.

Субстантивные номинативы глагольного и неглагольного происхождения имеют тенденцию к стандартизации, к образованию речевых штампов. Характерным в этом отношении структуры типа According to N, Due to N, семантическую основу которых составляет предикация As N claims (says, defines и т. п.). В основе образования данных штампов лежит трансформация $SP \rightarrow S$:

According to McCawley, inherent features are not syntactic... (S. Kuroda); Examples, due to Perlmutter, are the requirement for BUDGE that it occur in a negative sentence (Ch. Fillmore).

Анализ приведенных структур с имплицитной номинацией далеко не исчерпывает всех особенностей семантического синтаксиса научной прозы, который заслуживает особого внимания и может стать предметом самостоятельного исследования.

III

Ю. А. СУШКОВ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (на материале научной и технической литературы)

Проблема значений терминов неразрывно связана с вопросами развития и обогащения общеязыковой семантики и, разумеется, самым непосредственным образом связана с развитием и пополнением словарного состава языка. Эта постоянная и органическая зависимость уже сама по себе определяет место существования термина в общеязыковой системе. Проявление должного интереса к семантике языка — одна из характерных черт современной лингвистики. В ходе дискуссий и обсуждений вопросов этой содержательной стороны языка многие авторы называют конец 60-х начало 70-х годов XX в. периодом бурного развития теории лингвистической семантики¹.

Обращение к подобному рассмотрению семантической стороны языка не случайно. Еще А. А. Шахматов считал, что в изучении языка перед исследователем предстает двойная система отношений: от форм к значениям и от значений к способам их выражения в языке. Эти принципы блестяще подтверждаются его работой «Синтаксис русского языка». По тому же пути исследования шел и А. А. Потебня.

На современном этапе семасиологической науки вопросы семантики находят решение в трудах советских ученых: В. В. Виноградова, В. Н. Ярцевой, А. И. Смирниц-

¹ Обзор некоторых теорий сделан Н. А. Слюсаревой в статье «Проблемы лингвистической семантики» (ВЯ, 1973, № 1, 5), Л. В. Васильевым в работе «Теория значения в лингвистической литературе» (ФИ, 1974, 4).

кого, Н. Н. Амосовой, О. С. Ахматовой, Д. Н. Шмелева, А. А. Уфимцевой и др. В современной зарубежной науке о языке заслуживают в этом плане внимания работы Ж. Мунена² (Франция). В его книгах ощущается скептицизм по отношению к формализации в области содержания, и размышления автора близки к концепциям ученых нашей страны. Пути системного изучения лексической семантики намечены рядом теоретических исследований.

Изучение содержательной стороны французской терминологической лексики, как и терминологии любого другого языка, исходит из потребностей лингвистики и научно-технического прогресса. Современная терминологическая лексика объединяет слова или словосочетания, обозначающие процессы, явления, предметы, свойства в специальных отраслях общественной жизни, в области техники, искусства и наук. Появившись в языке, термин регистрирует понятие специальной сферы употребления, уточняет его. Слова общего языка полисемичны, однако, став терминами, они в подавляющем большинстве приобретают в соответствующей отрасли необходимую им однозначность: точность конкретного явления природы или общества требует точности в определении названия. Полисемия в терминологии научного стиля — явление нежелательное. Если термин не однозначен, то употребление его в научном тексте обязательно требует соответствующего пояснения автора, который должен оговорить, в каком значении он употребляет это слово, чтобы избежать различного понимания его читателями. Известно, что в других функциональных стилях, например в публицистическом, который ближе стоит к стилю художественной литературы, многозначность слова очень часто используется сознательно для создания образной выразительности фразы или отрывка в целом. Научный стиль сам по себе не допускает многоплановости толкования терминов, так как основным категориям научных и технических понятий в языке должны соответствовать адекватные категории полнозначных слов.

К характерным признакам терминологической лексики следует отнести следующие:

² G. Mounin. Clefs pour la sémantique. Paris, 1972; *On juge. Les problèmes théoriques de la traduction*. Paris, 1963.

а) термин — это слово или словосочетание, которому соответствует дефиниция, четко отражающая содержание соответствующего понятия;

б) термин характеризуется специальной сферой употребления;

в) термин — наименование специального предмета или явления.

Основные пути образования и функционирования французской терминологической лексики в основном те же, что и у лексики общелитературной: термины строятся по традиционным словообразовательным моделям французского языка. Наблюдая за употреблением французской терминологии в научном тексте, мы имеем основание полагать, что большинство терминов — имена существительные. Технические понятия выражаются в знаковых формах языка и являются заменительными частями речи, выполняя в текстах научной прозы разнообразные синтаксические функции, основными из которых являются функции подлежащего и дополнения. Вот несколько примеров подобного употребления: *L'affinité de composition est en raison inverse de l'affinité d'agrégation; Les valences de la structure hybridée seraient ainsi régulièrement orientées suivant les sommets d'un hexaèdre; On appelle rendement d'une couche, la quantité de charbon que l'on peut en extraire par unité de surface, soit, par exemple par mètre carré.*

Из литературы вопроса известно, однако, что по характеру лексического наполнения словесные знаки могут выражать не только предметы, но и сами действия и признаки предметов и действий. Показательны в этом плане следующие существительные и глаголы:

façonnage — façonne

soudage — souder

sciage — scier

ajustage — ajuster

lavage — laver

filetage — fileter

pliage — plier

montage — monter

blanchissage — blanchir

perçage — percer

Основным синтаксическим свойством глагола-термина является его предикативность, постоянный и обязательный признак этой части речи.

Научный текст дает обычно большие возможности для наблюдения терминоупотребления. Он также дает нам примеры того, что понятие признака может успешно вы-

ражаться с помощью прилагательных и отвлеченных от них существительных:

homogène — homogénéité	gélatiné, e — gélatine
acide — acidité	hélicin, e — hélice
stable — stabilité	multipliable — multiplication
intrusif — intrusion	productif, ve — productibilité
gazométrique — gazométrie	flexible — flexibilité

Непрерывно пополняя и обогащая язык, французская терминологическая лексика имеет присущие ей особенности и нормы. Способы французского терминообразования многочисленны и разнообразны. Наиболее продуктивным из них следует признать образование терминов посредством аффиксации. Не меньшее значение имеет словосложение, особенно в образовании слов политической и научной терминологии. Перечень наиболее употребительных корней и аффиксов, используемых для создания научных терминов, уже в этимологическом словаре Доза занимает несколько страниц. В современном французском языке особенно продуктивен способ словообразования, заключающийся в изменении грамматической категории слова. В русской лингвистике он известен под термином «конверсия», а во французской «dérivation impropre». Несмотря на общность законов образования и функционирования терминологической лексики с соответствующими законами лексики общелитературной, словообразующий процесс термина обладает рядом свойственных только ему черт. Они наблюдаются и в области словообразования, и в области семантики. К числу наиболее общих моделей терминологического образования можно отнести следующие: 1) неологизмы; 2) термины, возникшие на базе общеупотребительной лексики; 3) заимствования (калькирование); 4) транскрипция или транслитерация; 5) словосложение.

В случае невозможности применения одной из названных моделей, применяется описательный способ, который не является совершенным и мало удобен.

С новыми открытиями в науке и технике, созданием и возникновением новых производственных процессов и понятий возникают соответствующие термины для их обозначения:

ordinateur	vaisseau cosmique
cybernétique	laser
électronique	particule élémentaire

satellite terrestre	réacteur atomique
satellite naturel	isotope radioactif
alunissage	atome marqué
atterrissement en douceur	accélérateur
fusée-porteuse	synchrophasotron
réaction thermonucléaire	semi-conducteur
cinématique électrique	centre de calcul
supersonique	phytotron.

Можно выделить достаточно объемную группу терминов, использующих общеупотребительную лексику в прямом значении:

calculatrice	‘вычислительная машина’
mine	‘шахта’
accident	‘нечастный случай’
corbeille	‘бадья, коробка’
face	‘фасад’
boue	‘грязь, отходы производства’
aile	‘крыло автомашины’
arrosage	‘орощение, поливка’.

Довольно продуктивен способ использования существующих во французском языке слов путем придания им особого терминологического значения. Чаще всего подобный термин, образовавшийся из общелитературного языка, омонимичен по отношению к родопачальной лексической единице, так как теряет с ней частично или полностью связь. Здесь явно ощутим семантический процесс метафорического переноса по сходству формы:

coude	1) локоть, 2) изгиб, коленчатая труба;
corbeau	1) ворон; 2) кронштейн, крюк;
bras	1) рука; 2) бур (врубовой машины);
pied	1) нога, ступня; 2) стебель, ножка растения;
bec	1) клюв; 2) устье желоба; пакетчик;
tête	1) голова; 2) головка различных предметов; шляпка (гвоздя);
manche	1) рукав; 2) шланг;
ballon	1) шар, мяч; 2) баллон, колба, шаровидный сосуд;
grue	1) журавль; 2) грузоподъемный кран.

Для части французской терминологии характерно использование словесных ресурсов в качестве производя-

ших основ. Очень часто термины образуются на базе существующего словарного состава путем словосложения и словосочетания:

appareil à commande	'устройство ручного управления'
lance-gaz	'газомет'
lance-glace	'снегомет'
wagon-atelier	'вагон мастерская'
wagon-grue	'железнодорожный кран'
wattmètre	'ваттметр'
bec-de-cane	'кузнецкие клемцы, щеколда'
chaland-eiterne	'нефтепаливная баржа'.

По происхождению французская терминология может классифицироваться как исконная и заимствованная. Исконно французское слово становится термином, когда оно переходит в сферу ограниченного специального употребления. Слово *бес*, например, в общем употреблении имеет ряд значений: 'ключ', 'газовый рожок', 'кончик' (карандаша, ручки) и т. п. Это же слово может употребляться и как термин в целом ряде наук, имея каждый раз одно определенное значение, характерное для данной области. В технических науках *бес* — 'носок (ковша)', 'горловина (конвертера)', 'поперечина тележки (подъемного крана)'. Его можно встретить еще в целом ряде значений: 'сопло'; 'горелка'; 'мыс'; 'намывная коса'; 'павлак' и т. д.

Во французском языке, как и в ряде других, наблюдается довольно большое количество заимствованных терминов. Это прежде всего термины греко-латинского происхождения: *morphème*, *suffixe*, *frame*, *tragédie*, *logique*, *objet*, *subject*, *matérialisme*. В спортивной, коммерческой и финансовой терминологии много заимствований из английского языка: *boxe*, *boxeur*, *boxer*, *sprinter*, *football*, *footballeur*, *finish*, *starter*, *activation*, *allotissement*, *centre-auto*, *drugstore*, *jardinerie* и т. д.

Источниками обогащения терминологической лексики могут быть не только заимствования, но и прежде всего слова, обозначающие новые понятия, предметы, словом, все то, что несет с собой достижения науки, техники и прогресс. Характерной чертой таких слов является номинативность, точность в обозначении конкретных предметов, действий и явлений без оценочного элемента. Употребление специальных терминов в XX в., особенно во

второй его половине, становится все более интенсивным и даже входит в обиходную речь.

Сфера употребления терминов не может быть замкнутой. «Всякая нация может и должна учиться у других»³, — писал К. Маркс. При передаче терминологической лексики из одного языка в другой используется несколько способов: транслитерация, транскрипция, калькирование: *sputnik*, *soviet*, *gratte-ciel*, *économie nationale* и т. д. Каждый из названных способов имеет свои достоинства и недостатки. В связи со сложностью словообразовательного процесса в терминологии особенно актуальны в наше время вопросы упорядочения такой лексики. Ученые разных специальностей совместно с языковедами стремятся, насколько возможно, систематизировать ее и не допускать нестроты и бессистемности в ее образовании.

Перечисленные в статье семантические способы французского словообразования терминологии отражают в определенной мере состояние сложившихся единиц языка научной речи. Предлагаемый фактический материал подчеркивает продуктивность общенародной лексики в образовании терминологии и предполагает возможность его использования в работе переводчика научно-технической литературы и в учебной аудитории.

³ К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1969, стр. 10.

Л. В. ДУБРОВИНА

СУФФИКСАЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ — НАЗВАНИЯ ЗАБОЛЕВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современной английской медицинской терминологии названия заболеваний представлены довольно значительной группой слов (свыше 6000 терминов). Специфика этой терминологической группы заключается, в частности, в том, что это в значительной степени слова греческого и латинского происхождения. Так, например,

pest ‘чума’ от лат. *pestis* ‘смерть’; *catarrh* ‘воспаление слизистой оболочки, катар’ от греч. *katarrheō* ‘течь’; *gout* ‘подагра’ от лат. *gutta* ‘ капля’; *spasm* ‘спазм, судорога’ от лат. *spasmus*, которое ранее было заимствовано латинским языком из греч. *spasmos* ‘спазм, судорога’. Обилие таких слов объясняется тем, что на протяжении многих столетий медицинская наука пользовалась латинским языком. Для Западной Европы, как известно, было характерно широкое применение латинского языка. Известно также, что «. . .эллинизированные римляне стали одной из самых действенных сил в распространении греческой культуры» и «. . .огромная масса греческих слов во все эпохи была источником обогащения ученої лексики Европы и всего мира»¹. Вот почему иногда возникают значительные трудности в определении этимологии слова, в выявлении того, было ли слово заимствовано из латинского языка или оно появилось в английском языке через посредство какого-нибудь другого языка. Значительная часть названий болезней имеется в нескольких современных языках и входит, таким образом, в интернациональный слой терминологии. Так, например, англ. *epilepsy*, русск. ‘эпилепсия’, франц. *épilepsie*_(f), нем. *Epilepsie*_(f), греч. *epilepsia*, лат. *epilepsia*; англ. *diphtheria*, русск. ‘дифтерия’, франц. *diphthérie*_(f), нем. *Diphtherie*_(f), греч. *diphtheria*, лат. *diphtheria*; англ. *gastritis*, русск. ‘гастрит’, франц. *gastrite*_(f), нем. *Gastritis*_(f), греч. *gastritis*, лат. *gastritis*. Несмотря на некоторые различия в написании, произношении и суффиксальном оформлении, которые связаны с нормами каждого из языков, все слова сохраняют определенное материальное сходство и имеют одно и то же значение в каждом из языков.

Существует целый ряд слов — названий заболеваний, которые получили широкое распространение и хорошо известны не только специалистам в области медицины. Таковы, например, *grippe* ‘грипп’, *типы* ‘свинка’, *measles* ‘корь’. Кроме того, есть слова — названия заболеваний, распространенные на какой-то определенной территории и хорошо известные местному населению, но вне этих географических пределов являющиеся узкоспеци-

¹ В. Бертолди. Греческий и латинский языки, служившие средством передачи местных традиций и орудием колонизации в западном Средиземноморье. «Новое в лингвистике», вып. VI. М., 1972, стр. 129.

альными медицинскими терминами, как, например: *caribi* ‘эпидемический, гангренозный проктит’, распространенный в Индии; *sudoku* ‘содоку’, распространенное заболевание в Японии; *kala-azar* ‘кала-азар, висцеральный лейшманиоз’, распространенное кожное заболевание на Востоке и в странах с жарким климатом.

В английской медицинской лексике среди терминов — названий болезней выделяется группа слов с суффиксами, использование которых характерно только для медицинской терминологии. Такими суффиксами являются *-itis*², *-oma*³, *-osis*⁴, *-iasis*⁵. Слова, оформленные данными суффиксами, явно обнаруживают свою принадлежность к медицинской лексике и представляют собой названия заболеваний. Так, например, *cystitis* ‘цистит’, *tuberculosis* ‘туберкулез’, *fibroma* ‘фиброма’, *elephantiasis* ‘слоновость’.

Однако паряду с обобщенным названием заболевания эти суффиксы указывают на еще более конкретизированное значение, а именно, на вид обозначенного словом заболевания. Так, например, существительные, оформленные суфф. *-itis*, являются названиями воспалительных процессов тех органов, на которые указывает корень слова, например: *ganglionitis* ‘гангионит, т. е. воспаление ганглиона’ (*ganglion* ‘гангион, скопление нервных клеток, первый узел’); *spondylitis* ‘спондилит, т. е. воспаление одного позвонка или нескольких’ (*spondyl* ‘позвонок’); *cystitis* ‘цистит, т. е. воспаление мочевого пузыря’ (*cyst* ‘мочевой пузырь’). Существительные, оформленные суфф. *-oma*, обозначают заболевания опухолевого характера.

² Суфф. *-itis* греческого происхождения, вошел в английский язык в составе заимствованных медицинских терминов, передающих понятие ‘заболевание воспалительного характера’ (см.: «The Oxford English dictionary», v. I- XII. Oxford, 1933; «Stedman's medical dictionary». Baltimore, 1974).

³ Суфф. *-oma* греческого происхождения, вошел в английский язык в составе терминов со значением ‘опухолей’ (согласно данным «The Oxford English dictionary»).

⁴ По данным «Stedman's medical dictionay», суфф. *-osis* греческого происхождения, вошел в английский язык в составе заимствованных из греческого слов-названий ‘болезненного процесса или состояния’.

⁵ По данным «Stedman's medical dictionary», суфф. *-iasis* греческого происхождения, был заимствован английским языком в составе медицинских терминов — названий ‘заболеваний, вызванных микроорганизмами’.

Например, *granuloma* ‘гранулема, опухоль из гранул, составляющих грануляционную ткань’ (*granule* ‘гранула’); *fibroma* ‘фиброма, опухоль, состоящая из разросшихся волокон’ (*fibre* ‘волокно’); *cystoma* ‘цистома, опухоль мочевого пузыря’ (*cyst* ‘мочевой пузырь’). Существительные, оформленные суфф. *-osis*, являются названиями заболеваний, вызванных определенными патологическими явлениями, отраженными корневой морфемой термина, например: *sclerosis* ‘склероз, патологическое изменение, вызванное уплотнением, разрастанием соединительной ткани’ (*scleros* ‘плотный’); *mycosis* ‘микоз, инвазия грибка, грибковое заболевание’ (*mycos* ‘гриб’); *phytosis* ‘болезнь, вызванная инвазией растительного паразита’ (*phyton* ‘растение’). Существительные, оформленные суфф. *-iasis*, указывают на болезненное состояние, вызванное микроорганизмами, паразитами, грибками, гельминтами, например: *ascariasis* ‘аскариоз, болезненные явления, вызванные глистами вида *Ascaris*’; *gnathostomiasis* ‘гнатостомиаз, болезненное состояние, вызванное инвазией микроорганизмов рода *Gnathostoma*’; *helminthiasis* ‘глистная болезнь, болезненное состояние, вызванное инфекцией гельминтов’ (*helminth* ‘гельминт’).

С точки зрения актуальной структуры такие существительные в основном оказываются неполночленными словами. Так, из 227 существительных, оформленных суфф. *-itis*, полученных в результате силлонной выборки из американского краткого толкового медицинского словаря⁶, только 41 слово дает полную членность, например: *pulpitis* ‘пульпит, воспаление пульпы зуба’ (*pulp* ‘пульпа’); *sinusitis* ‘синусит, воспаление пазух носа’ (*sinus* ‘синус, пазуха носа’); *thyroiditis* ‘тироидит, воспаление щитовидной железы’ (*thyroid* ‘щитовидная железа’). При этом выделяется свободная основа, совпадающая со словом, являющимся названием органа. Группа существительных, оформленных суфф. *-ota*, представлена в этом словаре 89 лексическими единицами, 14 из которых дают полную членность, например: *condyloma* ‘кондилома, опухоль мышлка’ (*condyl* ‘мышлок’); *lymphoma* ‘лимформа’ (*lymph* ‘лимфа’); *blastoma* ‘бластома, опухоль ядросодержащего эритроцита’ (*blast* ‘ядросодерж-

⁶ «American pocket medical dictionary». Philadelphia — London, 1953.

жаний эритроцит'). При этом выделяются свободные основы, совпадающие со словом, имеющим значение клетки, ткани, органа. Из 191 существительного, оформленного суфф. *-osis*, только 31 слово дает полную членность, например: *cholesterolosis* 'заболевание, вызванное отложением холестерина' (*cholesterol* 'холестерин'); *hydatidosis* 'эхинококкоз' (*hydatid* 'эхинококк'); *spondylosis* 'неподвижность позвоночника' (*spondyl* 'позвонок'). При этом выделяются свободные основы, совпадающие со словом, имеющим значение микроорганизма, анатомического органа, химического вещества. В группе существительных, оформленных суфф. *-iasis*, насчитывается 61 лексическая единица, 14 из которых имеют полную членность, например, *helminthiasis* 'глистная болезнь, гельминтоз' (*helminth* 'глист'); *nephrolithiasis* 'почечнокаменная болезнь' (*nephrolith* 'почечный камень'). При этом вычленяются свободные основы, соотносящиеся с самостоятельно функционирующим в языке словом, имеющим значение камня в каком-нибудь органе или значение микроорганизма.

В анализируемой группе суффиксальных существительных основное количество составляют неполночлененные основы. Так, в группе существительных, оформленных суфф. *-itis*, насчитывается 186 неполночлененных слов, имеющих связанные основы, т. е. основы, вычленяемые при отсечении суффикса по методу непосредственно составляющих, но не выступающие в качестве отдельного слова и соотносящиеся со связанными основами однокоренных слов, имен существительных — названий органов, оформленных терминологическими суфф. *-us*, *-is*, *-um*⁷ (всего 46 слов), например: *bronch-itis* 'бронхит, воспаление бронхов', *bronch-us* 'бронх'; *ir-itis* 'ирит, воспаление радужной оболочки глаза', *ir-is* 'радужная оболочка глаза'; *duoden-itis* 'воспаление двенадцатиперстной кишки'; *duoden-um* 'двенадцатиперстная кишка'.

Основы этого типа могут соотноситься и с прилагательными, оформленными суфф. *-ic*, например: *ot-ititis* 'отит, воспаление уха', *ot-ic* 'ушной, слуховой'; *enter-ititis* 'энтерит, воспаление тонких кишок', *enter-ic* 'брюшной, кишечный'.

⁷ «Структура английского имени существительного». М., 1975, стр. 100, 127, 129.

Кроме того, имеются случаи (14) с чередованием (*yks—ndʒ*) в исходе основы, например: *pharyng-itis* ‘фарингит, воспаление глотки’; *pharynx* ‘глотка, зев’; *laryng-itis* ‘ларингит, воспаление гортани’, *larynx* ‘гортань’ или чередование (*ks—s*) в исходе основы, например: *appendic-itis* ‘аппендицит, воспаление червеобразного отростка’, *appendix* ‘червеобразный отросток’; *cervic-itis* ‘цервицит, воспаление шейки матки’, *cervix* ‘шейка матки’.

Выделяется группа существительных с суфф. *-itis*, связанные основы которых соотносятся с частью самостоятельно функционирующего слова, имеющего значение органа. При отсечении основы вычленяется конечный отрезок *-a* или *-on*, так называемый «остаточный элемент», например: *burs-itis* ‘бурсит, воспаление сумки’, *burs-a* ‘бурса, сумка’; *col-itis* ‘колит, воспаление толстых кишок’, *coloon* ‘ободочная или толстая кишка’. Всего зафиксировано 30 таких случаев. Относительно конечных звуковых отрезков *-a* и *-on*, названных здесь «остаточным элементом», существуют разные мнения в лингвистической литературе. Все авторы лишь сходятся на том, что все слова с исходом на *-a* и *-on* являются заимствованиями, и в языке-источнике *-a* и *-on* были показателями принадлежности к одному из склонений и показателем рода. В английской медицинской лексике данные слова являются названиями органов. Вопрос о статусе этих элементов не раз рассматривался в лингвистической литературе. А. И. Смирницкий предлагал для них термин «остаточный звуковой комплекс», но подробного исследования в отношении таких исходов он в своей работе не провел⁸. Г. Маршанд, не обозначая их каким-либо термином, пишет о таких конечных элементах иностранного происхождения и указывает на то, что они отпадают в латинских и греческих существительных перед суффиксами⁹. Л. Н. Винокурова предлагает термин «остаточный элемент» на том основании, что «этот конечный звуковой элемент отсекается при присоединении к соотнесенной основе того или иного суффикса и «остается» вне структуры су-

⁸ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 56.

⁹ H. Marchand. The categories and types of present-day English word formation. Wiesbaden, 1960, стр. 163, 333.

ществительного»¹⁰. И далее приводит определение: «остаточный элемент» является конечным звуковым элементом в иноязычных существительных и не является суффиксом, поскольку не обладает лексико-грамматическим значением и не входит в структурный ряд условий, необходимых для суффикса.

Суфф. *-itis* оформляет также сложные основы с соединительным гласным *-o-* (всего 51 слово), например: *fibr-o-my-itis* ‘воспаление мышц с последующим фиброзным перерождением и атрофией мышечных волокон’; *ryel-o-perhr-itis* ‘воспаление почечной лоханки и почки’; *oste-o-myel-itis* ‘остеомиелит, воспаление костного мозга’.

Анализ структуры неполночленимых существительных, оформленных суфф. *-oma*, показал, что вычленяются только связанные основы (всего 75 слов), которые могут соотноситься с однокоренными прилагательными (6 слов) с суфф. *-oid* (со значением ‘подобный чему-либо’), например: *hemat-ома* ‘гематома’; *hemat-oid* ‘подобный крови’; *terat-ома* ‘тератома, опухоль, содержащая остатки плода’; *terat-oid* ‘подобный уроду’.

Наибольшее число слов, оформленных суфф. *-ома* (55), представлена сложной основой, например: *мух-o-lip-ома* ‘доброкачественная опухоль жировой ткани’; *мух-o-fibr-ома* ‘доброкачественная опухоль фиброзной соединительной ткани’.

В пяти случаях наблюдается соотнесенность связанной основы с усеченной основой однокорневых слов с остаточным элементом *-a* или *-on*, например: *gli-ома* ‘глиома’, *gli-a* ‘невроглия, глия’; *chori-ома* ‘хориома’, *chori-on* ‘наружная оболочка зародыша’. Все слова с остаточными элементами являются названиями тканей или клеток.

Слова с суфф. *-ома* соотносятся с однокоренными существительными, оформленными суфф. *-osis* (9 слов), например: *sarc-ома* ‘саркома’, *sarc-osis* ‘ненормальное разрастание мышечной ткани’; *melan-ома* ‘меланома’, *melan-osis* ‘меланоз, черное окрашивание органов и тканей’.

Анализ неполночленимых существительных, оформленных суфф. *-osis*, показывает, что они имеют в основном

¹⁰ Л. П. Винокурова. Вопрос о вычленении из структуры английского существительного конечного звукового отрезка, условно обозначаемого «остаточным элементом». — В кн.: «Структура английского имени существительного». М., 1975, стр. 30—40.

связанные основы (всего 160 слов), из которых девять относятся с однокоренными прилагательными на *-ic* и пять слов с прилагательными на *-oid*, например: *psychosis* ‘психоз’, *psych-ic* ‘психический’; *phyt-osis* ‘болезнь, вызванная растительным паразитом’, *phyt-oid* ‘подобный растению’.

17 слов соотносятся с однокоренными существительными с суфф. *-us* и *-um*, являющимися названиями микроорганизмов, например: *aspergill-osis* ‘аспергиллоз, заболевание, вызванное плесневым грибком’, *Aspergill-us* ‘вид плесневого грибка’; *microspor-osis* ‘микроспороз’; *Microspor-um* ‘вид грибков’.

С усеченными основами существительных с остаточными элементами *-a* или *-on* соотносится 19 слов, например: *coccidi-osis* ‘коксицидоз’, *Coccidi-a* ‘микроорганизм коксицидия’; *neur-osis* ‘невроз’, *neur-on* ‘нейрон’.

Наибольшее число слов, оформленных суфф. *-osis*, составляют сложные основы (всего 115 слов), например: *silic-o-tubercul-osis* ‘силикоз, связанный с туберкулезным поражением легких’; *amph-i-arthr-osis* ‘заболевание, приводящее к малоподвижности сустава’. Это в основном неполночленимые сложные слова с соединительной гласной *-o* или *-i*.

Количество терминов на *-iasis* значительно меньше. Это неполночленимые существительные со связанными основами. Три слова соотносятся с однокоренными прилагательными на *-oid*, например: *pityr-iasis* ‘питириаз’, *pityr-oid* ‘подобный отрубям’; *psor-iasis* ‘псориаз’, *psor-oid* ‘чесоткоподобный’.

11 слов соотносятся с однокоренными существительными на *-us* и *-is*, например: *paragonim-iasis* ‘легочное заболевание, вызванное глистами’, *Paragonim-us* ‘вид глистов’; *ascar-iasis* ‘болезненные явления, вызванные кишечными паразитами, аскаридоз’, *Ascar-is* ‘вид кишечного паразита’.

24 слова с суфф. *-iasis* соотносятся с усеченными основами с остаточным элементом *-a*, например: *fasciol-iasis* ‘поражение печеночной двуусткой’, *Fasciol-a* ‘печеночная двуустка’; *candid-iasis* ‘болезненное состояние, вызванное инфекцией грибка’, *Candid-a* ‘вид грибка’. Существительные на *-a* являются названиями паразитов и микроорганизмов.

Суфф. *-iasis* оформляет также сложные основы с соеди-

нительным гласным *-o-*, например: *ru-o-neph-r-o-lith-iasis* ‘болезненное состояние, вызванное скоплением гноя и камней в почке’; *sial-o-doch-o-lith-iasis* ‘болезненное состояние, вызванное прохождением камня по слюнному протоку’.

Таким образом, существительные, оформленные суфф. *-itis*, *-oma*, *-osis*, *-iasis*, являются в основном неполночленными в современном английском языке и соотносятся со связанными основами однокореиных существительных или прилагательных.

Характерной чертой существительных, оформленных данными суффиксами, является их молосемантичность. Значение этих слов складывается из значения основы, соотносящегося с основой однокорневого слова (чаще всего это название пораженного органа, ткани, кровеносного сосуда, клетки или микроорганизма, вызывающего заболевание) и конкретизированного значения суффикса.

В связи с интернациональным характером рассматриваемых слов, оформленных суфф. *-itis*, *-oma*, *-osis*, *-iasis*, перевод таких слов на русский язык большей частью не представляет трудностей для специалистов в области медицины. Так, английские существительные, оформленные суфф. *-itis*, передаются русскими существительными на *-ит*, например: *bronch-itis* ‘бронх-ит’, *pulp-itis* ‘пульп-ит’, *appendic-itis* ‘аппендиц-ит’. Существительные, оформленные суфф. *-oma*, передаются русскими существительными на *-ома*, например: *melan-ома* ‘меланома’, *leuk-ома* ‘лейк-ома’, *xanth-ома* ‘ксант-ома’. Английские существительные, оформленные суфф. *-osis*, передаются соответствующими существительными на *-оз* и *-ез*, например: *tubercul-osis* ‘туберкул-ез’, *scler-osis* ‘склер-оз’, *cyan-osis* ‘циан-оз’. Существительные, оформленные суффиксом *-iasis*, передаются на русский язык существительными на *-иоз* и *-иаз*, например: *psor-иаз*, *lamb-иоз* ‘лямбл-иоз’, *leishman-иоз* ‘лейшман-иоз’. Другой способ перевода на русский, предлагаемый англо-русскими медицинскими словарями¹¹ и монографией Всемирной Организации Здравоохранения¹²,

¹¹ «Англо-русский медицинский словарь». М., 1958; «Медицинский словарь». Варшава, 1970; «Англо-русский медико-биологический словарь». М., 1933; «Terminologia medica polyglotta». София, 1964.

¹² «International classification of diseases». Geneva, 1967.

является описательный перевод и кальки, например: *hydronephr-osis* ‘водянка почки’, *fibromy-itis* ‘воспаление мышц с последующим фиброзным перерождением и атрофией мышечных волокон’, *blepharaden-itis* ‘воспаление мейбалиевых желез’, *syringaden-oma* ‘доброкачественная опухоль сальной железы’, *cholesterol-osis* ‘заболевание, вызванное отложением холестерина’, *nocardiasis* ‘заболевание легких, вызванное грибками Nocardia’, *elephant-iasis* ‘слоновость’, *leont-iasis* ‘одна из стадий проказы, когда лицо человека приобретает сходство с мордой льва’.

Н. В. ГЯЧ

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НОМИНАЛИЗАЦИИ В НАУЧНОМ СТИЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Номинализация (*Nominalisierung*, *Substantivierung*)¹ связывается обычно с преимущественным использованием глагольно-именных словосочетаний и ослаблением позиций глагольного сказуемого в языке.

С одной стороны, указывается на тенденцию к все более широкому распространению глагольно-именных словосочетаний² в современном немецком языке, с другой — приводятся факты, свидетельствующие о том, что это явление отнюдь не новое³, что у Лессинга, Гёте, Шиллера, Кампе и Клейста глагольно-именных словосочетаний было не меньше, чем у современных писателей, а даже больше⁴.

Как правило, так называемый субстантивный стиль рассматривается как явление безусловно отрицательное (ср.: «Die Hauptwörterei», «die Hauptwörtlichkeit», «die schwerste Krankheit unserer Sprache», «Hauptwörterkrank-

¹ K. Daniels. Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Düsseldorf, 1963, стр. 9.

² Там же.

³ L. Reiners. Stilkunst. Ein Lehrbuch deutscher Prosa. München, 1955, стр. 122.

⁴ K. Daniels. Указ. соч., стр. 28.

heit», «Hauptwörterseuche»⁵); указывается на распространение этого явления в ряде других языков⁶; существует точка зрения, согласно которой номинализация — это проблема функционально-стилистическая, она характерна не для языка в целом, а лишь для некоторых стилей; в частности, номинализация является одной из стилевых черт научно-технической речи⁷.

Внешним признаком nominalного стиля считается максимальная (?) насыщенность речи существительными и относительная бедность ее другими средствами выражения, прежде всего глаголами⁸. При этом утверждается, что увеличение количества существительных в языке происходит за счет превращения глагольного высказывания в именное⁹. Ссылаясь на П. Гартмана, М. П. Кульгав предлагает следующую схему превращения глагольного высказывания в именное:

S. verkehrt mit O.

Der mit O. verkehrende S.

Der Verkehr des S. mit O.

Das Verkehrhaben des S. mit O.¹⁰

Не трудно увидеть, что произошло при таком превращении с законченным высказыванием в форме предложения: S. verkehrt mit O. Предложения как такового не осталось. Das Verkehrhaben des S. mit O — ни в коей мере не является эквивалентом предложения: S. verkehrt mit O. Представленная интерпретация механизма номинализации не является единственной. Т. А. Броун отмечает увеличение процентного содержания существительных в немецкой искусствоведческой прозе в период с XIX в. до середины XX в. с 25,7 до 27,3 %, считая это подтверждением тенденции к nominalности¹¹. Следует, однако, обратить внимание на то, что процентное содержание глаголов в тех же текстах, по данным Т. А. Броун, не показывает

⁵ L. Reiners. Указ. соч., стр. 113—122.

⁶ L. Reiners. Указ. соч., стр. 122; K. Daniels. Указ. соч., стр. 220.

⁷ М. П. Кульгав. Имя существительное как основное средство воплощения «номинального (субстантивного) стиля» на материале современной немецкой научно-технической речи. «Некоторые вопросы немецкой филологии». Пятигорск, 1971, стр. 5.

⁸ Там же, стр. 4.

⁹ Там же, стр. 9.

¹⁰ Там же.

¹¹ Т. А. Броун. Синтаксико-стилистическая характеристика немецкой искусствоведческой прозы XIX—XX вв. КД. Л., 1973, стр. 75.

сколько-нибудь значительного изменения по исследуемым периодам: в XIX в.—8,3%, начало XX в.—8,8, 50—60 гг.—8%. Показательна также динамика: в начале XX в. увеличение количества глаголов на 0,8%, а в середине века уменьшение на 0,3%¹². Это очень незначительное уменьшение количества спрягаемых форм глагола, выражавшиеся в десятых долях процента, которое при симптоматической статистике вряд ли существенно, интерпретируется как отражение общей тенденции к уменьшению количества глаголов в немецком языке.

В доказательство того, что увеличение числа существительных происходит за счет уменьшения количества глаголов, Т. А. Броун ссылается на Г. Глинца (*Die innere Form des Deutschen*). Она пишет, что Глинц приводит пример с заменой предложений типа «*Man teilt die Sätze folgendermaßen ein*» на «*Einteilung der Sätze*». В данном случае ссылку на Глинца с сопоставлением приведенных двух примеров нельзя признать корректной. Первый пример представляет собой законченное высказывание с подлежащим и сказуемым. Во втором — сказуемое отсутствует. Замена одного другим представляется в обычных условиях невозможной. И у Глинца, кстати, речь идет не о возможности замены одного другим. Глинц говорит о том, что в хорошем немецком языке (*in der gepflegten Sprache*) почти исключительно (*fast ausschließlich*) используются предложения со сказуемым. Они составляют 90—95% всех предложений. Но мы не должны считать, говорит Глинц, что это единственная возможность оформления предложения. Могут быть предложения без сказуемого (*Jedem das Seine*), точно так же, как могут быть предложения без подлежащего (*Hier wird nicht geraucht*)¹³. Глинц отмечает, что в связном повествовании (*in zusammenhängender Erzählung*) такие предложения занимают место где-то на периферии (*am Rande*), но есть и такие области использования языка, где они преобладают. Это — надписи, заголовки, оглавления в книгах, заметки в записных книжках и т. п.¹⁴

Конечно, в записной книжке можно сделать для себя пометку: *Kapitel I ergänzen, Abfahrt nach Berlin — 23 Uhr* или в заголовке написать — *Einteilung der Sätze*. Но

¹² Там же, стр. 76.

¹³ H. Glinz. Die innere Form des Deutschen. Bern, 1952, стр. 419.

¹⁴ Там же, стр. 447.

в связном повествовании Einteilung der Sätze может быть только членом предложения, в котором обязательно есть предикат. Даже при желании заменить глагольное высказывание *Man teilt die Sätze folgenderweise ein* именным нельзя обойтись без сказуемого, в котором присутствует глагол: *Die Einteilung der Sätze erfolgt folgenderweise*. На этом примере представляется возможным объяснить количественное увеличение существительных в предложениях. Если в предложении *Man teilt die Sätze folgenderweise ein* имелось одно существительное (*Sätze*), то в предложении *Die Einteilung der Sätze erfolgt folgenderweise* их уже два. Для статистики это существенный фактор. Именно на этот фактор расширения предложения за счет существительных часто указывают, именно на него и направлена в большинстве случаев критика¹⁵.

Использование глагольно-именных словосочетаний часто рассматривают как признак плохого стиля. Особенно убежденно и непримиримо выступает против них Л. Рейнерс¹⁶.

Критика, направленная против использования глагольно-именных словосочетаний, исходит из возможности формальной замены многих описательных глагольно-именных словосочетаний глаголом от того же корня, что и существительное. Ср.: *Vor 100 Jahren begann in Deutschland die industrielle Torfgewinnung* и: *Vor 100 Jahren begann man in Deutschland Torf industriell zu gewinnen*; *Die Feldvorbereitung erfolgt in Torfbetrieben einheitlich mit Maschinen* и: *Die Felder werden in Torfbetrieben einheitlich mit Maschinen vorbereitet*, и т. п.

Возможность такой замены дает основание полагать, что и глагол, и соответствующее ему глагольно-именное словосочетание семантически равнозначны, что, однако, в принципе неверно¹⁷. Не приходится оспаривать, что во многих случаях такая замена действительно возможна

¹⁵ Ср., в частности, высказывания по этому поводу М. Блохина и М. Вестковского в «Литературной газете» (1972, № 37, 50).

¹⁶ L. Reiners. Указ. соч., стр. 113—122.

¹⁷ Встречающиеся у отдельных авторов такие формулировки, как «Nominale Umschreibung», «Substantivische Sprachmittel, die an die Stelle von Verben treten können» и т. п., часто дают повод считать, что дело может сводиться к равноценной замене глагольного сказуемого глагольно-именным словосочетанием; ср. у К. Даниэльса (указ. соч., стр. 10, 14, 15).

без сколько-нибудь заметного изменения значения высказывания. В то же время использование многих глагольно-именных словосочетаний обусловлено именно тем обстоятельством, что они способны передать ряд дополнительных оттенков значения и нюансов, не свойственных глаголу. Ср.: русск. *снять пробу* не одно и то же, что *попробовать*, нем. Hilfe leisten не равнозначно глаголу helfen. Между глаголом и соответствующим глагольно-именным словосочетанием могут существовать различия семантического, видового, модального или стилистического характера¹⁸. Rat geben и raten, Lärm schlagen и lärmten не равноценны, так как, несмотря на сходство действия, его оценка, высказывание о нем неодинаковы¹⁹.

Использование глагольно-именных словосочетаний создает дополнительные удобства благодаря тому, что позволяет включать в высказывание существительные, близкие по содержанию, но различающиеся по стилевым, семантическим или иным характеристикам: Ehre (Verehrung) genießen, Ladung (Vorladung, Einladung) bekommen и др.²⁰

Перечисленные особенности глагольно-именных словосочетаний позволяют последним успешно конкурировать с глагольным сказуемым во многих, если не сказать во всех, стилях прозы. В известной мере они дополняют существующую глагольную систему.

В стиле научной речи глагольно-именные словосочетания приобрели особую значимость, поскольку они в большей мере соответствуют задачам научной речи и лучше отражают структуру научного мышления. Глагол в комплексе с терминологическим существительным оказывается более пригодным для формулирования обобщений, дефиниций и других специфических форм высказывания, характерных для научной речи.

Поскольку в научной речи, наиболее часто оперирующей терминологической лексикой, основная семанти-

¹⁸ K. Daniels. Указ. соч., стр. 31.— О. Д. Митрофанова считает, что в научной речи описательные словосочетания имеют, как правило, суженное значение, близкое к терминологическому, область же употребления соответствующего однословного глагольного синонима нередко шире, см.: О. Д. Митрофанова. Язык научно-технической литературы. М., 1973, стр. 47.

¹⁹ K. Daniels. Указ. соч., стр. 212.

²⁰ Там же.

ческая нагрузка ложится на существительное, то семантический центр тяжести в высказывании оказывается смещенным в сторону существительного, а глагол выполняет главным образом структурно-организующую роль. Происходит так называемая десемантизация глагола²¹, он лишается вещественного содержания²² и выступает как «оформитель данного семантического целого»²³. Ослабление семантики глагола ведет к тому, что один и тот же глагол может «обслуживать» целые классы существительных, которые открыты для подключения все новых и новых слов, что очень удобно для оформления текста научного содержания: *Ansehen*, (*Anerkennung*, *Beifall*, *Verbreitung*, *Ausdruck*) *gewinnen* и т. п.

Следует, однако, предостеречь от абсолютизации положения о десемантизации глагола в глагольно-именных словосочетаниях. Глагольно-именные словосочетания неоднородны по характеру включаемого глагола. В состав многих из них входят глаголы весьма обширного семантического диапазона. Несмотря на ослабление семантики этих глаголов и перенос семантической нагрузки на существительное, они все же сохраняют способность указывать на характер происходящего действия, состояния или отношения: начало действия — *bringen*, *setzen* (in *Bewegung*, in *Gang*, in *Verkehr* и т. п. *bringen* или *setzen*); длительность действия, состояния — *halten* (in *Bewegung*, *Beitrieb*, *Fluß*, *Gang halten*, *unter Aufsicht*, *Verschluß*, *Kontrolle*, *Beobachtung halten*); начало или прекращение действия или процесса — *kommen* (in *Bewegung*, in *Fahrt kommen*, *zum Abschluß*, *zum Erliegen*, *zum Stillstand kommen*) и т. д.

Вопрос этот еще требует изучения. В какой-то мере к этому подходит К. Даниельс²⁴. Шаг к этому сделан и в ГДР, где с помощью ЭВМ на материале научных текстов был произведен учет глаголов, входящих в состав глагольно-именных словосочетаний²⁵.

²¹ О. Д. Митрофанова. Указ. соч., стр. 45—49, 89.

²² В. Г. Адмони. Введение в синтаксис немецкого языка. М., 1955, стр. 55.

²³ О. С. Ахманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 182.

²⁴ См. K. Daniels. Указ. соч.

²⁵ C. Köhler. Gemeinsprachliche «Ersatzverben» bei der syntaktischen Realisierung fachbedingter Verbalsubstantive. «Deutsch als Fremdsprache», 1974, № 5, стр. 293.

Значительный набор глагольно-именных словосочетаний, используемых в научных текстах, выполняет очень важную функциональную нагрузку. Наличие в языке группы глаголов, «специализирующихся» на выполнении организующей роли и обладающих ослабленной, полу-стертой семантикой, дает возможность присоединять к ним значительное количество все новых и новых существительных. Это очень удобное и целесообразное средство выражения. Оно вызвано к жизни не только заложенными в нем возможностями передачи определенных дополнительных оттенков значения. Его конкурентоспособность и тенденция к его предпочтительному употреблению могут быть объяснены также потребностью языка в наличии синонимичных форм и конструкций. Известно, например, какую значительную роль играет в научной речи пассив, но его постоянное использование в тексте может привести к монотонности изложения. Использование глагольно-именного словосочетания оказывается удобным средством достижения стилистического разнообразия. Ср.: Die Brückkonstruktion wird stark in Längsrichtung beansprucht и: Die Brückkonstruktion unterliegt einer starken Beanspruchung in Längsrichtung.

Как отмечал Г. Пауль, в самой природе языкового развития заложено образование множества равнозначных слов, форм, типов сочетания. Законы стилистики заставляют избегать слишком частого повторения одного и того же выражения, требуют, чтобы имелось как можно больше способов выражения одной и той же мысли²⁶.

Преимущественное использование глагольно-именных словосочетаний по сравнению с глагольным сказуемым не дает оснований опасаться за судьбу последнего. Рост количества существительных в составе предложения, связанный с распространением глагольно-именных словосочетаний, не так уж значителен и может быть охарактеризован как состояние устойчивого равновесия. По данным Т. А. Броун, количество существительных в искусствоведческих текстах за период с XIX в. до середины XX в. возросло с 25,7 до 27,3 %, т. е. всего лишь на 1,6 %²⁷. Необходимо к тому же принять во внимание, что это средняя цифра, и разброс по авторам и источникам весьма

²⁶ Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 301—302.

²⁷ Т. А. Броун. Указ. соч., стр. 75.

велик, так что отмеченное увеличение не слишком показательно. По-видимому, в настоящее время можно сделать вывод, что ни одна из конкурирующих структур, т. е. ни глагол, ни глагольно-именное словосочетание, не в состоянии каждой в отдельности выполнить задачу оформления в языке сложного научного содержания. Обе формы дополняют друг друга и содействуют выполнению одной и той же задачи.

В. И. ШОКУРОВ

ГЛАГОЛ RESULT

В ЗНАЧЕНИИ ВОЗНИКОВЕНИЯ (СОБЫТИЯ) В АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Среди синонимических глаголов-характеристик со значением возникновения (события) глагол *result* занимает довольно заметное место.

Как было отмечено ранее¹, в своем исследовании мы исходим из деления глубинной семантико-синтаксической структуры предложения на модус («modality» constituent) и пропозицию². В соответствии с этим классифицируются глаголы на слова, называющие события, и слова, называющие характеристики событий. По отношению к первым употребляется термин событийные глаголы, по отношению ко вторым — глаголы-характеристики.

Исследованный материал³, составляющий более 1700 стр., свидетельствует об употреблении этого глагола и в качестве событийного (пример 1), и в качестве характеристики (пример 2):

(1) ...so some freak engines resulted.

¹ В. И. Шокуроев. Глаголы *happen* и *occur* в функции характеристики события (на материале английской научной прозы). «Язык научной литературы». М., 1975, стр. 156.

² Ch. Fillmore. The case for case. «Universals in linguistic theory». N. Y., 1968, стр. 23.

³ «Science Journal», 1970, v. 6, № 4—9; 1971; v. 7, № 1; «New Scientist and Science Journal», 1971, v. 49, № 735—744; 1971, v. 50, № 745—757.

- (2) ... but baldness... evidently resulted from some action,
probably on the scalp, of the male hormones.

Событийный глагол либо называет конкретное событие (его вид), либо служит родовым наименованием ряда конкретных событий. Глаголу *result* свойственно быть родовым событийным глаголом. В этой функции он имеет отвлеченное значение «возникновения, появления (некоторого предмета)», например машины (пример 1), иона, руды, животного (примеры 3—5) и т. д.:

- (3) An H_2D^+ ion should result with all the atoms vibrating vigorously with respect to one another.
(4) ... metalliferous ores which ultimately result from these thermal events.
(5) ... the resulting animal will produce well under the conditions...

В качестве характеристики события глагол *result* употребляется в двух предложных конструкциях, с *from* (пример 2) и с *in*, например:

- (6) This has resulted in a thorough reappraisal by the Food and Drug Administration of its standards and policies.

Он синонимичен исследованным нами ранее глаголам в конструкции с предлогом *from*. В конструкции с предлогом *in* глагол *result* синонимичен так называемым каузативным глаголам и словосочетаниям, иногда также обобщению называемым «каузативными предикатами»⁴ (типа *cause, produce, lead*), и будет исследован в связи с ними.

Позицию подлежащего, включая его эквиваленты в атрибутивных конструкциях⁵ — словосочетаниях, оборотах и относительных придаточных предложениях (примеры 7—9, соответственно) занимают различные абстрактные существительные:

- (7) ... the resulting spin-up...

⁴ Э. М. Басс. Языковое выражение причинно-следственных отношений (на материале английской научной прозы). «Язык научной литературы». М., 1975, стр. 184.— Ср. классификацию «предикатов», где среди «типов предикатов» наравне с другими выделяются: statement of causation и indication of origin, см.: P. L. Garvin. Predication-typing: a pilot study in semantic analysis. Baltimore (Md), 1967, стр. 43, 52, 54.

⁵ Анализ употребления глагола *result* в атрибутивных конструкциях см. ниже. О модификации членов предложения в английском языке см.: G. A. Hough. Structures of modification in contemporary American English. The Hague, 1971.

- (8) ... the chemical imbalance resulting from such a major chromosome disorder.
- (9) ...a virus infection of the blood, which resulted from mass haemorrhage in the brown fat.

По семантическому отношению к глаголам (и прилагательным) того же корня можно выделить две группы существительных занимающих позицию подлежащего (или его эквивалента) при глаголе result:

а) существительные, семантически соотносимые (как наименования события или характеристики события) с глаголом или прилагательным того же корня (примеры 10 и 11 соответственно):

- (10) ... upper-air cooling resulting from radiation over constant-temperature sea water.

- (11) ... the short-term difficulties resulting from price depression in the US;

б) существительные, семантически не соотносимые ни с глаголом, ни с прилагательным того же корня:

- (12) ... the accident resulted from an unusual combination of errors.

¶ В исследованных текстах с глаголами того же корня соотносимы имена существительные: damage, infection, saving(s), effusion, conception, feminization, secretion, spin-up, decrease, death, scare, confusion, loss, distraction, cooling, radiation, signals, costs, crops, design, feedback, contract, diffraction, concentrations, pollution, contamination, production, contributions, stimulation, processes, change(s), assertions, challenges, statements, improvements, decision, information, hazard(s), experiments, formation, retention, benefits, insults, demand, failure, increase, collimation.

С прилагательными того же корня соотносимы существительные: profusion, baldness, frequencies, sterility, economies, electricity, jealousy, openness, obesity, maleness, publicity, energy, differences, difficulties, capability, penalties, characteristics.

Не соотносимы ни с глаголом, ни с именем прилагательным существительные: tone, birth, malnutrition, imbalance, rainfall, hepatitis, cost-saving, effects, crisis, theories, accident, picture(s), pattern, disaster, problems, structure, features, data, step, case, chaos, bonuses, sequences, level, spectrum.

Как показывает анализ, подавляющее большинство

существительных соотносимо по своей семантике с глаголами. Многие из них словообразовательно производны: *infection*, *saving(s)*, *effusion*, *conception*, *feminization*, *secretion*, *death*, *confusion*, *loss*, *collimation*, *distraction*, *cooling*, *radiation*, *diffraction*, *concentrations*, *pollution*, *contamination*, *production*, *contributions*, *stimulation*, *processes*, *assertions*, *formation*, *retention*, *decision*, *experiments*, *statements*, *improvement*.

Значительно меньше простых (или опрошенных) существительных: *damage*, *scare*, *signals*, *costs*, *crops*, *design*, *change(s)*, *hazard(s)*, *demand*, *benefits*. Еще меньше безаффиксально-производных существительных, образованных способом чередования ударения: *contract*, *insults*, *increase*, *decrease*. Зарегистрировано также два конверансоставных существительных: *spin-up*, *feedback*. Среди производных существительных преобладают образования с суфф. *-(at)ion*: *infection*, *effusion*, *conception*, *feminization*, *secretion*, *confusion*, *distraction*, *radiation*, *diffraction*, *concentrations*, *pollution*, *contamination*, *production*, *contributions*, *stimulation*, *assertions*, *formation*, *retention*, *decision*, *information*, *collimation*. Производных существительных с другими суффиксами — считанные единицы: *saving(s)*, *cooling*, *death*, *experiments*, *statements*, *improvement*. Очевидно преимущественное употребление глагола *result* с производными существительными с суфф. *-(at)ion*.

Существительных, соотносимых по семантике с именами прилагательными, значительно меньше. В их числе больше всего имен существительных с суфф. *-ity*: *sterility*, *electricity*, *obesity*, *publicity*, *capability*. К ним примыкают существительные с суфф. *-ty* (*penalties*) и суфф. *-y*: *jealousy*, *difficulties* (без чередования согласных), *frequencies* (с чередованием). Встретилось также несколько имен существительных с суфф. *-ness*: *baldness*, *openness*, *maleness*.

Среди существительных, семантически не соотносимых ни с глаголом, ни с прилагательным, в основном простые (или опрошенные) слова: *tone*, *birth*, *hepatitis*, *crisis*, *effect*, *theories*, *accident*, *picture(s)*, *pattern*, *disaster*, *problems*, *structure*, *features*, *data*, *step*, *case*, *chaos*, *bonuses*, *sequences*, *level*. Есть два префиксально-производных слова (*malnutrition*, *imbalance*) и два сложных (*cost-saving*, *rainfall*). Встретился также один латинский термин —

словосочетание (*diabetes mellitus*). Естественно преобладание в этой группе простых и опрошенных имен существительных, поскольку в английском языке производные существительные по большей части семантически соотносимы с простыми словами того же корня (глаголами и прилагательными). Показательно употребление префиксально-производных слов, не имеющих прямых глагольных соответствий, но связанных с глаголом через беспрефиксальные имена существительные (*malnutrition, imbalance*).

Такова словообразовательная картина, возникающая при анализе имен существительных, занимающих позицию подлежащего в предложении или позицию, эквивалентную позиции подлежащего, в атрибутивных конструкциях.

С морфологической точки зрения преобладают существительные в форме единственного числа: *damage, infection, perfusion, tone, baldness, effusion, conception, stimulation, production, seminization, imbalance, secretion, spin up, rainfall, death, scare, confusion, sterility, loss, distraction, electricity, improvement, structure, movement, hepatitis, malnutrition, information, formation, cooling, jealousy, retention, openness, radiation, saving, obesity, maleness, design, feedback, diffraction, chaos, publicity, simplification, cost-saving, response, energy, pollution, contamination, demand, capability, failure, increase, level, stimulation, collimation, change, decrease, crisis, accident, picture, pattern, disaster, hazard, decision, step, case*.

Группу существительных, употребленных в текстах во множественном числе, составляют следующие слова: *savings, births, data, frequencies, economies, losses, differences, penalties, costs, signals, crops, divisions, contracts, concentrations, effects, contributions, theories, characteristics, processes, problems, changes, assertions, challenges, features, statements, hazards, improvements, experiments, difficulties, benefits, bonuses, insults, pictures*.

Только несколько существительных встретилось и в единственном, и во множественном числе: *saving, loss, change, hazard, improvement, picture*.

Анализируя семантику исследуемого материала, мы видим, что в единственном числе отмечены главным образом имена существительные, называющие конкретные виды событий, а именно: *damage, infection, baldness, conception*,

feminization, imbalance, secretion, spin-up, solution, rainfall, death, scare, confusion, sterility, loss, distraction, electricity, hepatitis, cooling, malnutrition, jealousy, openness, radiation, saving, obesity, maleness, design, feedback, diffraction, publicity, pollution, cost-saving, energy, contamination.

Во множественном числе среди конкретно-событийных существительных оказались следующие: savings, births, frequencies, economies, losses, signals, costs, crops, contracts, differences, concentrations, divisions, sequences, assertions, challenges, statements.

По своей семантике отмеченные конкретно-событийные существительные очень разнообразны, что в целом свидетельствует об отсутствии устойчивости в сочетаемости глагола *result*. Правда, среди имен существительных в форме единственного числа заметно преобладание слов, называющих различные состояния (*damage, baldness, imbalance, scare, confusion, sterility, hepatitis, malnutrition, jealousy, openness, obesity, maleness, publicity*), а среди существительных во множественном числе много слов, называющих события, связанные с количественными измерениями (*costs, savings, frequencies, economies, losses, concentrations*). Такие событийные существительные, обычно называющие не состояния, а конкретные действия (*infection, conception, feminization, death, distraction, pollution, contamination*), при глаголе *result* воспринимаются как названия конкретного конечного состояния.

В форме множественного числа представлены главным образом родовые имена существительные: effects, contributions, theories, characteristics, processes, problems, changes, insults, pictures, features, bonuses, improvements, hazards, experiments, penalties, data, difficulties, benefits. В единственном числе среди родовых существительных отмечены: crisis, production, formation, accident, picture, pattern, improvement, disaster, structure, movement, retention, step, hazard, case, chaos, simplification, information, response. Некоторые из родовых существительных отмечаются в текстах как в единственном, так и во множественном числе. Это существительные *picture, improvement, hazard*.

Среди родовых существительных явно выделяется несколько синонимических рядов: features—characteristics,

data — information, benefits — bonuses, structure — pattern, hazards — difficulties — problems.

Глагол *result* сочетается также с некоторыми существительными — характеристиками события: *demand*, *capability*, *loss*, *failure*, *series*, *river*, *increase*, *gradient*, *stimulation*, *amount*, *level*, *collimation*, *change*, *decrease*, *decision*. Большинство из этих слов представляет аспектную характеристику (*collimation*, *change*), особенно ее количественную разновидность (*gradient*, *series*, *river*, *amount*, *increase*, *level*, *decrease*).

Количественно-аспектная характеристика передается также некоторыми другими лексическими средствами, а именно: а) именами прилагательными в функции определения к событийным существительным: *most noticeable (effects)*, *normal (production)*, *multiple (births)*, *gross (infection)*, *showery (rainfall)*, *new (processes)*, *net (saving)*, *heavy (feedback)*, *intense (publicity)*, *equal (simplification)* или их характеристикам: *vast (river of information)*, *drastic (increase)*, *massive (stimulation)*, *reasonable (amount)*; б) причастием II: *increased (secretion)*; в) неопределенными местоимениями: *any (changes, hazard, pollution)*, *some (confusion)*, *another (of the experiments)*, *(a great deal) more (openness)*, *most (of the insults)*.

Из других характеристик в двух случаях (*loss*, *failure*) представлена характеристика отрицания и в трех — характеристика наклонения в качестве модальности необходимости (*demand*, *decision*) и возможности (*capability*).

Сопоставление глагола *result* с *occur* и *arise* показывает, что первый по своей сочетаемости частично совпадает с этими глаголами. Так, он встретился в едилических сочетаниях с типичными для глагола *occur* существительными *change*, *increase*, *accident*, *effect*, а также некоторыми реже отмечаемыми словами: *formation*, *process*, *pattern*. Что касается глагола *arise*, то он встретился с типичными для этого глагола существительными *difficulties*, *differences*, *failure*, *problem*, а также менее употребительными словами: *contamination*, *features*, *structure*, *theories*, *benefits*. Ниже делается попытка объяснить это явление.

В большинстве случаев при употреблении глагола *result* указывается причина или источник события. Причина выражается сочетанием предлога *from* с существительными: а) событийными: *erosion*, *seeding*, *imbalance*, *observation*, *motion*, *damage*, *supply*, *absorption*, *consul-*

tations, computerization, ovality, decomposition, radiation, dependence, analysis, discovery, proliferation, movement, incidents, stimuli, exercises, testing, screening, size, dose, redundances, liquidations, decision, interventions, system; б) характеристикиами: loss, depression, reorientation. В одном случае причина введена придаточным предложением в сочетании с предложным оборотом from the fact that:

- (13) There has, for instance, been some confusion resulting from the fact that HAA seem generally to be related only to serum hepatitis while it can occasionally turn up in patients with infective hepatitis...

Еще в одном случае сирконстант⁶ причины выражены герундияльным оборотом с предлогом from:

- (14) An ingenious theory put forward to explain the occurrence of such individuals was that their maleness resulted from some or all of the Y chromosomes being transferred onto one of the other chromosomes — probably the X.

В одном случае в качестве причины указывается отсутствие события:

- (15) ... the social and economic costs which would result from no action by the Public Works department.

Источник события выражен всего лишь в трех случаях существительными micrometeorites, Apollo 14, shells. Здесь событие, являющееся причиной другого события, либо подразумевается, как в случае существительных micrometeorites, Apollo 14, либо выражено атрибутивно (cracked shells). Атрибутивное выражение события отмечается также при существительных в позиции подлежащего:

⁶ Термин «сирконстант» был введен Л. Тенье́ром и употребляется по отношению к единицам семантического уровня предложения. На грамматическом (синтаксическом) уровне традиционно употребляется термин «обстоятельство». См. также: Г. Г. Сильни́цкий. Синтаксические типы припредикатных позиций. «Диатезы и залоги (тезисы конференции «Структурно-типологические методы в синтаксисе разносистемных языков». 21—23 октября 1975 г.)». Л., 1975, стр. 58, где, в частности, подчеркивается, что «синтаксические и семантические позиции предложения представляют собой два автономных ряда единиц, каждый из которых должен исследоваться в его собственной логической перспективе» (стр. 58).

- (16) Softer feather beds to lie on longer are unlikely to result from the increased grants.

Здесь событие лексически выражено прилагательным softer. Есть еще несколько аналогичных примеров: sterile (heifers), (highly) radioactive (powder), (quite) complex (profiles), anomalous (liquids), (highly) coloured, crystalline (complexes), artificial (fossils), «proteinoid» (polymers).

Причина события может не указываться. Это наблюдается приблизительно в одном случае из пяти. Приведем несколько примеров:

- (17) ... any short term financial crisis which may result.

- (18) ... normal sperm production usually results.

- (19) ... gross infection of the uterus commonly results.

Иногда вместо причины выражено условие, причем оно приводится перед следствием. Приведем один из трех отмеченных примеров:

- (20) If insulin is lacking, diabetes mellitus results.

В одном случае условие вводится временным придаточным предложением, причем уже после следствия:

- (21) Distraction is particularly likely to result when music is played during a task in which...

Помимо своей собственной аспектной характеристики глагол result морфологическими формами передает другие характеристики события. В плане наклонения для него типична модальная характеристика реальности события. Наряду с наклонением выражается время события — настоящее, прошедшее или будущее (примеры 22—24, соответственно):

- (22) ... its biological effects result from later conversion to another steroid.

- (23) ... the biochemical and physiological changes which resulted...

- (24) ... conception will result from a single act...

Выражение времени может осложняться согласованием времен. В исследуемых текстах встретился следующий единственный пример:

- (25) ... he doubted that any hazard to mankind would result.

В плане вида для глагола result типичен неопределенный аспект (примеры 22—25). Из других аспектов отмечен только перфектный. Приведем один из четырех выявленных примеров:

- (26) These multiple births have all resulted from treatment with...

В двух случаях неопределенный аспект подчеркнут употреблением наречий *usually* и *commonly* (примеры 18 и 19, соответственно).

Из модальных характеристик гипотетичности события отмечены две — характеристика предположения и характеристика возможности. Обе выражены относительно редко. Характеристика предположения события в четырех случаях выражена морфологически формой сослагательного условного наклонения:

- (27) ... in spite of the proven technical feasibility and lack of evidence that any pollution of the marine environment or contamination of beaches etc would result.

Отмечено также несколько случаев выражения характеристики предположения модальным глаголом *may* (*might*):

- (28) ... collimation of the radiation may result from an angular dependence of the absorption coefficient in the plasma enveloping the star,..

- (29) A great deal more openness might result about topics that do concern this paper...

Есть несколько примеров единичного использования некоторых лексических средств для выражения этой характеристики, а именно, глаголов *assume*, *seem*, *expect*, прилагательного *likely*, причастия *bound* и наречия *evidently*:

- (30) In these cases feminization is assumed to result from a lack of sensitivity to...

- (31) Obesity seems, therefore, to result from proliferation of oversized cells in adipose tissue.

- (32) ... the heavy feedback expected to result from both the actual bridge checking exercises and the extensive and urgent testing being rushed through various universities.

- (33) Distraction is particularly likely to result when...

- (34) ... but baldness... evidently results from some action, probably on the scalp, of the male hormones.

Характеристика возможности отмечается еще реже.

Единственным средством ее выражения оказался модальный глагол *can* (*could*):

- (35) ... in children and young people permanent brain

damage can result, causing mental retardation, irritability and abnormal behaviour patterns.

- (36) The factors responsible for the phage's movement toward the bacterium are not known: it could result simply from random Brownian motion...

Характеристика отрицания для глагола *result* не типична. Отмечен лишь один случай ее выражения:

- (37) These differences could not have resulted from some kind of psychological imbalance.

Также лишь один раз зарегистрировано так называемое подтверждение (*affirmation*⁷), посредством которого усиливается характеристика утверждения события:

- (38) But if permanent sterility does result from the Pill...
Отмечен также один случай усиления характеристики предположения:

- (39) ... an asymmetric growth response which may well result from the reorientation of cell expansion on one side of the tendril...

Бросается в глаза широкое употребление глагола *result* в качестве или в составе определения (примеры 40 и 41, соответственно):

- (40) ... the resulting perfusion was promptly overridden...
(41) ... any changes that might have eventually resulted from the seeding.

Определением может дополняться любой член предложения. Оно, в частности, может быть выражено: а) определительным придаточным предложением, б) определительным причастным оборотом. Определительное придаточное предложение присоединяется к определяемому члену предложения посредством союзных слов *which* или *that*:

- (42) ... the showery rainfall which results from smaller scale convective motions.

- (43) ... the net national saving that would result from the use of an improved material...

В исследованных текстах союзным словом *which* присоединяются имена существительные *infection*, *crisis*, *rainfall*, *information*, *jealousy*, *loss*, *response*, *changes*, *experiments*, *costs*, *spectrum*. Союзным словом *that* придаточные определительные присоединяются к следующим существительным: *saving*, *hazards*, *benefits*, *changes*, *pictures*.

В определительных придаточных предложениях гла-

⁷ W. E. Rutherford. Modern English. N. Y., 1968, стр. 153.

глагол *result* обычно употребляется с указанием причины (примеры 42, 43). Если сирконстант причины не выражен, глагол употребляется не в настоящем, а в каком-либо другом времени или с модальным глаголом, как в следующих примерах:

(44) ... the biological and physiological changes which resulted.

(45) ... the changes that will result...

(46) ... the possible benefits to mankind — such as earthquake prediction, or improved resources—that may result from this stimulating new project.

Встретилось одно исключение:

(47) ... the «spectrum» of density fluctuations which results...

Здесь глагол употреблен в форме настоящего неопределенного и без какого-либо модального глагола.

Глаголы *occur* и *arise* также употребляются в составе определительных придаточных предложений, вводимых союзными словами *which* и *that*, как например:

(48) The replacements which do occur inside the molecule...

(49) ... an imitation of the complex chemical processes that occur in the stomachs of ruminants...

(50) A related problem that can arise after conversion...

(51) ... the situation which arose from the previous lack of interest.

И здесь при глаголе обычно выражен либо сирконстант, либо характеристика. Так, в примерах 48—51 выражен сирконстант, а в примерах 48 и 50, кроме того, выражены характеристики подтверждения и возможности.

Глагол *result* может употребляться в составе определительного причастного оборота. Определительный причастный оборот, содержащий глагол *result*, во всех отмеченных в текстах примерах всегда расположен в постпозиции к определяемому слову. Приведем характерный пример:

(52) ... the most noticeable effects resulting from the introduction of the flexible working day...

Здесь объясняется структурой образуемого глаголом оборота, предложным характером составляющего его словосочетания.

В позиции определяемого слова оказались следующие имена существительные: *effects*, *damage*, *imbalance*, *characteristics*, *loss*, *processes*, *economies*, *electricity*, *improvement*, *disaster*, *gradient*, *problems*, *confusion*, *in-*

crease, penalties, cooling, difficulties, secretion, signals, change(s), diffraction, data, death, publicity. В каждом случае обязательно выражена причина возникновения события или указан его источник (примеры 52 и 53, соответственно):

- (53) An accompanying table shows the performance characteristics — the correspondence with reality — resulting from various simulation samples...

Обычно определительный причастный оборот никаких дополнительных характеристик не содержит. Встретилось одно исключение:

- (54) ... the heavy feedback expected to result from both the actual bridge checking exercises and the extensive and urgent testing...

Здесь глаголом expect выражена характеристика предложения.

Случаи употребления в определительном причастном обороте отмечаются и для глаголов occur и arise:

- (55) ... hormonal influences of the nervous system occurring either before birth¹ in guinea-pigs or just after birth in rats.

- (56) ... differences of opinion arising among signatories. Однако определительный причастный оборот с этими глаголами встречается относительно реже, чем с глаголом result. И в случае этих глаголов он также отмечен только в постпозиции к определяемому слову. Причина та же, что и для глагола result: наличие предлога в структуре оборота.

В позиции определяемого слова при глаголе occur оказались следующие существительные: impotence, event, change(s), influences, evolution, signals, discharge, disease, earthquakes, deaths, ovulation, problems, process. Глагол arise отмечен в постпозиции к существительным differences, contamination, conditions, problems, emissions, difficulties, instability, issues, development.

Исследуемый материал показывает, что при глаголе occur обычно выражен сирконстант места события или времени (примеры 57 и 58, соответственно):

- (57) ... evolution occurring in large human populations...

- (58) ... changes occurring over more than 10 000 generations...

При глаголе arise часто выражается типичный для него в целом сирконстант причины или источник (примеры 59 и 60, соответственно):

- (59) ... the neoplastid and degenerative conditions arising from the «programme loss».
- (60) ... atmospheric contamination arising from the industrial basin.
- Однако столь же часто указывается либо время, либо место, либо участник события, как в следующих примерах:
- (61) Unforeseen conditions arising during construction and operation...
- (62) ... instability arising across the base of the slab.
- (63) ... the difficulties in communication arising between technologists and biologists...

Параллельное употребление глаголов *occur* и *result*, очевидно, объясняется различием в их узуально закрепленной сочетаемости: как мы видели, глагол *result* в определительном причастном обороте употребляется обязательно с указанием причины, глагол *occur* — места или времени. Это обстоятельство связано с определенным различием в оттенках их значения (оттенком обусловленности возникающего события у первого и регулярности события у второго). Что касается параллельного употребления глаголов *result* и *arise*, то различие в сочетаемости, хотя и играет некоторую роль, по-видимому, не является главным фактором. Как показывает исследованный материал, глагол *result* менее употребителен, чем глагол *arise*. Между тем в форме причастия первого значительно более употребителен именно он; причем, как увидим ниже, в функции препозитивного определения отмечается только глагол *result*. Можно предположить, что существует тенденция к узуальному закреплению данной формы атрибутивного употребления за глаголом *result*. Возможно также, что здесь сказываются отмеченные нами особенности сочетаемости, характерные для глаголов *arise*⁸ и *result* (см. выше, стр. 209) в целом. Для глагола *result* в еще большей степени, чем для глагола *arise*, характерно отсутствие в значении оттенка постепенности возникновения события. У глагола *result* нет даже намека на постепенность, просто обозначается возникающее событие, что особенно ярко проявляется в препозитивно-атрибутивном употреблении этого глагола.

⁸ В. Н. Шокуров. Сопоставительный анализ употребления глаголов *occur* и *arise* в функции характеристики события. «Особенности стиля научного изложения». М., 1976.

Глагол *result* выступает не только в составе, но и в качестве определения. В этом случае он имеет форму причастия I и употребляется в препозиции к определяемому слову:

(64) ... the resulting effusion of blood.

В этой функции он наблюдается в сочетании со следующими именами существительными: *perfusion, demand, tone, effusion, stimulation, theories, secretion, spin-up, frequencies, scare, confusion, loss(es), picture, failure, problems, assertions, challenges, statements, improvements, formation, level, crops, divisions, decrease, design, benefits, complexes, sequences, concentrations, energy, pattern*.

Следует напомнить, что глаголы *occur* и *arise* в этой функции не отмечались. Хотя употребление имен существительных при глаголах *occur* и *arise*, с одной стороны, и глаголе *result* — с другой, в отдельных случаях совпадает, можно предположить, что препозитивно-атрибутивное употребление глагола *result* обусловлено узусом и на этом основании его можно рассматривать как комплементарный синоним глаголов *occur* и *arise*.

Интересно, что препозитивно-атрибутивное употребление глагола *result* в форме причастия I характерно для него и в функции событийного глагола. Приведем один из многих примеров: (65) *The resulting film...*

Итак, глагол *result*, дублируя в известной мере глагол *arise*, обладает определенными особенностями значения и употребления: функционирование в качестве препозитивного определения, сочетаемость с существительными, называющими конечные состояния и события, связанные с количественными измерениями, отсутствие оттенка постепенности возникновения события, — дающими право считать его комплементарным членом синонимического ряда глаголов-характеристик со значением возникновения.

ФРАЗОВЫЙ ГЛАГОЛ ПАССИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ

(на материале английской научной прозы)

Изучение отношений между элементами языковой структуры позволяет глубже познать закономерность их организации и функционирования, их противопоставления и функционально-семантическое подобие. Описание пассивных конструкций на этом уровне анализа представляется необходимым дополнением грамматического учения о глагольном слове. В круг вовлекаемых сюда вопросов входит, несомненно, и проблема номинализации, связанная с прогрессивным развитием в современном языке глагольных сочетаний аналитической структуры, так называемых фразовых глаголов различных структурных типов.

Функционально-семантическое восполнение категории пассивного залога фразовым глаголом представляет интерес отнюдь не только в структуре английского языка, но и в общетеоретическом плане.

Лексическая и грамматическая семантика исследуемых нами номинативов и их стилистическая валентность привлекают к себе внимание в различных сферах функционирования, в том числе и в языке научной прозы.

Обращает на себя внимание распространенность этих единиц в разных языках. Мы находим здесь и определенные точки соприкосновения, и полные аналоги, и специфические импликативные характеристики исследуемых единиц.

Пассивное значение фразового глагола складывается на основе номинативно-производных значений самостоятельных лексических единиц, представляющих собой семантическое целое. В образованиях такого типа в полной мере проявляется взаимосвязь и взаимодействие имени и глагола.

Для таких образований характерно изменение отношений между компонентами: глагол ослабляет свое значение, сохраняя при этом свои структурно-организующие свойства, а именной компонент несет основную семантическую нагрузку. Другими словами, формирование общего грамматического значения происходит посредством частичной десемантизации глагольного компонента и пе-

реключения основной коммуникативной нагрузки на существительное¹.

В исследуемых «фразовых» глаголах по лингвистическому статусу именного компонента представляется целесообразным выделить структурные модели двух типов:

а) глагол + абстрактное имя существительное (VN_{abs}) — to receive classification, to find acceptance, to receive inquiry и т. п.

б) глагол + нарицательное имя существительное (VN_{com}) — to find market, to find buyers, to find readers, to gain admirers и т. п.

Регулярный характер оппозиционных отношений подтверждает определенную грамматикализацию таких единиц, их устойчивость и активность. В грамматической семантике фразового глагола не могут не привлекать к себе внимание функционально-семантические оппозиции, в которых выделяются не только залоговые отношения, но и видовая модификация.

Скрешение оппозиций во многих фразовых глаголах расширяет их грамматическую емкость, что в полной мере проявляется при сопоставлении простых глаголов с фразовыми и при дифференциации самих фразовых глаголов различной категориальной направленности: to help—to give help—to find help; to support—to give support—to find support.

Круг глаголов, которые входят в состав этих единиц, довольно разнообразен. Сюда относятся прежде всего:

1) глаголы, имеющие значение обладания, принятия, владения: have, get, receive, take, gain, obtain, accept, find, win, earn, elicit, achieve, acquire, attain;

2) глаголы психического, физического и волевого состояния и близкие к ним глаголы чувств: undergo, suffer, sustain, endure, tolerate, experience, enjoy, deserve, expect, merit, need, claim, require, request, want, demand, ask;

3) глаголы движения и положения в пространстве: come, fall, pass, sink, avoid, escape;

Наиболее употребительны: get, gain, fall, find, have, obtain, receive, win.

¹ Н. С. Дмитриева. К вопросу о субстантивных описаниях в современном русском языке.— НДВШ, Филол. науки, 1970, № 5; О. Н. Мосальская. Устойчивые словосочетания с грамматической направленностью.— ВЯ, 1961, № 5.

В целом ряде случаев глагольные компоненты представляют собой контекстуальные синонимы. Выбор глагольного компонента обуславливается направленностью видовой модификации и стилистической сферой употребления фразового глагола. Ср.: a) to have support—to receive support—to find support; b) to earn support—to gain support—to win support.

Фразовые глаголы исследуемого лами типа широко используются в языке научной прозы. Частотность их употребления в специальных сферах науки и техники отражается на количественных параметрах этих единиц в языке. Примеры многочисленны: to receive preoxidation, to undergo liquefaction, to undergo irradiation, to have restrictions, to require incubation и др., например: Both wafers were prepared identically except that the one showing less surface — state tunnelling had received a mild preoxidation and strip prior to the final oxide growth (Vacuum Science & Technology); ...the recovery force would be located in the region of different acting cells undergoing liquefaction (Science); Considering the energy required to disperse a high-mass material with a low-mass gas whose velocity was limited by the speed of sound, metal atomization appeared to have inherent restrictions (Vacuum Science & Technology); Hybridization of unique sequences in higher organisms such as calf or man would require incubation for several weeks... (Biochemic).

В синонимической соотносительности простого и фразового глагола обращает на себя внимание обобщенный характер предикации и известная образность, свойственная многим номинативам, синонимически соотнесенным с глаголом.

С тенденцией к номинализации, неотделимой от специфики стиля научной прозы, связано также употребление глагольных конструкций с предложно-именным компонентом типа: to be beyond repair, to be without the expertise, to remain under supervision, to be under consideration, to be under control, to be under examination, to be under test, to be under investigation, например: A proportion of this business is done by very small companies often without the technical expertise necessary to understand electronic systems (Electronic Engineering); Under optical examination using normal incidence, no metallization defect was apparent (Vacuum Science & Technology);

A system *under investigation* is aimed at making exclusive telephone lines unnecessary for burglar alarms (Electronic Engineering).

Возможность использования предложно-именных конструкций как эффективного средства компрессии синтаксических структур позволяет выразить аффицированность субъекта более обобщенно, в статике: *under pressure*, *under stress*, *in shade*, *under shadow*, *under cover*, *without support* и др., например: *The analysis clearly shows that the clay model and the postulation with respect to the behaviour of clays under external pressure are satisfactory (Science); ...there are cases when a term stands entirely by itself, without any contextual support (Ullman)*.

Обращает на себя внимание частотность употребления при именном компоненте атрибутов, характеризующих отнесенность того или иного фразового глагола к определенной сфере научной прозы: *to receive algebraical expression*; *to require technical explanation*; *to receive palaeontological and cytological attention*; *to suffer traumatic shock* и др., например: *In recent years, this relatively neglected group of animals has received considerable palaeontological and cytological attention which promises to reveal much of the evolutionary history of the group (Science)*.

Продуктивное развитие фразового глагола пассивного значения является существенным восполнением поля аспектуальности, особенно в определении видовой характеристики начинательного вида и предельного характера действия.

Продуктивность функционирования фразового глагола пассивного значения в научной прозе в определенной мере обусловлена преимуществом таких структур в контексте, исключающем необходимость выражения производителя действия.

Возможность употребления именного компонента в форме множественного числа легко переключает видовое значение предикации в фазу итеративности действия: *to receive reports*, *to have uses*, *to receive inquiries* и др., например: *The regression coefficients have many important uses (Economic of Academic Libraries)*.

Фазовая модификация может выражать длительность действия. Такое значение обычно актуализируется атрибутивным адъюнктом соответствующей семантики: *to require two months' investigation*, *to receive 80 hours'*

training, to get temporary permission, to receive a ten-month suspended prison sentence.

Детерминирующие элементы неоднородны по своему лингвистическому характеру. Здесь находим и качественные, и относительные прилагательные, лексическая семантика которых может актуализовать различные оттенки аспектуальной характеристики действия, например, неожиданность действия: to receive the unexpected concession, to get a surprise attack, to receive immediate attention: ...this situation created a storm of protest and received immediate attention (Science); предшествование действия: to undergo preliminary training; завершенность действия: to suffer the latest attack, to receive final integration: ...the expedition would receive its final integration, the horses fattened and the long journey begun (National Geographic).

Продуктивное развитие номинативов, соотнесенных с парадигматической формой английского пассива, создает возможность выбора синтаксических языковых форм, которые варьируются, заменяя друг друга, или используются в одном ряду, внося в каждом случае тот или иной оттенок залоговой, фазовой модификации действия или стилистической коннотации в соответствии с коммуникативным заданием высказывания.

Употребление фразового глагола в структурах предикации представляет несомненный интерес и в синтаксической парадигматике, изучение которой должно включать не только синтаксическую деривацию, но и вопросы перифрастического синтаксиса, в частности, конверсные отношения в структурах предикации, и релевантные для грамматики лексико-грамматические перифразы.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В ЯЗЫКЕ АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Изучение устойчивых словосочетаний в языке английской научной литературы дает возможность описать микросистему, которую образуют устойчивые единицы языка, исследовать их структурные и семантические особенности, выяснить определенные закономерности их употребления и перевода.

Устойчивые словосочетания, являясь составной частью фразеологии, представляют значительные трудности для изучающих английский язык как по причине их многозначности, так и синонимии.

Вопрос о полисемии устойчивых словосочетаний в стиле научного изложения еще не поднимался, однако исследования, проводимые с целью изучения семантических особенностей синонимических словосочетаний, могут быть полезны при решении вопроса об их многозначности.

Мы остановимся на глагольных пеидиоматичных устойчивых словосочетаниях с опорным словом *attention* (например, *to attract attention to*, *to direct attention to* и др.) и поставим целью выяснить: 1) какие словосочетания указанного типа можно считать характерными для стиля научного изложения; 2) каковы их структурные, семантические и функциональные особенности.

Материалом для анализа послужили устойчивые словосочетания, употребляемые английскими и американскими учеными в монографиях по физике, химии, математике, лингвистике, психолингвистике, литературе, праву, истории. Объем прочитанных текстов составляет более 5000 стр. Исследуя монографии по разным отраслям наук, мы исходили из предположения, что устойчивые словосочетания указанного типа должны встречаться в текстах разных специальностей и чем разнообразнее и «контрастнее» эти специальности, тем объективнее должны быть результаты исследования.

Следует отметить, что словосочетания с опорным словом *attention* попадали в поле зрения исследователей

английской фразеологии¹, однако результаты, полученные этими исследователями, следует отнести к особенностям языка художественных произведений.

Чтобы выяснить, какие из указанных словосочетаний являются характерными для языка научного изложения, сравним данные наших наблюдений с теми, которые получены из англо-русского фразеологического словаря А. В. Кунин² и словаря-справочника Н. Л. Каменецкайте (см. табл.).

Как видно из таблицы, язык научного изложения располагает большим количеством таких словосочетаний по сравнению с языком художественных произведений. И если вопрос об устойчивости некоторых из них (например, *to rate attention*, *to excite attention* и др.) не может быть решен в силу ограниченного материала исследования и небольшого количества примеров, характеризующих их употребление, то устойчивость таких, как *to direct attention to*, *to turn attention to*, *to focus attention on*, *to concentrate attention on* и др., не вызывает сомнения, так как их употребление зарегистрировано в монографиях по разным специальностям, а их устойчивость подтверждается также и характером употребления.

Итак, можно заключить, что язык научного изложения, наряду со словосочетаниями, употребляемыми в языке художественных произведений, располагает языковыми единицами, присущими только ему.

Рассмотрим структурные, семантические и функциональные особенности группы словосочетаний, в которую входят: *to attract attention to*, *to direct attention to*, *to turn attention to*, *to call attention to*, *to draw attention to*, *to give attention to*, *to focus attention on*, *to concentrate attention on*, *to receive attention*.

Выбор этой группы объясняется следующими причинами: 1) частотностью употребления в текстах разных специальностей; 2) наличием необходимого и достаточно-го количества примеров их употребления.

С точки зрения структурной организации анализируемые словосочетания можно разбить на 1) направленные, т. е. такие, в рамочной конструкции которых имеется предлог (*to*, *on*), который переносит действие,

¹ А. В. Кунин. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967; Н. Л. Каменецкайте. Синонимы в английской фразеологии. М., 1971, стр. 17—18.

ТАБЛИЦА УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ
С ОПОРНЫМ СЛОВОМ ATTENTION

Употребление в научной литературе	Употребление в научной и художественной литературе	Употребление в художественной литературе
<p>to turn attention to to direct attention to to focus attention on to concentrate attention on to occupy attention to devote attention to to receive attention to deserve attention to covet attention to distract attention from to rate attention to invite attention to to require attention to demand attention to consume attention to come to one's attention to bring to one's attention to escape attention etc.</p>	<p>to attract attention to to call attention to to draw attention to to engage attention to give attention to to pay attention to to catch attention</p>	<p>to arrest attention to enlist attention to seize attention to capture attention to rivet attention to slip attention to compel attention</p>

выраженное глагольной единицей, на какой-либо другой предмет, объект и т. д.; и 2) не направление, в рамочной конструкции которых предлога, указывающего на перенос действия, нет.

К направленным устойчивым словосочетаниям с рамочной конструкцией (глагольная частица + глагол + + attention + предлог) относится большинство из перечисленных выше. К ненаправленным устойчивым словосочетаниям относится *to receive attention*².

² Ненаправленными устойчивыми словосочетаниями являются также *to engage attention*, *to catch attention*, *to occupy attention* и др., но они не входят в группу словосочетаний, выбранных для анализа.

Семантический и функциональный анализ будет заключаться в сравнении семантики устойчивых словосочетаний и выделении микрографии по степени семантической близости (СБ). Семантическая близость складывается из 1) эквивалентных элементов в словарных толкованиях микрочленов различия³, поскольку именно они (эквивалентные элементы) являются индикаторами опосредованной или непосредственной смежности значений⁴; 2) функционального тождества, т. е. сходства в употреблении.

Отношения семантической близости должны характеризовать по крайней мере два словосочетания, в семантике и в функциях которых могут оказаться черты наибольшего сходства. Рассмотрим семантико-функциональную характеристику словосочетаний *to turn attention to* и *to direct attention to*. Оба словосочетания являются направленными, т. е. характеризуются сходством структурного построения, оба содержат одинаковые элементы, названные нами микрочленами сходства (глагольную частицу, опорное слово, предлог). Различающимися элементами этой пары словосочетаний (микрочленами различия) являются *turn* и *direct*.

Обратимся к словарным истолкованиям значений этих слов⁵ с целью выяснить их семантические отношения, семантические связи:

direct v. To cause (a person or thing) to turn, move, point, or follow a course; — with prepositional phrase indicating mark or objective,... as to direct one's attention to certain faults;...

turn v. To direct; to make go, move, etc, in another or a specified direction... To cause to have or take another course or direction.

³ Каждый отдельный элемент устойчивого словосочетания называем микрочленом. Микрочлены различия — это такие элементы, благодаря которым словосочетания, сходные по структуре и лексическому составу, не сливаются одно в другое, а существуют независимо друг от друга («Особенности стиля научного изложения». М., 1976, стр. 194).

⁴ В. Г. Вилюман. О синонимах как словах смежных в своих значениях и употреблениях. «Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е. Д. Поливанова (материалы конференции)», т. 1. Самарканд, 1964, стр. 44—45.

⁵ Словарные толкования значений берутся из словаря «Webster's New International Dictionary». Ed. 2. N. Y., 1955.

Словарные истолкования показывают наличие опосредованной семантической смежности в значениях *direct* и *turn*, проявляющую себя в сходных, эквивалентных элементах дефиниций.

Близость значений микрочленов различия является прямым свидетельством семантической близости обоих словосочетаний. Как известно, в устойчивых фразеологических единицах семантическая монолитность довлеет над структурной раздельностью входящих в них элементов. Вот почему важно отметить, что близость значений микрочленов различия *turn* и *direct* при абсолютном тождестве микрочленов сходства влечет за собой семантическую близость противопоставляемых словосочетаний.

Функциональное тождество прослеживается на примерах их употребления:

During the past five years the various factors influencing fertility in cattle have been closely studied, including the whole subject of breed improvement; and more recently *attention has been directed to the technique of artificial insemination in the pig* (JRS, p. 128); *Our attention is then turned to the heterogeneous polymerization of acrylonitrile and the occurrence of buried radicals, which is evidence for interior polymerization* (C, 537—538).

Следует отметить, что словосочетание *to direct attention to* и *to turn attention to* взаимозаменяемы. Если в первом предложении выражение *to direct attention to* заменить другим — *to turn attention to*, а во втором предложении *to turn attention to* заменить выражением *to direct attention to*, то смысл предложений не изменится, так как оба эти выражения переводятся «обратить внимание на».

Семантическая близость словосочетаний *to turn attention to* и *to direct attention to*, идущая рука об руку с функциональной близостью, дает основание выделить *их* в микрогруппу СБ (по степени семантической близости). В. Г. Вилюман считает синонимами слова, смежные в значениях и функциях⁶. Устойчивые словосочетания, функционирующие в составе предложения как эквивалент слова, также могут быть названы синонимическими, если они характеризуются смежностью в значениях и

⁶ В. Г. Вилюман. Семантические и функциональные связи слов и их синонимия в современном английском языке. АДД. Л., 1971, стр. 37.

функциях. Следовательно, микрогруппа СБ, включающая сочетания *to direct attention to* и *to turn attention to*, может быть также названа синонимической микрогруппой.

Рассмотрим семантические и функциональные особенности словосочетаний *to call attention to* и *to draw attention to*. Отмечая, что оба эти словосочетания являются направленными, структурно похожими, включающими одинаковые микрочлены сходства, обратимся к словарным истолкованиям микрочленов различия *draw* и *call*:

call v. ...to give utterance in order... to summon, or... attract the attention of another.

draw v. To influence to move or tend toward oneself; to attract;...

Словарные истолкования показывают, что микрочлены *call* и *draw* характеризуются опосредованной семантической смежностью (эквивалентным элементом в словарных дефинициях является *to attract*). Функциональное тождество анализируемых словосочетаний прослеживается на следующих примерах: *Paulina again draws our attention to the important particulars* (TTT, p. 204); *The Third Gentleman's likening of these extraordinary events to the contents of «an old tale» calls our attention to the credibility of the events in the play we are watching...* (TTT, p. 207). Данные словосочетания также взаимозаменяемы, их перевод совпадает — «...обращать внимание на...».

На основании семантической и функциональной близости выделяем эти словосочетания в группу СБ. О ярко выраженной степени семантической близости свидетельствует пример, в котором оба словосочетания употребляются в пределах одного предложения: *The mode of Pericles, by drawing attention to mimesis as artifice, calls attention to, and occasionally even isolates, the ideas it figures forth* (TTT, p. 109). В этом предложении автор монографии, посвященной романтическим пьесам Шекспира, употребляет устойчивое словосочетание *to draw attention to* при описании одного объекта (*mimesis as artifice*) и словосочетание — *to call attention to* — при описании другого объекта (*the ideas*), тем самым он добивается разнообразия в способе выражения одного и того же содержания за счет разумного использования синонимических ресурсов языка.

Рассмотрим семантико-функциональную характеристику словосочетаний *to draw attention to* и *to direct attention to*. Оба они уже рассматривались нами, но не по отношению друг к другу. Необходимость изучить семантические отношения этой пары возникла из наблюдений за их функциональными особенностями. Обратимся к примерам: *Paulina again draws our attention to the important particulars.* (TTT, p. 204); *Paulina's warning directs our attention to an important transition in Leontes' meditation* (TTT, p. 6). Примеры показывают, что словосочетания *to draw attention to* и *to direct attention to* попадают в сходный контекст, т. е. имеют одинаковое лексическое окружение, благодаря чему они взаимозаменяемы.

Исследования по вопросам сочетаемости показали, что слова-сиполимы характеризуются сходной сферой лексической сочетаемости⁷. И, наоборот, сходство в сочетаемости может служить сигналом сходства значений. Обратимся к словарным истолкованиям значений микро-членов различия *draw* и *direct*:

draw v. To cause to move or proceed; to conduct, convey, bring, take, direct, etc;

direct v. To cause (a person or thing) to turn, move, point, or follow a course;...

Как показывают словарные дефиниции, *draw* и *direct* характеризуются опосредованной смежностью значений (через эквивалентные элементы *to cause...* *to move...*). Смежность значений *draw* и *direct*, опирающаяся на абсолютное тождество других микро-членов в рамочной конструкции, обусловливает семантическую смежность обоих словосочетаний, которая, будучи дополнена общностью функциональных характеристик, служит основанием для выделения *to draw attention to* и *to direct attention to* в группу СБ.

Рассмотрим семантические и функциональные особенности словосочетаний *to concentrate attention on* и *to focus attention on*. В отличие от всех, разобранных выше, в рамочной конструкции этих словосочетаний имеем предлог *on*. Но этот предлог тоже указывает на перенос действия, выраженного фразеологической единицей, поэтому словосочетания являются направленными и в плане

⁷ О. В. Туриева. Сочетаемость прилагательных и их синонимия в современном английском языке. Л., 1970, стр. 30.

своей структурной организации не отличаются от словосочетаний с предлогом *to*. Сопоставление этой пары словосочетаний показывает, что их центрами различия являются *concentrate* и *focus*. Если в их семантике будет обнаружена смежность значений, то она повлечет за собой смежность значений противопоставляемых словосочетаний. Обратимся к словарным истолкованиям:

focus v. to bring to a focus.

focus n. a central point, a point of concentration, a center of... attraction or attention.

concentrate v. to bring to, or direct toward a common center... as,... to concentrate attention or energies.

Истолкование микрочлена различия *focus* v. (to bring to a focus) требует раскрытия значения *focus* n. Если развернуть словарное истолкование *focus* v., включив в него толкование *focus* n., получим to bring to a central point или to bring to a point of concentration. Как видим, любое из развернутых словарных дефиниций *focus* v. имеет эквивалентные элементы со словарным истолкованием микрочлена *concentrate*, так как to bring to a central point (*focus* v.) есть не что иное, как to bring to... a common center (*concentrate* v.). Следовательно, в семантике микрочленов *focus* и *concentrate* налицо опосредованная смежность значений, которая при сходстве других микрочленов влечет за собой смежность словосочетаний в целом. Как показывают примеры употребления, семантическая смежность значений *to focus attention on* и *to concentrate attention on* идет параллельно их функциональной смежности. Например: From that moment on until the play is over, *our attention is focused upon his role* (Shakespeare) as «author», and director of the action (TTT, p. 248); Although in this brief summary *attention has been concentrated on homopolymers*, it should be emphasized that copolymers — and especially graft copolymers and block copolymers — are of great and increasing importance (C, p. 117). На основании семантической и функциональной смежности словосочетания *to focus attention on* и *to concentrate attention on* выделяются в группу СБ.

Рассмотрим семантические и функциональные особенности словосочетаний *to attract attention to* и *to draw attention to*.

В отличие от Н. Л. Каменецкайте, считающей словосочетание *to draw attention to* лексико-структурным ва-

риантом to attract attention to на основании того, что между ними «не имеется ни семантических, ни стилистических различий»⁸, призаем указанные словосочетания равноправными семантически и функционально.

Равноправными семантически они будут потому, что их микрочлены различия attract и draw, взятые вне рамки устойчивого словосочетания, являются двумя независимыми друг от друга словами, а не вариантами одного и того же слова. Микрочлены различия — это «лицо» устойчивого словосочетания, ибо, находясь в одинаковом лексическом окружении, среди микрочленов сходства, именно они сообщают всему словосочетанию языковую индивидуальность и, следовательно, семантическое равноправие, т. е. право каждой единицы языка на самостоятельное существование и функционирование.

Однако между этими словосочетаниями действительно большая степень семантической близости, которая наглядно выступает как в словарных толкованиях микрочленов attract и draw, так и в функциональном употреблении обоих словосочетаний. Обратимся к толковому словарю:

attract v. To draw to, or cause to tend to... To draw toward oneself by influence of an aesthetic or emotional kind.

draw v. To influence to move or tend toward oneself, to attract.

Семантическая близость attract и draw представлена непосредственной смежностью в значениях. Функциональное сходство наблюдаем в следующих примерах: *Man is used in (9 i i i) not as a synonym of miner, but in order to attract attention to one particular feature of miner, his maleness, when we talk about the size and strength of his body (RMM, p. 49); What I want to draw attention to particularly is this peculiar blindness in Browning, an area of insensitiveness in a man who was hypersensitive (RB, p. 177)*. На основании семантической и функциональной близости эти словосочетания объединяем в синонимическую микрогруппу или группу СБ.

Следует отметить, что словосочетание to attract attention to не всегда выступает как направленное. Примеры употребления показывают, что оно функционирует и как

⁸ Н. Л. Каменецкая. Указ. соч., стр. 4.

ненаправленное устойчивое словосочетание и в этом случае не обнаруживает семантической близости с *to draw attention to*. В словосочетаниях, где *to attract attention* выступает как ненаправленное, оно не характеризуется взаимозаменяемостью с *to draw attention to*, которое всегда выступает только как направленное. Приведем несколько примеров: *In conclusion, it should be noted that Landler used the integrated form of the Mayo-Lewis equation and that he drew attention to the fact that, in anionic systems, there may not be a steady-state condition... (C, p. 424); At this point attention may be drawn again to the comparison of a series of block copolymers with homopolymer mixtures... (C, p. 224); The mode of Pericles, by drawing attention to mimesis as artifice, calls attention to... the ideas it figures forth (TTT, p. 109); I draw attention to these elements which the two writers have in common... (RB, p. 105).*

Ненаправленным *to attract attention* выступает в следующих примерах: ...disastrous factory fires in both states, due in part to lack of these safeguards, *had attracted the attention of the country*, and resulted in much legislation (PLL, p. 359); Within eleven years after the commercial introduction of the phosphorus match in 1827 the disease known as «phossy jaw» or phosphorus necrosis, *was attracting the attention of government investigators (Ibid., p. 354); This multiplication of boards and commissions began to attract serious attention when workmen's compensation for accidents was added to the list of laws (Ibid., p. 471).*

Рассмотрим семантическую и функциональную характеристику словосочетаний *to give attention to* и *to receive attention*. Особенность этой пары заключается в том, что первое из них (*to give attention to*) является направленным словосочетанием, второе — *to receive attention* — ненаправленное. Кроме того, микрочлены различия *give* и *receive* — антонимы.

Казалось бы, по этой причине эти словосочетания должны исключать друг друга. Однако их функциональное употребление свидетельствует о наличии между ними степени семантической близости. Когда глагол *to give* в словосочетании *to give attention to* выступает в пассивной форме *to be given*, словосочетание теряет свою направленность и переходит в ненаправленное.

Обратимся к примерам:

The maleates, fumarates, aconitates, and certain other 1,2-disubstituted olefins *have been given* considerable *attention* primarily in an attempt to define their reactivities in terms of resonance, steric, and geometric effects (C, p. 457);

Health dangers and occupational diseases among miners *have been given* much less legislative *attention* than has the subject of accidents (PLL, p. 369);

...but these proposals *have not as yet been given* much *attention* (Ibid., p. 197).

The structure of nominal propositions and the way such propositions are processed in various psychological tasks *have received* considerable *attention* in recent years... (RMM, p. 25);

This condition *received* legislative *attention* first in England (PLL, p. 66);

Until recently the problem *has received* but little *attention* in America... (PLL, p. 202).

Примеры показывают, что между '...have been given (considerable, much, little) attention...' и '...have received (considerable, much, little) attention...' налицо эквивалентность в содержании, выражаяющаяся в том, что предмет, о котором идет речь, один и тот же. Если 'olefines have been given considerable attention', то это означает, что 'olefines have received considerable attention'. Если 'psychological tasks have received considerable attention', то это значит, что 'psychological tasks have been given considerable attention'. Но если не принимать во внимание совпадающие части словосочетаний (considerable, little, much) attention, то эквивалентность содержания следует искать в значениях to receive и to be given.

«Webster's New International Dictionary» следующим образом толкует значение слова receive:

receive v. To take, as something that is... given...

Таким образом, можем считать, что to be given семантически равносильно to receive, а словосочетание to receive attention равнозначно словосочетанию to be given attention. Их перевод совпадает: 'уделять внимание...' На основании семантического и функционального сходства выделяем эти словосочетания в группу СБ.

Нами рассмотрены семантические и функциональные особенности лишь небольшой группы устойчивых словосочетаний. Целостную картину функционирования сочетаний с опорным словом *attention* можно получить только тогда, когда будут рассмотрены и другие, оставшиеся за пределами данной работы — *to devote attention to*, *to require attention*, *to bring to one's attention*, *to come to one's attention*, *to occupy attention*, *to deserve attention* и т. д., а также антонимичные им сочетания *to distract attention from*, *to escape attention* и др. Однако и тот материал, который был изложен выше, позволяет отметить, что устойчивые словосочетания в языке английской научной литературы обнаруживают степень семантической близости, которая прослеживается па примерах функционального употребления.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- TTT — *D. L. Peterson. Time, tide and tempest. USA, 1973.*
RMM — *W. Kintsch. The representation of meaning in memory. USA, 1974.*
CC — *Copolymerization. USA, 1964.*
RB — *R. Browning. Writers and their background. London, 1974.*
RLL — *J. R. Commons and J. B. Andrews. Principles of labor legislation. N. Y., 1920.*
JRS — *Jubilee research survey. University of Bristol. Great Britain, 1959.*

М. И. ДЖАВЛАЛОВ

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С КОМПОНЕНТАМИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В НЕМЕЦКОЙ НАУЧНОЙ РЕЧИ

Лексика современного немецкого языка развивается в условиях широких международных, а следовательно, и межъязыковых контактов. Следствием этого является, в частности, постоянное пополнение словаря немецкого языка иностранной и интернациональной лексикой, в том числе и терминами.

Наша задача — выявить словообразовательные модели прилагательных-терминов с элементами латинского и греческого происхождения, типичные для научно-технической литературы.

Была исследована оригинальная немецкая научная литература в объеме 250 000 словоупотреблений. Объем каждой из 25 выборок (были взяты естественные, математические, медицинские, технические науки и их прикладные области) составлял 10 000 словоупотреблений¹.

В качестве основного метода использовался морфологический анализ, который позволяет ответить на вопрос, какие морфемы выделяются в том или ином слове с точки зрения современного языка.

В проанализированном материале были выявлены следующие префиксы и суффиксы прилагательных греко-латинского происхождения:

Префиксы: *a*-(gr.), *ab*-(lat.), *ad*-(*af*-) (lat.), *ana*-(gr.), *anti*-(gr.), *de*-(lat.), *dis*-(lat.), *e*-(*ex*-) (lat.), *epi*-(gr.), *extra*-(lat.,) *hyper*-(gr.), *hypo*-(gr.), *in*-(*im*-, *ir*-) (lat.), *infra*-(lat.), *inter*-(lat.), *intra*-(lat.), *ko*-(*kon*-, *kom*-, *kor*-) (lat.), *kontra*-(lat.), *meta*-(gr.), *para*-(gr.), *peri*-(gr.), *post*-(lat.), *prä*-(lat.), *pro*-(lat.), *retro*-(lat.), *semi*-(lat.) *sub*-(lat.), *super*-(*supra*)-(lat.), *syn*-(*sym*-) (gr.), *trans*-(lat.), *ultra*-(lat.).

Суффиксы: *-abel*(-*ibel*) (lat.), *-al*(lat.), *-ar*(lat.), *-är*(lat.), *-ell*(lat.), *-ent*(-*ant*)(lat.), *-il*(lat.), *-in*(lat.), *-iv*(lat.), *-(o)id* (gr.), *-ös*(os) (lat.).

Ниже приводятся таблицы, в которых указываются звучания префиксов и суффиксов, модели их употребления и частотность (условные обозначения: Р — префикс, L — основа, S — суффикс, S_г — остаточный элемент).

Кроме префиксов и суффиксов греко-латинского происхождения, играющих большую роль в создании терминов-прилагательных в немецком языке, можно выделить также относительно-корневые морфемы греко-латинского происхождения, выступающие в качестве словообразовательных элементов и непосредственно составляющие структуры интернациональных терминов.

¹ Более подробную характеристику анализируемого материала см.: М. И. Джавалов. Сравнительная количественная и качественная характеристика прилагательных в немецкой научной и художественной литературе. «Язык научной литературы». М., 1975.

Таблица I

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ ПРЕФИКСЫ
В КАЧЕСТВЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ

Префикс	Значение	Модели	Примеры	Частотность
<i>a-</i>	отрицание	P + L P + L + S	<i>amorph</i> <i>aperiodisch</i>	5 36
<i>ab-</i>	отрицание	P + L	<i>abnorm</i>	2
<i>ad-(af-)</i>	месторасположение около или в направлении чего-л.	P + L + S	<i>afferent</i>	2
<i>ana-</i>	обратный процесс, отсутствие признака	P + L + S	<i>anabiotisch</i>	1
<i>anti-</i>	противоположность, противодействие	P + L + S	<i>antinukleär</i>	12
<i>de-</i>	противоположное действие, явление или отсутствие признака	P + L + S	<i>devital</i>	1
<i>dis-</i>	расстройство, нарушение	P + L + S	<i>disharmonisch</i>	7
<i>e-(ex-)</i>	нахождение вне чего л., сверх чего-л., наличие чего-л. в избытке	P + L P + L + S	<i>enorm</i> <i>exzentrisch</i>	4 6
<i>epi-</i>	расположение поверх чего л.	P + L + S	<i>epikardial</i>	5
<i>extra-</i>	местонахождение вне чего-л.	P + L + S	<i>extragranular</i>	50
<i>hyper-</i>	презмерность, избыточность	P + L P + L + S	<i>hyperton</i> <i>hyperbolisch</i>	1 11
<i>hygro-</i>	недостаточность	P + L + S	<i>hypothetisch</i>	6
<i>in- (ir-)</i>	отрицание	P + L P + L + S	<i>indirekt</i> <i>inelastisch</i>	46 48
<i>infra-</i>	расположение под чем-л., ниже какой-л. ступени	P + L P + L + S	<i>infrarot</i> <i>infratentoriell</i>	2 1
<i>inter-</i>	расположение среди, между чем-л.	P + L + S	<i>intergalaktisch</i>	51
<i>intra-</i>	расположение внутри чего-л., между чем-л., проникновение во внутрь чего-л.	P + L + S	<i>intramolekular</i>	29

Таблица 1 (окончание)

Префикс	Значение	Модели	Примеры	Час-тот-ность
<i>ko-</i> (<i>kon-</i>)	совместимость, совме-щность	P + L P + L + S	konform koaxial	8 22
<i>kontra-</i>	противоположность	P + L + S	kontravari-ant	6
<i>meta-</i>	следование, чередование, изменение	P + L P + L + S	metamikt metaphy-sisch	1 4
<i>para-</i>	расположение, существование рядом, расположение около, вокруг чего-л.	P + L + S	parathy-phös periglazial	4 3
<i>post-</i>	протекание или расположение после чего-л.	P + L + S	postgangli-onär	16
<i>prä-</i>	протекание или расположение перед чем-л.	P + L + S	präsynap-tisch	9
<i>pro-</i>	приверженность, ориен-tация на что-л.	P + L + S	proporcio-nal	32
<i>retro-</i>	направленность назад	P + L P + L + S	retrograd retroperito-neal	5 2
<i>semi-</i>	половина чего-л., среднее состояние	P + L + S	semiklas-sisch	12
<i>sub-</i>	расположение под чем-л., ниже какой-л. ступени, около чего-л.	P + L	subberzyn	1
<i>supra-</i>	расположение над чем-л., чрезмерное наличие чего-л.	P + L + S P + L + S	subnormal supramole-kular	22 5
<i>syn</i> (<i>sym</i>)	совместимость, совме-щность	P + L + S	symbion-tisch	15
<i>trans-</i>	сквозь, через что-л.	P + L + S	transkonti-nental	9
<i>ultra-</i>	более, сверх чего-л., далее чего-л.	P + L	ultrahart	11

Под относительно-корневыми морфемами понимаются такие иноязычные морфемы в составе производных, сложных и сложно-производных основ, которые активно участвуют в их моделировании, обладают прозрачной лекси-

Таблица 2

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ СУФФИКСЫ
В КАЧЕСТВЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ

Суффиксы	Значение	Модели	Примеры	Час- тот- ность
<i>-abel(-ibel)</i>	способность подвергаться действию	L + S	separabel	26
<i>-al</i>	свойство, принадлежность	L + S	axial	527
<i>-ar</i>	то же	L + S	elementar	150
<i>-är</i>	то же	L + S	granulär	149
<i>-ell</i>	то же	L + S	aktuell	420
<i>ent (-ant)</i>	способность осуществлять действие	L + S	konsequent	229
<i>-il</i>	пассивное	L + S	stabil	42
<i>-in</i>	признак, выраженный основой	L + S	litorin	49
<i>-iv</i>	способность подвергаться действию	L + S	selektiv	392
<i>-(o) id</i>	свойство, качество, сходство	L + S	Iupoid	45
<i>-ös (os)</i>	обилие, полнота качества, свойства	L + S	nervös	23

ческой семантикой, но не употребляются в качестве самостоятельных лексических единиц вне этих основ.

Относительно-корневые морфемы, использующиеся для создания терминов-прилагательных, целесообразно разделить на следующие группы:

а) морфемы, занимающие место первого словообразовательного компонента:

aero-(gr.), *agro-*(gr.), *äqui-*(lat.), *astro-*(gr.), *auto-*(gr.), *bi-*(lat.), *bio-*(gr.), *dermato-*(gr.), *dezi-*(lat.), *di-*(gr.), *elektro-*(gr.), *endo-*(gr.), *exo-*(gr.), *gastro-*(gr.), *geo-*(gr.), *hämo-*(gr.), *helio-*(gr.), *hetero-*(gr.), *hexa-*(gr.), *histo-*(gr.), *homo-*(gr.), *hydro-*(gr.), *iso-*(gr.), *kardio-*(lat.), *litho-*(gr.), *makro-*(gr.), *meso-*(gr.), *mikro-*(gr.), *mono-*(gr.), *multi-*(lat.), *myo-*(gr.), *neo-*(gr.), *neuro-*(gr.), *okto-*(gr.), *oligo-*(gr.), *oro-*(gr.), *ortho-*(gr.), *paläo-*(gr.), *patho-*(gr.), *photo-*(gr.), *phylo-*(gr.), *phyto-*(gr.), *pneumato-*(gr.), *pseudo-*(gr.), *psycho-*(gr.), *sapro-*(gr.), *tele-*(gr.), *tetra-*(gr.), *uni-*(lat.), *uro-*(gr.), *zyto-*(gr.);

Таблица 3

ОТНОСИТЕЛЬНО-КОРНЕВЫЕ МОРФЕМЫ ГРЕКО-ЛАТИНСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ЗАНИМАЮЩИЕ МЕСТО ПЕРВОГО
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТА

Морфемы	Значение	Модель	Примеры	Час- тот- ность
<i>aero-</i>	относящийся к воздуху, авиации	L + S L + L + S	aerob aerodynamisch	2 5
<i>agro-</i>	отн. к сельскому хозяйству	L + L + S	agrotechnisch	1
<i>äqui-</i>	равный, одинаковый	L + L + S	äquidistant	21
<i>astro-</i>	отн. к звездам, небесным телам	L + L + S	astrophysikalisch	12
<i>auto-</i>	свой, собственный, авторский, автоматический	L + L L + L + S	autotroph autoptisch	1 1
<i>bi-</i>	два, двойной	L + L + S	bipolar	21
<i>bio-</i>	связанный с жизнью (биологический)	L + L L + L + S	biogen biochemisch	20 45
<i>dermato-</i>	отн. к кожному покрову	L + L + S	dermatologisch	1
<i>dezi-</i>	составляющий одну десятую	L + L + S	dezidual	1
<i>di-</i>	двойной	L + L + S	dielektrisch	11
<i>elektro-</i>	электрический	L + S L + L + S	elektrisch elektromagnetisch	191 70
<i>endo-</i>	функционирующий, происходящий внутри	L + L L + L + S	endogen endomitotisch	20 1
<i>exo-</i>	внешний, наружный	L + L L + L + S	exogen exkretorisch	24 4
<i>gastro-</i>	отн. к желудку, кишечнику	L + L + S	gastrointestinal	1
<i>geo-</i>	отн. к земному шару, поверхности	L + L + S	geometrisch	89
<i>hämo-</i>	отн. к крови	L + L + S	häodynamisch	5
<i>hydro-</i>	отн. к воде	L + L L + L + S	hydrophil hydrodynamisch	2 32
<i>hygro-</i>	то же	L + L	hygrophil	2
<i>isc-</i>	одинаковый, однородный	L + L L + L + S	isomorph isotonisch	12 2

Таблица 3 (продолжение)

Морфемы	Значение	Модель	Примеры	Час-тот-но-сть
<i>kardio-</i>	отн. к сердцу	L + L + S	kardiologisch	1
<i>litho-</i>	отн. к камням, горной породе	L + L + S	lithologisch	1
<i>makro-</i>	большой, крупнопразмерный	L + L + S	makroskopisch	13
<i>meso-</i>	средний	L + L + S	mesozoisch	3
<i>mikro-</i>	малый, мелкий	L + L + S	mikroskopisch	20
<i>mono-</i>	один, единственный	L + L L + L + S	monoton monographisch	8 15
<i>multi-</i>	много, многочисленный	L + L L + L + S	multiform multivalent	5 1
<i>myo-</i>	отн. к мускулам	L + L + S	myokardial	2
<i>neo-</i>	новый, недавно возникший	L + L + S	neotropisch	2
<i>neuro-</i>	отн. к нервам, нервной системе	L + S + S L + L + S	neuronal neurochemisch	3 3
<i>okto-</i>	восемь	L + L + S	oktoedrisch	3
<i>oligo-</i>	незначительный, ограниченный	L + L	oligotroph	1
<i>onto-</i>	существующее, сущес	L + L + S	ontogenetisch	1
<i>oro-</i>	отн. к горам	L + L + S	orogenetisch	2
<i>ortho-</i>	прямой, правильный	L + L L + L + S	orthograd orthorhombisch	1 4
<i>paläo-</i>	древний	L + L + S	paläozoisch	3
<i>helio-</i>	отн. к солнцу	L + L + S	heliozentrisch	4
<i>hetero-</i>	разнообразный, различный	L + L L + L + S	heterotroph heterokaryotisch	8 2
<i>hexa</i>	шесть	L + L	hexaploid	1
<i>histo-</i>	отн. к тканям тела	L + L + S	histochemisch	9
<i>homo</i>	одинаковый	L + L L + L + S	homogen homolateral	36 9
<i>patho-</i>	отн. к страданиям, болезни	L + L L + L + S	pathogen pathologisch	3 7
<i>photo-</i>	отн. к свету, фотографии	L + L + S	photometrisch	55
<i>phylo-</i>	отн. к типам, семействам, видам органического мира	L + L + S	phylogenetisch	3

Таблица 3 (окончание)

Морфемы	Значение	Модель	Примеры	Частотность
<i>phyto-</i>	отн. к растениям	L + L + L L + L + L + S	phytopathogen phytopathologisch	2 1
<i>pneuma-</i> <i>to-</i>	отн. к легким, воздуху	L + S	pneumatisch	2
<i>pseudo-</i>	ложный, мнимый	L + L + S	pseudoeuklidisch	4
<i>psycho-</i>	отн. к психике, психологии	L + L + S	psychologisch	1
<i>sapro-</i>	отн. к гниению	L + S _r + S	saproatisch	2
<i>tele-</i>	связанный с (большим) расстоянием	L + L + S	telemetrisch	3
<i>tetra-</i>	четыре	L + L L + L + S	tetraploid tetrapolar	1 12
<i>uni-</i>	один, единичный	L + L + S	unipolar	2
<i>uro-</i>	отн. к моче, мочевым органам	L + L + S	urologisch	4
<i>zyto-</i>	отн. к клетке	L + L + S	zytochemisch	14

б) морфемы, занимающие место второго словообразовательного компонента:

-*phil*(gr.), -*phob*(gr.), -*trop*(gr.), -*troph*(gr.);

в) морфемы, выступающие как в качестве первого, так и в качестве второго словообразовательного компонента: *geno-/gen* (gr.), *morpho-/morph*(gr.), *thermo-/therm*(gr.).

Табл. 3—4 дают представление о значении слов с этими морфемами и их частотности.

Кроме перечисленных собственно-адъективных относительно-корневых морфем греко-латинского происхождения в современном немецком языке, главным образом в научно-технической литературе, большую роль играют такие относительно-корневые морфемы греческого происхождения, как *log*-, *graph*-, *metr*-, *lyt*-, входящие в основном в состав интернациональных терминов-существительных, от которых, однако, при помощи немецкого суффикса -*isch* могут быть образованы прилагательные, например: *kardiologisch*, *topologisch* и др. — 257, *monographisch*,

Таблица 4

ОТНОСИТЕЛЬНО-КОРНЕВЫЕ МОРФЕМЫ ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ЗАНИМАЮЩИЕ МЕСТО ВТОРОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТА *:

Морфема	Значение	Модель	Примеры	Частотность
<i>-phil</i>	выражает нечто положительное, предпочтительное	L + L	lipophil	8(3)
<i>-phob</i>	выражает нечто отрицательное, противное	L + L	hydrophob	(1)
<i>-trop</i>	указывает на направленность действия	L + L	isotrop	11(3)
<i>-troph</i>	относится к питанию	P + L L + L	distrroph' calcitroph	(2) 5(3)

* В скобках указано количество моделей, которое было учтено с префиксами и относительно-корневыми морфемами.

Таблица 5

ОТНОСИТЕЛЬНО-КОРНЕВЫЕ МОРФЕМЫ ГРЕЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ЗАНИМАЮЩИЕ МЕСТА КАК ПЕРВОГО, ТАК И ВТОРОГО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОМПОНЕНТА:

Морфема	Значение	Модель	Примеры	Частотность
<i>gen-</i>	связанный с происхождением, наследственностью	L + S L + L + S L + L + L + S	genisch genspezifisch genphysiologisch	18 1 1
<i>-gen</i>	связанный с возникновением, образующий, вызывающий	P + L + L L + L L + L + L	inhomogen mutagen phytopathogen	(8) 112(89) 6(2)
<i>morpho-</i>	связанный с формой, строением	L + L + S	morphographisch	38
<i>-morph</i>	относящийся к форме, виду	P + L L + L	amorph homomorph	(3) 9(8)
<i>thermo-</i>	относящийся к температуре, теплоте	L + S L + L + S	thermisch thermonuklear	51 20
<i>-therm</i>	относящийся к температуре, теплоте	L + L L + L + L	endotherm kalt-stenotherm	(7) 1

kartographisch и др. — 110, spektrometrisch, astrometrisch и др.— 73, hydrolytisch, radiolytisch и др.— 54.

На основании нашей выборки можно констатировать, что в современном немецком языке для образования терминов-прилагательных используются префиксы латинские — 21, греческие — 10; суффиксы латинские — 10, греческие — 1.

С помощью префиксов греко-латинского происхождения образованы 514 прилагательных, из них 86 по модели Р + L и 428 по модели Р + L + S.

Префиксы (по убыванию частотности) расположены следующим образом:

1. <i>in</i> -(<i>ir</i> -, <i>im</i> -)	94	11. <i>anti</i> -	12	21. <i>kontra</i> -	6
2. <i>inter</i> -	54	12. <i>hyper</i> -	12	22. <i>epi</i> -	5
3. <i>extra</i> -	50	13. <i>semi</i> -	12	23. <i>meta</i> -	5
4. <i>a</i> -	44	14. <i>ultra</i> -	11	24. <i>supra</i> -	5
5. <i>pro</i> -	32	15. <i>e</i> -(<i>ex</i> -)	10	25. <i>para</i> -	4
6. <i>ko</i> -(<i>kon</i> -)	30	16. <i>prä</i> -	9	26. <i>ab</i> -	3
7. <i>intra</i> -	29	17. <i>trans</i> -	9	27. <i>in/rá</i> -	3
8. <i>sub</i> -	23	18. <i>dis</i> -	7	28. <i>peri</i> -	3
9. <i>post</i> -	16	19. <i>retro</i> -	7	29. <i>ad</i> -	2
10. <i>syn</i> -(<i>sym</i> -)	15	20. <i>hypo</i> -	6	30. <i>ana</i> -	1
				31. <i>de</i> -	1

11 суффиксов греко-латинского происхождения, присоединяясь к основам, образуют 2022 прилагательных с моделью L + S. Эти же суффиксы встречаются в 323 префиксальных моделях типа Р + L + S. С относительно-корневыми морфемами в моделях L + L + S эти суффиксы встречаются в 80 прилагательных. В общей сложности эти 11 суффиксов участвуют в образовании 2425 прилагательных и располагаются в следующей последовательности (по убыванию частотности):

1. <i>-al</i>	647	5. <i>-är</i>	216	9. <i>-(o)id</i>	45
2. <i>-ell</i>	437	6. <i>-ar</i>	193	10. <i>-ös</i>	35
3. <i>-iv</i>	427	7. <i>-il</i>	55	11. <i>-in</i>	26
4. <i>-ent</i>	290	8. <i>-abel</i> (<i>-ibel</i>)	51		

К так называемым относительно-корневым морфемам, участвующим в словообразовании как препозитивные, постпозитивные и пре- и постпозитивные словообразовательные компоненты, относятся 54 морфемы греческого и 7 морфем латинского происхождения. Наиболее употребительные относительно-корневые морфемы следующие

(частотность от 191 до 10): *elektro-, gen-, geo-, bio-, photo-, thermo-, homo-, hydro-, morpho-, exo-, mono-, äqui-, bi-, endo-, mikro-, iso-, zyto-, makro-, tetra-, astro-, di-, trop-, hetero-, patho-*.

Рассмотренные термины-прилагательные, образованные при помощи греко-латинских элементов, имеют большое преимущество: они лишены полисемии, легко выводятся из значений составляющих термоэлементов и не создают дополнительных сопутствующих значений при терминологическом наименовании.

Интернациональные термоэлементы, войдя в словарный состав немецкого языка, легко уживаются с исконными морфемами при создании новых аффиксальных или словарных образований, например: *infrarot*, *kalt-stenotherm* и др.

Е. Г. ЛАПШИНА

УПОТРЕБЛЕНИЕ МЕСТОИМЕННИЙ SOME И ANY В УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ (на материале научных и художественных текстов)

Местоимения — сравнительно немногочисленный класс слов, по высокая частотность их употребления свидетельствует о том, что они занимают важное место в системе английского языка, и интерес, проявляемый к ним как с теоретической, так и с практической точки зрения, вполне оправдан. Это в первую очередь относится к неопределенным местоимениям, в теоретической трактовке которых не все проблемы еще решены, а практические выводы и указания часто противоречивы и недостаточно обоснованы.

Рассматриваем один частный вопрос — употребление неопределенных местоимений *some* и *any* (и их производных) в условных придаточных предложениях.

Местоимение *some* входит в первую, а *any* во вторую сотню чаще всего встречающихся слов английского языка¹. Учащиеся сталкиваются с ними на самой ранней

¹ См., например: *J. B. Carroll, P. Davis, B. Richman. Word Frequency book. N. Y., 1971*, стр. 565; *Н. М. Алексеев и Л. А. Турыгина. Частотный англо-русский словарь-минимум газетной лексики. М., 1974*, стр. 210—211.

стадии занятый языком. Между тем рекомендации по употреблению этих местоимений, приводимые в практических грамматиках и учебниках английского языка, в ряде случаев не соответствуют действительности. В частности, это касается условных предложений.

Авторы просмотренных нами практических грамматик и учебников² утверждают, что в условных придаточных предложениях употребляется только местоимение *any*, и приводят соответствующие примеры. Это утверждение тем более удивительно, что а) в оригинальных произведениях художественной и научной литературы на английском языке сравнительно часто встречаются примеры с *some* (и его производными) в условных предложениях, б) в работах таких известных зарубежных лингвистов, как Есперсен, Крейзинга, Поутсма³ и др., отмечавших различия в употреблении местоимений *some* и *any* в разных типах предложений, указывается на возможность употребления *some* в условных предложениях, приводятся примеры, а Крейзинга даже дает к ним толкования. Правда, перечисленные авторы не приводят никаких статистических данных, так что их примеры могут быть восприняты как исключение.

Авторы отечественных теоретических грамматик английского языка, по-видимому, не исключают возможности употребления *some* в условных предложениях, утверждая, что «основная область употребления *any* — вопросительные предложения, условные предложения... и отрицательные предложения»⁴ или что «... *any* and its compounds... are generally used (in about 68—72 per cent of all cases) in

² Л. Н. Винокурова. Грамматика английского языка. Л., 1954; М. Ганшина и П. Василевская. English grammar. М., 1958; М. И. Дубровин. Situational grammar, ч. II. М., 1974; В. Л. Каушанская и др. Грамматика английского языка. Л., 1973; К. Н. Качалова и Е. Е. Израилевич. Практическая грамматика английского языка. М., 1957; Е. К. Старшинова и др. Практическая грамматика английского языка. М., 1970; Н. А. Бонк и др. Учебник английского языка, ч. I. М., 1970; Т. И. Матюшкина-Герке и др. Учебник английского языка для I курса. М., 1974.

³ O. Jespersen. A modern English grammar, VII. Heidelberg, 1931; E. Kruisinga. A handbook of present-day English. Groningen, 1932; H. Poutsma. A grammar of late modern English. Groningen, 1916.

⁴ В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 64.

interrogative and negative sentences or in conditional clauses»⁵. Однако примеров с some в условных предложениях они не приводят.

Если обратиться к специальным исследованиям, к сожалению, весьма немногочисленным, трактующим проблемы неопределенных местоимений, то оказывается, что в одном из них вопрос об употреблении интересующих нас местоимений не рассматривается⁶, в другом не рассматривается их употребление в условных предложениях⁷, в третьем анализируются примеры, придуманные самим автором и поэтому производящие впечатление искусственных⁸. И. А. Бжилинская⁹ отмечает, что в условных предложениях на слова с первым компонентом any приходится 70% употребления рассматриваемых слов (т. е. слов с первым компонентом any, some, no, every). Это замечание позволяет предположить, что производные от some составляют весомую часть от общего употребления, хотя в таблице распределения местоимений по типам предложений условных предложений нет. И, наконец, А. П. Шапкин¹⁰ указывает, что в условных предложениях употребляются как местоимение any, так и местоимение some (70% и 30%, соответственно) и что различия в употреблении основываются на различиях их лексических значений, причем это положение иллюстрируется примерами.

Исходя из того факта, что местоимения группы some действительно употребляются в условных предложениях, а нормативные грамматики этого употребления не отмечают и что никто из вышеперечисленных авторов не занимался вопросом употребления указанных местоиме-

⁵ Б. С. Хаймович, Б. И. Роговская. Теоретическая грамматика английского языка. М., 1967, стр. 111.

⁶ Ю. М. Эдельштейн. Место неопределенных местоимений в системе современного английского языка. АКД. М., 1964.

⁷ А. В. Александров. Синтаксическое функционирование группы простых неопределенных местоимений в современном английском языке. АКД. Л., 1970.

⁸ R. Lakoff. Some reasons why there can't be any 'some-any' rule. «Language», 1969, v. 45, № 3.

⁹ И. А. Бжилинская. Сложные слова с первым компонентом some, any, no, every как особая лексико-грамматическая категория в английском языке. АКД. М., 1963.

¹⁰ А. П. Шапкин. Многозначность some и any в разнотипных сочетаниях в английском языке XX века. «Уч. зап. МОПИ им. Н. К. Крупской», 1962, т. 110, вып. 10.

ний в языке научной прозы, представилось целесообразным:

1. Провести статистические подсчеты на материале как художественных, так и научных текстов с тем, чтобы а) уточнить данные А. П. Шапкина в отношении местоимения *some*, дополнив их данными об употреблении производных местоимений, б) определить количественное соотношение примеров с местоимениями группы *some* в языке художественной и научной прозы, в) показать, что удельный вес *some* и его производных в условных предложениях достаточно велик и нормативные грамматики неправомерно не учитывают данное употребление.

2. Провести анализ синтаксических функций, лексических значений и сочетаемости местоимений *some* и *any* (и их производных) в условных предложениях.

Статистические подсчеты и анализ значений местоимений *some* и *any* проводились па материале художественных и научных произведений современных американских и английских авторов. Была проведена сплошная выборка примеров из 13 000 стр. художественного текста и 5 000 стр. научного текста. Подсчеты показали, что в языке художественной прозы примеры со словами группы *some* составляют 43%, а со словами группы *any* — 57% от общего количества. Таким образом, данные, приведенные в статье А. П. Шапкина, полностью подтверждаются нашими подсчетами (некоторое превышение процента по группе *some* происходит за счет производных слов). В языке научной прозы процент употребления слов группы *some* еще выше. Он составляет 54%, т. е. больше половины всех собранных примеров.

Что касается функционирования *some* (и его производных) в предложении, то анализ примеров показал, что слова группы *some* употребляются:

1) в придаточных условных предложениях после различных союзов: *if, in case, provided, unless*: «*If you want to do something for me, you can get me some milk*», he said at last (Maugham, 102); *A chemist may be quite satisfied if he gets some new substance in a twentieth of the amount which is theoretically possible* (Haldane, 221); «*Go ahead, but just tell me where you're going in case something happens so I can get in touch with you*» (Lewis, 613); One asks at once what descending pathways are responsible for the continuous excitation essential to prevent the onset of spinal shock.

This can be investigated, provided one can employ *some* measurable index of spinal shock (Fulton, 152); «Nothing exciting. You have all seen the day's calendar. Unless *something* breaks, it will be a routine day» (Bishop, 54); Every human being beyond infancy knows the sound system of his language (unless he has *some* severe physical abnormality) (Falk, 67);

2) в условных предложениях при бессоюзном подчинении: It is suggested, however, that rhymes might be made to play an even more effective part, were teachers aware of the possibilities they offer and prepared to take *some* advantage of these (Fraser, 162);

3) слова группы *some* (так же как и слова группы *any*) могут выполнять функции различных членов предложения: чаще всего — функцию подлежащего, определения и дополнения (прямого, косвенного или предложного), реже — функцию обстоятельства (места, образа действия) и предикатива¹¹.

Убедившись в том, что слова группы *some* действительно употребляются в условных предложениях, выполняя в них функции различных членов предложения, попытаемся теперь показать, почему в ряде случаев это употребление не только возможно, но и обязательно. Для этого нужно проанализировать лексические значения местоимений *some* и *any* (и их производных), реализующиеся в условных предложениях.

Как указывают авторы, занимавшиеся неопределенными местоимениями (Есперсен, Крейзинга, Поутсма,

¹¹ Например, слова группы *some* в роли подлежащего и *some* в качестве определения к подлежащему составляют 36% от общего количества примеров (236) из художественных текстов. Ср. со следующим: «И в придаточном временном и в придаточном условном могут употребляться слова группы *some*, однако в придаточном условном их употребление крайне редко (на 30 примеров со словами группы *any* в функции подлежащего встретился только один пример со словом *some*, если не считать тех случаев, когда сказуемое имело отрицание. При последнем условии слова группы *some* встречаются более часто)» (О. Н. Селиверстова. Семантический анализ слов типа «все» — *all* и типа «кто-нибудь» — *some* в русском и английском языках. АКД. М., 1965). Из данной формулировки непонятно, что значит «более часто». Кроме того, *some* с отрицательным предикатом встречается действительно редко (в роли подлежащего ≈ 1% от общего количества примеров); поэтому вряд ли стоит приводить данную конструкцию в качестве критерия частотности употребления.

Жигадло и др., Бархударов и Штелинг, Шапкин, Хаймович и Роговская), местоимения some и any передают значения неопределенности: неопределенного количества и неопределенного качества.

В условных предложениях местоимение some, выражая неопределенность количества, сохраняет значение частичности (некоей ограниченной части целого), присущее ему во всех других типах предложений: «It might help a little if you washed *some* of the dirt out» (Hailey D., 2); When the water freezes in a pipe, it bursts it by expanding, particularly if *some* water is trapped between two blocks of ice (Haldane, 157); Fortunately, we can do more than speculate if we understand *something* of the evolutionary mechanism, be it of planetary systems or living matter or scientific activity (Price, 4); «If you can learn *some* lab techniques, so much the better» (Wilson, 31); The idea motivating this is the fact that an optimal solution to a linear programming problem remains optimal if *some* or all of the constraints are withdrawn (Beale, 155).

Местоимение any в условных предложениях передает значение неопределенного количества без противопоставления части и целого. Не проявляется в условных предложениях и значение всеобщности, характерное для any в повествовательно-утвердительных предложениях, а только — значение уступительности: «Well, if you are going to get *any* sleep to-night you'd better get down to the camp», he said (Innes, 103); These are some of the problems which this expedition may at least partially solve. If I know *anything* of science, it will raise more new questions than it answers of the old ones (Haldane, 137); «But if you find *any* extra girls in the village, bring them back» (Michener, 378); This means that C is not decreased in value if we increase *any* non-basic variables, either one at a time or together (Beale, 15).

При выражении неопределенности качества значения местоимений some и any (и их производных) сближаются.

Тем не менее, слова группы some при передаче неопределенного качества в условных предложениях сохраняют характерные особенности своего лексического значения: ограничение, отдельность, выделение на основе определенных признаков¹²: «If you were *someone* who was just wil-

¹² См.: А. П. Шапкин. Указ. соч., стр. 113.

ling to get along, that would be different, but you are not» (Wilson, 467); If during the height of this reaction the sciatic or *some* smaller nerve on the same side is stimulated, the myograph lever drops dead-beat to the original tension of rest, exactly as if the motor nerve had been instantaneously severed (Fulton, 93).

Напротив, для лексического значения слов группы *any* в условных предложениях при выражении ими неопределенного качества характерна безразличная избирательность, отсутствие какого-либо ограничения или выделения на основе каких-то признаков: «If it's of *any* interest,» Coleman said still quietly, «I happen to have had your authority» (Hailey D., 196); «If *anyone* sees him with it we're all gone», Burke said. (Aldridge, 109); Now he was driven outside the law, if he was to find *any* escape from impossible conditions (Pares, 184); If there were *any* finned animals in the Cambrian they left no clear fossils (Haldane, 144).

Различия в значении *some* и *any* особенно четко проявляются при употреблении этих местоимений в одном контексте: Arnie was conscious of Holtzer taking deep breaths so that, if *anyone* happened to be looking, he would appear like *someone* who needed a little air (Wilson, 510).

В этом предложении противопоставляется *anyone* ('кто бы то ни был', неважно кто, т. е. отсутствует всякая избирательность) и *someone* ('кто-то', выделенный на основании определенных признаков: один из тех, кто вышел подышать свежим воздухом). Другой пример: «Peter, you will lower us with the tractor winch. But if *something* happens, *a n y t h i n g* happens, if the ground moves, leave the winch and run back» (Fire, 47). Здесь *something* указывает на ограниченную неопределенность: 'что-нибудь' из нескольких возможных вариантов, а *anything* — на неограниченную неопределенность: 'что бы ни случилось'; все, что угодно, даже самое невозможное. *Anything* несомненно более эмфатично. Недаром в тексте оно выделено разрядкой.

Безразличная избирательность слов группы *any* подчеркивается сочетанием их с *at all* и *whatever*¹³: ... if

¹³ Есперсен отмечает, что в условных предложениях *any* употребляется в значении *any at all* (указ. соч., стр. 607). Поутсма указывает, что значение неопределенности у *any* иногда усиливается сочетанием *at all* (указ. соч., стр. 1043).

the natural laws of the Universe have *any validity at all* (Asimov, 23); «If he is *anyone at all* — well, I shall be surprised» (Christie, 150); «And I'd like to say that if you make use of any of it, *in any way whatever*, you are a lower and dirtier bastard even than I thought you were» (Hailey Pl., 344).

С другой стороны, для слов группы some характерно употребление в одном контексте с ограничительным наречием only: «If we *only* had *some* place where we could go and be really alone, we'd never talk this way» (Wilson, 101); «If *only* I had done *something* about it when that first report of a transmission came through» (Innes, 114); «If *only* we could get *some* service robots from the factories» (Fiction, 139).

Р. Лакофф¹⁴ утверждает, что с if only может употребляться только some (и никогда any), поскольку говорящий в таком случае всегда налеется или хочет, чтобы ситуация в придаточной части условного предложения действительно имела место. Он вообще считает, что для правильного употребления some и any помимо их лексического значения следует учитывать еще и отношение говорящего к высказыванию. Если говорящий хочет или надеется на что-то и его высказывание по существу является обещанием, тогда нужно употреблять some: «If it's *something* I can do, Sir, I will» (Hailey Pl., 393); — You make the choice, Selene. — I will, if you will tell me *something* honestly (Asimov, 192).

Если говорящий не хочет осуществления действия и его высказывание является по сути дела угрозой или предупреждением, тогда следует употреблять any: «There is a cannon aboard the Bay Tree and by the guts of God, if there is *any* interference with the whaling fleet, I'll blow this house» (Michener, 293); «If *any* of these black fellows come after you again, I'll deal with them» (Tolkien, 108).

По мнению Лакоффа следует также учитывать представление говорящего о действительности (т. е. модальность предложения): действительно ли существует или произошло то, о чем идет речь (в этом случае употребляется some), или нет (употребляется any). Но Лакофф дает свои пары примеров (с одинаковым условием и разным следствием), придуманные специально для иллюстрации данного положения. Нам не удалось подобрать аналогичные

¹⁴ R. Lakoff. Указ. соч., стр. 612.

пары примеров из литературных источников. Если же сравнить нижеприведенные примеры, то очень трудно объяснить, основываясь на точке зрения Лакоффа, почему в данном случае употребляется *something*, а в другом *anything*, ибо контексты аналогичны и модальность предложения тоже: «*Of course I have my own written records so that if something should happen to me, my heirs would know that you hold something in trust for them*» (Puzo, 279); «*Remember, Charles, that if anything should happen to me, Elisabeth is to have an extra fifty pounds*» (Christie, 62).

Очевидно, дело здесь все-таки в разном лексическом значении *something* и *anything*, о чем говорилось выше (см. примеры на эти местоимения в одном контексте), и автору небезразлично, какое слово употребить в одинаковых условиях. Казалось бы, в первом случае (исходя из позиции Лакоффа) тоже следует употребить *anything*. Однако в деловом разговоре двух мужчин автор использует *something*. Во втором случае речь женщины более эмфатична, это подчеркивается местоимением *anything*.

Some и его производные редко употребляются в отрицательных предложениях, но и здесь они сохраняют свои значения утвердительных местоимений, в то время как *any* и его производные в непосредственной близости с отрицательным словом передают значения отрицательных местоимений (полного отрицания). Поэтому употребление слов группы *any* (вместо *some*) в нижеследующих примерах или искажает смысл, или полностью исключается:

а) при сказуемом в отрицательной форме: «*If he doesn't make some arrangements about the garage, I'm going to shut it up and clear out*» (Greenwood, 53); *If the teacher does not have some written plan, he is likely to forget some of the items he has planned* (Oliva, p. 166); «*If you don't want something enough to ask for it, you're not entitled to it*» (O'Hara, 21);

б) при отрицательном союзе:

«*I suppose you're terribly busy, but honestly, Erik, unless I talk to someone I'll go to pieces*» (Wilson, 357); *No scientific theory is worth anything unless it enables us to predict something which is actually going on* (Haldane, 154).

Подводя итоги, можно сказать:

1. Сопоставление примеров с неопределенными местоимениями *some* и *any* в научной и художественной прозе

подтверждает положение о том, что в различных функциональных стилях для одинаковых целей используются одинаковые средства выражения. В частности, в условных предложениях *some* и *any* употребляются в научных текстах в тех же функциях и передают те же значения, как и в художественной литературе.

2. Слова группы *some* в условных предложениях составляют 54% от общего количества примеров в научных текстах и 43% — в художественных текстах. Эти данные опровергают утверждение авторов практических грамматик и учебников английского языка о том, что местоимение *some* не употребляется в условных предложениях.

3. Употребление того или иного местоимения (из группы *some* или из группы *any*) в утвердительных условных предложениях зависит в конечном счете не от типа предложения, а от лексического значения рассматриваемых единиц:

а) для выражения неопределенного количества употребляется *some*, если нужно передать значение частичности, и *any*, если нет противопоставления части целому, а требуется значение уступительности;

б) при выражении неопределенного качества употребляются слова группы *some*, если подразумевается какое-то ограничение этого качества, выделение его на основе каких-то признаков, и слова группы *any*, если такое ограничение и выделение отсутствует, и избирательность безразлична.

4. В отрицательных условных предложениях *some* (и его производные) сохраняют значение утвердительных местоимений, а *any* (и его производные) передают значение отрицательных местоимений (полное отрицание).

5. В силу присущего местоимениям группы *any* значения уступительности, для них характерна сочетаемость с *at all* и *whatever*. Для местоимений группы *some* характерно употребление в условных предложениях, в которых налицоует ограничительное наречие *only*.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

Aldridge	— <i>J. Aldridge. The sea Eagle.</i> Kiev, 1973.
Asimov	— <i>I. Asimov. The gods themselves.</i> N. Y., 1973.
Beale	— <i>E. M. L. Beale. Mathematical programming in practice.</i> London, 1968.
Bishop	— <i>J. Bishop. A day in the life of president Kennedy.</i> N. Y., 1964.

- Christie — *A. Christie. Surprise! Surprise!* N. Y., 1966.
 Falk — *J. S. Falk. Linguistics and language.* Lexington, 1973.
 Fiction — World's best science fiction 1969. N. Y., 1969.
 Fraser — *H. Fraser and W. R. O'Donnell. Applied linguistics and the teaching of English.* London, 1969.
 Fire — From fire to atom. M., 1973.
 Fulton — *J. F. Fulton. Physiology of the nervous system.* N. Y., 1951.
 Greenwood — *R. Greenwood. Mr. Bunting at war.* London, 1947.
 Hailey D. — *A. Hailey. The final diagnosis.* N. Y., 1972.
 Hailey Pl. — *A. Hailey. In high places.* London, 1970.
 Haldane — *J. B. S. Haldane. Reader of popular scientific essays.* M., 1973.
 O'Hara — *J. O'Hara. And other stories.* London, 1970.
 Innes — *H. Innes. The land god gave to Cain.* London, 1958.
 Lewis — *O. Lewis. La Vida.* N. Y., 1966.
 Maugham — *S. Maugham. The moon and sixpence.* M., 1972.
 Michener — *J. A. Michener. Hawaii.* N. Y., 1961.
 Oliva — *P. F. Oliva. The teaching of foreign languages.* USA, 1969.
 Pares — *B. Pares. A history of Russia.* London, 1962.
 Puzo — *M. Puzo. The Godfather.* USA, 1969.
 Price — *D. J. de Solla Price. Science since Babylon.* London, 1962.
 Tolkien — *J. R. R. Tolkien. The lord of the rings.* London, 1973.
 Wilson — *M. Wilson. Live with lightning.* M., 1957.

Е. А. РЕЙМАН

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ХАРАКТЕРОМ СОДЕРЖАНИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА

Употребление отдельной грамматической формы, как и употребление отдельного слова, определяется значением самой формы и ее соотнесенностью со значениями других грамматических форм той же микросистемы, а также общим характером содержания и структурой включающего ее предложения и более сложного единства, составной частью которого является данное предложение. Так, употребление английской глагольной формы Past Perfect определяется ее значением предшествования и завершен-

ности по отношению к другому прошедшему действию или известному моменту в прошлом; тем самым оно определяется и соотнесенностью этой формы со значениями других видо-временных форм в английском языке. Употребление формы Past Perfect зависит также от структуры и общего характера содержания включающего ее предложения: известно, что наиболее часто эта форма встречается в сложном предложении, при этом в тех случаях, когда особое значение имеет момент последовательности излагаемых событий. Также известно, однако, что довольно часто форму Past Perfect можно найти и в простых предложениях. И вообще отдельные предложения, простые или сложные, несмотря на закопченный характер содержащегося в них высказывания, как правило, не являются полностью самостоятельными, представляя собой органическую часть более сложных единиц. На обусловленность употребления формы Past Perfect общим характером содержания включающего ее текста указывала в своей монографии И. П. Иванова¹. Она считает специфическим признаком этой видо-временной формы ее способность участвовать в повествовании, содержащем связное изложение последовательных событий. Общий характер текста, как в смысле его содержания, так и в смысле структуры, определяет набор используемых для его построения лексических и грамматических средств. Очень интересно и убедительно показала Н. Ф. Иртеньева, какую значительную роль играет форма Past Perfect в создании текстов художественной литературы².

Употребление всех английских личных глагольных форм определяется перечисленными выше моментами. Преимущественное же использование тех или иных наборов личных глагольных форм по сравнению с другими личными глагольными формами связано с изменением характера текста в зависимости от его принадлежности к разным функциональным стилям или в пределах одного и того же функционального стиля.

У разных авторов классификации разновидностей способов изложения материала в научных публикациях

¹ И. П. Иванова. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961, стр. 136.

² Н. Ф. Иртеньева. Прошедшее время церфекта как элемент стиля в языке английской художественной литературы. «Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина», 1960, № 152.

несколько различны. Но основными способами изложения материала все считают описание и повествование (используемые и другими стилями речи). О них будет идти речь в данной статье.

Согласно определению М. П. Кожиной, «описание — разновидность изложения, представляющая собой распространенную и систематическую характеристику объекта речи», а «повествование — это разновидность изложения, представляющая собой информацию о событиях, связанных с процессом исследования, получением научных данных, совершением научных открытий и т. д.»³. Имея в виду использование личных глагольных форм, следует сказать, что научный текст может иметь общий и частный характер. Он может быть изложением некой суммы знаний об объективной действительности, о предметах, явлениях, событиях, фактах, типичных ситуациях, общих закономерностях и т. д. Вместе с тем могут сообщаться и описываться и единичные факты, ситуации, явления и пр. Таким образом различия между отдельными вариантами изложения материала часто представляют собой противопоставление общего и частного.

Наука определяется как «сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности»⁴, в связи с чем отличительной чертой научного текста является обобщенный характер изложения материала. При этом большинство наук использует описание в качестве основного способа изложения материала. Обобщенный характер содержания научного текста передается при описании определенным набором видо-временных форм. Для английского языка это формы Present Indefinite, Present Perfect и Future Indefinite. Обобщенным характером содержания обусловливается и употребление мазванных форм в общем, вневременном значении.

П. Я. Леонтьевич⁵ утверждает, что одним из основных значений английской формы Present Indefinite является не временное значение, а значение качественной характеристики

³ М. П. Кожина. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, стр. 94.

⁴ БСЭ, т. 17. М., 1974, стр. 323.

⁵ П. Я. Леонтьевич. Синонимия некоторых видовременных форм английского глагола и их стилистические функции. КД. М., 1970.

стики (Не writes novels ‘Он — писатель’). Н. Ф. Иртеньева указывает, что форма Past Indefinite фиксирует внимание на времени, а форма Present Perfect — на результате⁶. Таким образом характерным для формы Present Perfect признается вневременное значение констатации совершившегося (или несовершившегося) факта. Форма Future Indefinite паряду с временным также имеет вневременное атрибутивное значение⁷. Именно вследствие наличия у перечисленных форм вневременного, следовательно, предельно обобщенного значения действия, они и составляют набор, характерный для научного описания. Например: Oxygen, nitrogen, hydrogen and iron *are examples of elements. They are called elements because chemists have never succeeded in dividing them into simpler substances... Everything in nature... is composed of elements...* Air *is composed of several different gases, the main ones being oxygen and nitrogen. Nitrogen is a very inert or lazy gas, and does not support burning at low temperatures, while oxygen is a very active gas and does support burning.* Neither *will burn or act as a fuel* (D. and Sh., p. 53). Данный отрезок текста — типичный пример научного описания и содержит именно тот набор видо-временных форм, о котором говорилось выше. Все три формы употреблены в обобщенном, вневременном значении. При этом Present Indefinite имеет значение общей характеристики; Future Indefinite — характеристики, являющейся следствием неких других закономерностей; Present Perfect имеет значение констатации факта.

Характерная для научных описательных текстов форма Future Indefinite употребляется значительно чаще, чем это можно было бы предположить. В связи с присущим ей общим значением обусловленной атрибутивности она чаще всего встречается в главной части условного предложения: If water at room temperature is cooled it *will continue to contract until a temperature of 39.2° F is reached* (D. and Sh., p. 75). Однако не менее часто она встречается и в предложениях другого типа. Например:

⁶ Н. Ф. Иртеньева. Present Perfect в его сравнении с Past Indefinite и русским прошедшим временем. «Иностр. яз. в школе», 1953, № 6.

⁷ См.: Е. А. Рейман. Об употреблении времен в английской научной прозе. «Стилистико-грамматические черты языка научной литературы». М., 1970.

Scientific knowledge is gained by exact observation, reasonable thinking, and careful verification. Whether you are a scientist or not, you *will* often use the scientific method. You *will make* observations, arrange them in an orderly manner, and draw conclusions (D. and Sh., p. 11). Вневременное значение следствия является у формы Future Indefinite в то же время и значением характеристики, т. е. его можно назвать значением обусловленной атрибутивности или обусловленной характеристики. Анализ обоих приведенных примеров показывает, что эта форма используется в тексте там, где дается характеристика поведения веществ или людей при определенных условиях. Это отличает ее от формы Present Indefinite, которой обычно пользуются в случаях общей характеристики фактов вне зависимости от каких-либо условий. Например: Cells *vary* in size and shape... Cells lining blood vessels *tend* to be flattened... (D., p. 7).

Форма Present Perfect в научных описательных текстах употребляется в значении констатации факта и поэтому встречается особенно часто там, где в изложении описательного материала содержится в обобщенной форме ссылка на источник информации. Например: Tissue culture experiments *have shown* that development ... is advanced by cultivating the embryonic material in media from successively older embryos in an ascending range (Sp., p. 29). Modern research in physics *has now provided* the radiotherapist with new types of radiation... (Sp., p. 183). It *has been computed* by Schrödinger that fifty or sixty successive divisions suffice to produce the number of cells in a grown man (Sp., p. 33). Present Perfect употребляется и в значении предшествования, также обобщенном, вневременным: The egg contains a complex of inherent factors which *have been transmitted* from its parents (Sp., p. 33).

Набор личных глагольных форм, характерных для научного описания, включает как формы действительного залога, так и формы страдательного залога, а именно Present Indefinite Passive и Present Perfect Passive (Future Indefinite Passive встречается в описании относительно редко, следовательно, в набор характерных форм не входит). Широкое использование форм страдательного залога в научных текстах объясняют стремлением авторов к объективизации изложения, устранению личности автора. Соглашаясь с этим, следует сказать, что не менее

важным фактором, диктующим широкое использование страдательного залога, является характеризующее, описывающее значение его форм. В. В. Виноградов, вслед за другими русскими лингвистами, предлагал, например, говорить о наличии в русском языке не страдательного залога, а страдательных оборотов двух типов: предикативного и атрибутивного⁸. Использование форм страдательного залога с атрибутивным, характеризующим значением — типичная черта научного текста, поскольку описываемые объекты характеризуются не только своими свойствами (это передают, как правило, формы действительного залога), но и состоянием, а также происходящими в них изменениями (это передается формами страдательного залога). Например: A polypeptide chain *is formed* by the elimination of water between successive amino acids (K. G., p. 4). The hydrogen of the NH₂ group ... *is electrically attracted* by the oxygen of a CO group in another chain (Там же). В связи с использованием форм страдательного залога в научных текстах следует обратить внимание также на характерное отношение результативности между сказуемым и дополнением, которое передается с помощью предлога *by*. Обычно дополнение содержит информацию о том, результатом чего являются те свойства или то состояние (изменение в состоянии), о которых сообщает сказуемое.

Формы действительного и страдательного залога времен Present Indefinite и Present Perfect, а также форма действительного залога времени Future Indefinite являются наиболее характерными для научного описания. Но могут встречаться и другие видо-временные формы, тоже, как правило, в обобщенном, вневременном значении. Так, форма Present Continuous употребляется во вневременном значении соотнесенности фактов. Например: While this development *is proceeding*, cell division continues (Sp., p. 34). Cells vary in size and shape. If they *are lying* free... they are usually rounded (D., p. 7). Соотнесенность двух частей высказывания в этих примерах вневременная, поскольку, как подчеркивает З. Я. Тураева, «исходным понятием для грамматической категории времени является момент речи, так как грамматическое глагольное время...

⁸ В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947, стр. 616.

определяет отношения между процессом и моментом данной речи⁹. В анализируемых же случаях, как и в любом предложении описательного текста общего характера, никакой соотнесенности с моментом речи или с каким-либо другим временным центром нет. Как известно, вневременное значение процессуальности у форм длительного разряда иногда подчеркивается наречиями *always*, *constantly*, *continuously*. Сочетания с этими наречиями характерны и для научных текстов: ...the cell-outline is normally constantly changing... (Sp., 16); ... in the body the process of differentiation depends for its full development partly on the composition of the surrounding medium which is continually under going change (Sp., p. 29).

Все приводившиеся примеры имели характер общего описания, т. е. описания общих закономерностей, типичных случаев, типичных ситуаций. Но описание, как уже говорилось выше, может иметь и частный характер, поскольку описываемые могут и единичные случаи, отдельные ситуации и т. п. Для научного текста это чаще всего описание отдельного опыта или серии опытов. Этот опыт или опыты могут явиться основой дальнейшего обобщения или быть иллюстрацией какого-либо положения. Например, в тексте в общей форме повествуется об изменениях в состоянии вещества при нагревании и высказывается следующее положение: The volume of matter may be changed by heating and by cooling. Предлагается проверить это экспериментально, нагревая воздух в колбе, на которую надели резиновый воздушный шарик, и нагревая другую колбу с окрашенной водой и заткнутую пробкой со вставленной в нее полой трубочкой. При нагревании воздух в первой колбе надувает воздушный шарик, вода во второй колбе поднимается по трубочке, воткнутой в пробку. Приводится объяснение данного конкретного случая, т. е. данной ситуации: When air in the flask was heated, the air molecules moved faster and as a result, moved farther apart. In this way the volume was increased. Likewise when the water in the flask was heated, the motion of the molecules was increased and they spread farther apart. Then the water expanded and occupied a greater volume (D. and Sh., p. 73—74). Для описания данной единичной

⁹ А. Я. Тураева. Видо-временные формы английского глагола и их роль в создании художественного времени. «Структурные свойства единиц различных уровней языка». Л., 1974, стр. 10.

конкретной ситуации использовалась форма Past Indefinite. Ср. это с описанием обобщенной ситуации — принципа работы термостата: A thermostat, an instrument using the principle of expansion, is usually made by clamping two metal bars or strips together. The bars are of different metals which differ in their degree of expansion when they are heated... When heat is applied, the iron molecules do not vibrate so rapidly as the brass molecules, because they are heavier. Hence the brass element expands and tends to increase the curvature of the compound bar... the pointer on the instrument swings to the left and an electrical contact is broken, checking the heating system (D. and Sh., p. 74). Таким образом, в научных текстах, описывающих отдельные факты, отдельные ситуации, используются формы прошлого времени, а для обобщенных описаний используются формы настоящего времени. Этот факт объясняется самим характером противопоставленности общего, типичного и частного, отдельного, индивидуального. В отличие от общего отдельное, единичное характеризуется пространственной и временной ограниченностью. И поскольку основной характеристикой прошедшего времени является его отделенность, ограниченность от настоящего, естественно использование именно этой формы для описания отдельных фактов, явлений, ситуаций.

Характером противопоставления общего и отдельного, общего и частного определяется выбор видо-временных форм для выражения этого противопоставления в тексте. Однако можно заметить, что не только форма Present Indefinite, но и форма Past Indefinite в научном описании в случаях указанного противопоставления имеет вневременное значение, поскольку, как это видно из приведшихся примеров, действие, выраженное глаголом в форме Past Indefinite, ни с моментом речи, ни с времененным центром никак не соотнесено. Оно соотнесено лишь с другими действиями единичной ситуации, взятой вне какого-либо временного плана.

Если описательные тексты общего типа характеризуются использованием форм Present Indefinite, Present Perfect и Future Indefinite, то в описательных текстах частного характера соответственно используются формы Past Indefinite, Past Perfect и Future-in-the-Past. Форма Past Perfect имеет значение предшествования, а форма Future-in-the-Past значение обусловленной характеристики

ки. Например: Galvani had found that a muscle *would contract* when it was touched by two strips of different metal in contact with one another (Ad., p. 10). Отличие формы Future Indefinite от формы Future-in-the-Past заключается в том, что первая используется для описания закономерностей общего порядка, а вторая для частных случаев, отдельных ситуаций, как это имеет место в следующем примере: According to the Debye-Hückel theory, molecular solute *would behave* ideally and exhibit activity coefficient of unity at all ionic strengths (L., p. 13).

Способ изложения материала в научных текстах не всегда бывает единообразен. Описание может чередоваться с повествованием, с рассказом об этапах развития отдельных отраслей знания, теорий, об ученых, их открытиях и т. п. Естественно, что в этом случае используется в основном набор форм прошедшего времени. Однако повествование, в котором используются формы прошедшего времени, отличается от описания, содержащего те же формы, наличием временной относительности. А. И. Мороховский считает основным отличием прошедшего повествовательного от прошедшего описательного наличие соотнесенности с каким-либо определенным моментом в прошлом у первого и отсутствие соотнесенности с каким-либо определенным времененным моментом у второго¹⁰. Повествование характеризуется главным образом набором форм прошедшего времени, хотя в нем могут употребляться и формы настоящего или будущего времени. Основной характеристикой повествовательного текста является использование видовременных форм в соответствующих временных значениях, при этом используются все формы прошедшего времени. Можно сказать, что большинство наук представлено описательными текстами, часто включающими повествовательный материал, если речь идет об отдельных ученых, их открытиях, об этапах развития теории и т. д. В то же время ряд наук, например история, литературоведение и т. п., преимущественно создают повествовательные тексты с включениями описательного характера. Обобщающий характер этих включений выражается в использовании форм настоящего времени. Например: The King encamped on one bank, the barons were assembled at Runny-

¹⁰ А. И. Мороховский. О функциональном использовании форм простого прошедшего в современном английском языке. «Труды Узбекского ун-та», 1959, вып. 96.

mede on the other bank. The delegates met on an island between them... In the presence of this vast assembly the Great Charter was agreed to in one day... It was a confirmation of existing laws. John had been breaking the law for years. It was necessary therefore that the law should be made clear and set down in writing. The Charter is a very long document, and it goes carefully into details... The Charter examines the grievances of the people one by one and promises to redress them (BH, p. 71). Следующий пример взят из литературоведческого текста: The Brontës' and Mary Ann Evans's (George Eliot's) hiding of their sex had more than a single motive... Fiction, as such, was regarded by the innately puritan Victorians as a form of light-minded indulgence, however much it might in special instances be redeemed by genius or by the pressing of moral and social reflections. Certainly the writing of novels could not be recognized as a ladylike occupation. Далее следует общая оценка их произведений: Charlotte and Emily Brontë and George Eliot excellently requited the women of their period by writing novels which are more mature emotionally than any written by contemporary men. Emily Bronte's «Wuthering Heights» is, moreover, the paramount tragic novel in English; she, and Charlotte Brontë at her best, touch depths of passion beyond the reach of other mid-Victorian novelists; and George Eliot's Middlemarch displays an unsurpassed power of intellectual penetration (W., p. 189). Само собой разумеется, что рассуждения о фактах прошлого перемежаются ссылками, обращениями к читателю, прямыми или косвенными, которые также характеризуются своим набором видо-временных форм.

Включения описательного характера в повествовательном тексте могут быть двух разновидностей: общие и частные. Описания частного характера относятся к объектам того или иного периода в прошлом и, следовательно, имеют опосредованную временнью соотнесенность. Как и для описания частных фактов, ситуаций вне времени иного характера, в них, наряду с формами прошедшего времени (главным образом Past Indefinite), используется форма Future-in-the-Past для общей характеристики отдельных ситуаций, связанных с определенными условиями. Например: ...the country people were then, as now, honest, kindly people, thinking of their houses and crops, and how to feed hungry mouths. They loved singing and music.

Bede tells us that when the common people met together a harp was handed round, and English songs *would be sung* (BH, p. 48). Часть текста a harp was handed round представляет собой некое условие, из которого вытекает характеризующее подобную ситуацию следствие: English songs *would be sung*, переданное, соответственно, с помощью формы Future-in-the-Past. То же самое имеем в следующих примерах: The parish preists at that time were too often lazy, and the people flocked to hear the friars, who were fine preachers, and who *would* often *tell* stories and make jokes in their sermons to hold people's attention (BH, p. 78); The students lived at first in lodgings in the town. Then some of them *would join* together and *live* in a house which they called a Hall (BH, p. 79).

Противопоставление общего и частного наблюдается и в так называемом соблюдении (или нарушении) правила согласования времен в научных текстах. Как утверждают грамматики, в английском языке «глагол придаточного предложения передает действие в его отношении к действию главного предложения, а не как взятое самостоятельно»¹¹. Одноплановость действий во времени передается употреблением форм одного временного плана. Следовательно, если в главном предложении глагол имеет форму прошедшего времени, то в дополнительном придаточном предложении глагол также имеет форму прошедшего времени, если оба действия относятся к одному временному плану. Указывается, однако, что правило согласования времен нарушается, если в придаточном предложении излагается общеизвестная истина, выходящая за ограниченный временной план обычных высказываний. Е. А. Конюс¹², основываясь на мнении Б. А. Ильиша, явление нарушения согласования времен объясняет необходимостью выражения модальных оттенков высказывания. З. П. Гаркунова¹³ придерживается тех же взглядов, которые высказал в «Философии грамматики» О. Есперсен. Она считает, что согласования во

¹¹ В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык. М., 1956, стр. 111.

¹² Е. А. Конюс. К вопросу о согласовании времен в английском языке.— ВЯ, 1973, № 5.

¹³ З. П. Гаркунова. О так называемых исключениях в употреблении временных форм в дополнительных придаточных предложениях в современном английском языке. «Иностр. яз. в школе», 1958, № 2.

времени не происходит, если в придаточном предложении высказываются положения, считающиеся неоспоримыми. Согласование времен, наоборот, указывает на то, что высказываемые положения относятся только к упомянутому периоду времени. З. П. Гаркунова считает также, что действие глагола придаточного предложения может рассматриваться или по отношению к глаголу главного предложения, или по отношению к моменту речи. В первом случае имеет место согласование времен, во втором его может и не быть. И. П. Иванова¹⁴ также подчеркивает тот факт, что согласования времен может не быть, если действие придаточного предложения выходит за рамки времени главного. Перечисленные точки зрения высказывались и многими другими авторами и представляются обоснованными. Вместе с тем следует отметить, что в научных текстах согласование времен (или его отсутствие) является выражением противопоставления частного, единичного — общему, т. е. определяется потребностью выразить некоторые общие характеристики текста: ...almost 200 years elapsed before the significance of these observations was appreciated... There must have been reluctance to set aside the idea that the whole organism is the primary biological unit. In part, the prolonged failure of early microscopists to appreciate the significance of the cells they saw and described may have been due to the optical aberrations of the old microscopes... Schleiden demonstrated that plant embryos consist of single nucleated cells, that all plant cells are derived from pre-existing cells, and that the nucleus is involved in the formation of new cells. Thus Schleiden opposed the view held for centuries that cells arose by spontaneous generation from nonliving matter (D., p. 3). В приведенном отрывке, несмотря на общий контекст прошедшего времени, в придаточных предложениях используются то глаголы прошедшего времени, то глаголы настоящего времени. Внимательное чтение отрывка показывает, что формы настоящего времени используются во вневременном значении для характеристики общих положений, а формы прошедшего времени в части текста (the view held for centuries that cells arose by spontaneous generation from...) используются для характеристики частного, т. е. точки зрения, действительной

¹⁴ И. П. Иванова. Указ. соч., стр. 162, 168.

только для определенного отрезка времени. При этом противопоставление форм настоящего и прошедшего времени отражает именно противопоставление общего и частного, а не противопоставление истинного — не истинного как видно из следующего продолжения приведенного отрывка: Schwann *noted* that the cells of the notochord *were* all nucleated. He extended Schleiden's cell theory of animal cells... From his studies Schwann *concluded* that (1) plant and animal organisms *are* composed entirely of cells or substances produced by cells, (2) all cells *arise* from pre-existing cells... (Там же). Все высказанные здесь положения сохранили свою силу до сегодняшнего дня. Однако в первом предложении сказуемое придаточного имеет форму прошедшего времени, в последнем — настоящего. Это различие, как и в предыдущем отрывке, отражает противопоставление частного и общего. В первом случае о фактах, изложенных в придаточном предложении, сообщается как о частных наблюдениях ученого, во втором — как об общих положениях, вытекающих из его работ, безотносительно к тому времени, когда они были сформулированы. Можно привести и другие примеры согласования времен в тех случаях, когда высказываемые положения имеют характер «общих истин», но представлены как частная ситуация в прошлом: During an investigation of the relative radioactivities of various different minerals containing uranium, Madame Curie *made the discovery* that some *were* even more active than uranium itself. As the result of laborious work to isolate possible new chemicals, Professor and Madame Curie eventually (1898) *separated* two substances that they *named* plutonium and radium, which *were* very highly radioactive (Sp., p. 6). И наоборот, высказывания, ложность которых уже доказана, т. е. высказывания, соотнесенные по характеру своего содержания с временным планом прошлого, а не настоящего, формулируются с помощью глаголов настоящего времени, чем подчеркивается их общий вневременной характер в данном тексте, отсутствие соотнесенности с каким-либо временным планом вообще. Иллюстрацией этого является следующий пример: Many people *accept* statements as true because someone said they were. Others *believe* whatever any noted authority says is true. Aristotle *said* heavy objects *fall* faster than light ones. People simply accepted this, but Galileo's experiment with falling bodies *disproved* it (D. and Sh., p. 19). Здесь

часть текста имеет общий, вневременной характер. Говорится о том, что многие люди верят авторитетам, и, например, положение Аристотеля о падении тяжелых тел также было принято на веру. Обобщенный характер текста обуславливает и употребление формы настоящего времени во вневременном значении.

Итак, общий характер содержания текста и способа изложения материала обуславливает употребление разных наборов личных глагольных форм. Отличительной чертой научного текста является обобщенность содержащихся в нем положений. Степень обобщенности различна для разных способов изложения. Наибольшей степенью обобщенности обладает описательный текст. Содержание описаний чаще всего не связано вообще ни с каким временным планом. Содержание же текстов повествовательных обычно соотнесено с временным планом прошлого, хотя может соотноситься и с планом настоящего или будущего. Возможность связи повествовательного текста с различными временными планами диктует необходимость использования в нем всех разнообразных по содержанию временных форм. Различная степень обобщенности научного текста выражается также и в том, что одной из общих характеристик содержания научного текста является противопоставление общего частному,циальному, единичному. Эта особенность находит формальное выражение в использовании соответствующих наборов личных глагольных форм. Для первого члена противопоставления используются преимущественно формы Present Indefinite и Present Perfect действительного и страдательного залога, а также форма Future Indefinite. Преобладающей является форма Present Indefinite. Второй член противопоставления — частное, отдельное, единичное выражается с помощью набора форм Past Indefinite, Past Perfect действительного и страдательного залога, а также формы Future-in-the-Past. Преобладает в этом наборе форма Past Indefinite¹⁵.

¹⁵ Наблюдения о преимущественном употреблении отдельных видо-временных форм в научном тексте совпадают с результатами статистического анализа английского научного текста. См.: М. М. Глушко. Лингвистические особенности современного английского общенационального языка. АКД. М., 1970.— О преимущественном использовании форм настоящего времени в научных описательных текстах других языков см., например: М. Н. Кожина. Указ. соч.

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- Ad. — *E. D. Adrian.* Physical background of perception. Oxford, 1946.
BH — «British history». Ed. by W. S. Shears with M. Blatcher. London, 1954.
D. — *R. M. Dowben.* Cell biology. N. Y., 1971.
D. and Sh. — *J. C. Davis and R. W. Sharpe.* Science. N. Y., 1943.
KG — *K. F. Guthe.* The physiology of cells. N. Y., 1968.
L. — *H. A. Laitinen.* Chemical analysis. N. Y., 1960.
Sp. — *F. G. Spear.* Radiations and living cells. London, 1953.
W. — *A. C. Ward.* Illustrated history of English literature, v. III. London, 1955.

Е. А. ЗВЕРЕВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ПРОЗЕ

Научно-функциональный стиль речи дает интересный материал для анализа употребления форм сослагательного наклонения. Это объясняется тем, что в научной литературе значительное место уделяется изложению и обсуждению теорий и гипотез, которые еще нуждаются в подтверждении и могут вызывать сомнения. Вследствие этого язык научного функционального стиля отличается гипотетичностью высказывания, что в свою очередь определяет наличие в ней разных способов выражения оптативной и нереальной модальности, к числу которых относится и наклонение, являющееся, как известно, грамматическим способом выражения модальности.

Задача данной статьи ограничивается рассмотрением некоторых особенностей употребления аналитических форм сослагательного наклонения в современной английской научной литературе (Presentday British English), что не означает, однако, что синтетические формы сослагательного наклонения мало употребительны и поэтому не представляют интереса. В определенных синтаксических конструкциях они не только прочно удерживают

свои позиции, но даже обнаруживают большую частотность употребления в научной литературе за последние три десятилетия¹.

В статье будут рассмотрены аналитические формы сослагательного наклонения, различающиеся по лицам (с вспомогательным глаголом *should* для 1-го лица, *would* — для 2- и 3-го лица), часто называемые формами кондиционалис (формами условного наклонения), поскольку эти формы возникли в основном предложении нереального условного периода, заменив собой формы претерита конъюнктива².

Переходя к рассмотрению особенностей аналитической формы сослагательного наклонения (СН) в научной литературе, следует отметить два момента формального порядка. Во-первых, в связи с тем, что современный научный стиль характеризуется безличностью изложения, в нем сравнительно редко можно встретить примеры изложения материала от 1-го лица. Так, например, на 800 стр. исследованного материала встретилось 350 примеров употребления аналитической формы СН, из них лишь 26 примеров с личным местоимением 1-го лица, причем в 20 примерах местоимение 1-го лица употреблялось с вспомогательным глаголом *would* и лишь в 6 — с глаголом *should* (из них 3 раза в сочетании *I/we should like*), т. е. 1,7%. Таким образом, основной аналитической формой СН в английской научной литературе является форма с вспомогательным глаголом *would*.

Во-вторых, следует отметить преимущественное употребление формы СН с неперфектным инфинитивом. Форма с перфектным инфинитивом встретилась лишь 18 раз из 350, что составляет всего 5,1%. Интересно, что значительная часть случаев употребления формы СН с перфектным инфинитивом оказалась в текстах, представляющих собой воспоминания (*biographical tributes*) известных английских ученых о Джозефе Баркрофте, которые предпосланы статьям, прочитанным на конференции по гемо-

¹ См.: Е. А. Звергина. Употребление синтетических форм сослагательного наклонения в английской научной литературе. «Язык научной литературы». М., 1975.

² См.: K. Brunner. Die Englische Sprache, Bd II. Halle, 1951, стр. 293; Б. А. Ильин. История английского языка. М., 1958, стр. 339; В. Н. Ярцева. Историческая морфология английского языка. М.—Л., 1960, стр. 127.

глубину, проведенной в 1948 г. в Кембридже в память о Дж. Баркрофте. Эти воспоминания по своему жанру относятся к несколько иной разновидности научного стиля и стоят ближе к стилю художественной литературы, чем научные статьи или монографии. Поэтому, очевидно, надо признать закономерным тот факт, что форма СН с перфектным инфинитивом, употребительная в художественной литературе, встретилась именно в таком тексте. Вот некоторые из этих примеров: *We believe that the astonishing range of subjects comprised in this volume would have given the utmost delight to the late Sir Joseph Barcroft, ...* (Haemogl., p. X); *... and if he (Barcroft) had lived you would have seen him busy with isotopes and mass spectrographs, developing quite new lines and going in search of the latest techniques to employ them* (Haemogl., p. 3).

Наиболее сложным вопросом при рассмотрении форм СН вообще и аналитических форм в частности является вопрос о модальном значении, передаваемом этими формами. В формулировках основного значения аналитической формы СН у ряда авторов имеются общие моменты, но есть и некоторые расхождения. Т. К. Рушева, считающая эту форму условным наклонением, входящим в систему спряжения английского глагола наряду с изъявительным, повелительным и сослагательным наклонениями, приходит к заключению, что «условное наклонение характеризуется четким, абстрагированным значением обусловленной нереальности (маловероятности) действия...»³. Это значение, по мнению автора, стольочно прочно ассоциируется с этим наклонением, что нет необходимости в каком бы то ни было уточнении или раскрытии условия. По мнению Б. А. Ильиша, аналитическая форма СН выражает действие как обусловленное определенными условиями⁴.

По определению И. Б. Хлебниковой, форма кондиционалис (являющаяся одной из разновидностей СН) имеет грамматическое значение гипотетичности (проблематичности) действия с дополнительным оттенком обусловленности, «причем условие проблематичного действия, выражаемого формами кондиционалис, входит в его инвариантное значение, присутствующее в любом контексте, и

³ Т. К. Рушева. Условное наклонение в английском языке. М., 1955, стр. 12, 15.

⁴ Б. А. Ильиш. Современный английский язык. М., 1948, стр. 191.

может прымысливаться, если оно не находит материального выражения в ближайшем окружении». Далее И. Б. Хлебникова приводит примеры эксплицитного и имплицитного выражения условия. Значение условия выражено эксплицитно в придаточном предложении условного периода; частично-эксплицитно — посредством предложения, являющегося частью сложносочиненного предложения, вводимого союзами *but*, *or*, *otherwise* и др., сочетанием *if +* причастие II, которое может быть развернуто в условное предложение, и др.; и имплицитно — посредством членов предложения, которые не могут быть развернуты в условное предложение и которые отвечают на вопрос «при каких условиях» (*under the circumstances* и др.).

Однако, как указывает далее И. Б. Хлебникова, бывают случаи, когда условие не обозначено и не вытекает из контекста. Тогда сама форма кондиционалиса в большей степени сохраняет значение обусловленности и поэтому создает впечатление незаконченности мысли⁵.

Приведенные выводы сделаны авторами на основе исследования художественной английской и американской литературы XIX—XX вв. В связи с задачей, сформулированной в начале данной статьи, встает вопрос — какие выводы относительно значения аналитической формы СН с вспомогательными глаголами *should* и *would* (а для научной литературы в подавляющем большинстве случаев с глаголом *would*) можно сделать на основании исследования языка современной английской научной литературы.

Анализ исследованного материала показал, что, безусловно, и в научной литературе аналитическая форма СН достаточно часто употребляется в значении проблематичного предположения с оттенком обусловленности. Можно было бы привести большое количество примеров эксплицитного выражения условия в придаточных предложениях условного периода, но, очевидно, можно ограничиться лишь отдельными примерами, поскольку они достаточно часто встречаются и не нуждаются в иллюстрации: *But if the moon were at some 50% greater distance, tidal friction would fall to an almost negligible amount* (Proc. A Ser., 1967, v. 296, № 1446, p. 289); *This mode would not be*

⁵ И. Б. Хлебникова. Сослагательное наклонение в английском языке. Калинин, 1971, стр. 27, 61, 94—95, 98, 99.

obtained if the usual, frequency independent, form of the R. K. Y. potential were used (Proc. A Ser., 1967, v. 296, № 1447, p. 452); This form would be appropriate were the surface expanding, but it is clearly inappropriate here (Ph. Tr., A Ser., 1969, v. 264, № 1151, p. 336); The balls have been left out because the model we are looking at is so complicated that if they had been included the model would have been impossibly confusing (Kendrew, p. 47).

Примерами менее эксплицитного (частично эксплицитного) выражения условия осуществления или невозможности осуществления, нереального предположения могут, в частности, служить сочетания с союзом if или составным предлогом but for: *If correct*, this would imply that a third major primary process, such as internal conversion ($S_1 \rightarrow S_0$), is operative at least in non-polar solvents (Proc. A Ser., 1967, v. 296, № 1447, p. 435); The concept of value requires that the approach be a synthesis of the clinical and the scientific contributions which, if properly performed, would surely suggest quite new questions for the laboratory and the clinician to answer (Proc. B Ser., 1973, v. 184, № 1077, p. 368); Since thermal detection was used, calibration would be a simple matter but for one annoying difficulty (Proc. A Ser., 1967, v. 296, № 1447, p. 492).

Условие может быть выражено посредством сочетания предлогов by, with, without, on, in и др. с герундием или существительным. И. Б. Хлебникова называет такое выражение условия имплицитным, поскольку требуется более сложная мыслительная операция, чтобы вывести условие из такого члена предложения⁶. Такое имплицитное выражение условия можно проиллюстрировать следующими предложениями: *By using this principle we should be able to separate heavy DNA and light DNA — they would come to rest at different heights in the column* (Kendrew, p. 66). В данном случае, очевидно, рассуждать надо таким образом: *If we used this principle, we should be able...; While the speed of this type of system is not outstanding, it... can also be used to produce far more complex measurements than one would normally undertake without assistance* (Proc. B Ser., 1973, № 184, № 1077, p. 454), т. е. ... if one had no assistance; This means that in the living organism there must be some agent which speeds up the

⁶ И. Б. Хлебникова. Указ. соч., стр. 98.

reactions, makes them go faster than they would *in a test tube* (Kendrew, p. 29), т. е... *if they were in a test tube*.

В ряде случаев общий контекст, включающий не одно предложение, позволяет выявить условие. Следующий отрывок, например, представляет собой подпись к рисунку: A model of part of a tobacco mosaic virus particle... A model of the complete particle would be much longer, containing over 2,000 protein sub-units (Kendrew, Plate 46). Установление соотношения между словами *part* и *complete* позволяет вывести условие: *If it were a model of a complete particle...*

Для выявления условия контекст не обязательно должен быть однотипным; в нем может быть дана положительная или отрицательная оценка какого-то явления, может быть высказано какое-то предположение, и тогда условие связано с его принятием или отказом от него. Различные типы такого контекста можно проиллюстрировать следующими примерами:

Furthermore, it is no good having a higgledy-piggledy arrangement of a large number of molecules as in a liquid or a gas, because then each one would reflect the X-rays in different directions, and all the individual contributions would overlap and simply give a kind of diffuse scattering of the X-ray beam (Kendrew, p. 40). В начале предложения говорится о том, что плохо иметь беспорядочное расположение большого количества молекул, и из этой оценки выводится условие: *If the arrangement of a large number of molecules were higgledy-piggledy, then...*

In view of the problem of coping with the increasing number of e. c. g. s. (electrocardiograms. E. 3.), this technique is of importance since it means that the cardiologist would be capable of scrutinizing 320 automated e.c.g. reports in the time that he normally took to report 80 (Proc. B. Ser. 1973, v. 184, № 1077, p. 465). В этом предложении подчеркивается значение данной методики, и на основании этого можно вывести условие осуществления проблематичного предположения: *If this technique were used...*

Think of amino acid, or its equivalent triplet of bases, as a word. Then a protein molecule, containing a few hundred amino acids, would be roughly equivalent to a paragraph in the book (Kendrew, p. 102). В этом предложении предлагается принять аминокислоту за слово и далее говорится о том, чем была бы молекула белка при этом условии,

которое можно было бы сформулировать следующим образом: If amino acid were thought of as a word, then...

Однако, как показывает анализ научного текста, предложения с аналитической формой СН, в которых тем или иным способом выражено условие, даже если его приходится выводить, как это было сделано в последней группе примеров, составляют примерно 42% от всех предложений с этой формой. В остальных предложениях условие никак не выражено, и в значении самой формы трудно обнаружить оттенок условия. В этой связи можно сослаться на О. Есперсена, который, рассматривая употребление глагола *would* в качестве вспомогательного в главной части предложения отвергаемого условия, отмечает, что часто условие не выражено, и его трудно себе представить, например, в предложении: who *would have thought it?* (Doyle)⁷.

Примеры, иллюстрирующие употребление аналитической формы СН, имеющей значение проблематичного предположения без оттенка обусловленности, можно встретить и в научном тексте: So in practice atoms often behave almost as if they were as solid as billiard balls, and a more realistic way of representing the water molecule *would be* the model shown in Plate 5 (Kendrew, p. 25) '...(вероятно) была бы модель, изображенная на фото 5'. However, *Escherichia coli* and other organisms can remain viable for some time near former human habitations. The same *would apply* to cysts or spores of pathogens... (Ph. Tr. B. Ser., 1967, v. 252, № 777, p. 212). 'То же самое, вероятно, применимо к цистам или спорам патогенных микробов...'. Если при отсутствии выражения условия в контексте сама форма СН этого условия не выражает, то неизбежно напрашивается вывод, что аналитическая форма СН с вспомогательными глаголами *should* и *would* в современном английском языке не содержит в своем грамматическом значении оттенка обусловленности, а передает более абстрагированное значение проблематичного предположения, свойственное сослагательному наклонению вообще. Оттенки этого общего значения проблематичного предположения могут уточняться контекстом. Очень часто форма СН в значении проблематичного предположе-

⁷ O. Jespersen. A modern English grammar, v. IV. Copenhagen—London, 1949, стр. 312, 317.

ния встречается в дополнительных придаточных предложениях, вводимых глаголами, имеющими значение 'полагать', 'предполагать', 'ожидать' и т. п.: The calculations of Zhevakin and Naumov suggest that measurements in the range 30-300 μ m *would also be possible* from this station (Ph. Tr. A. Ser., 1969, v. 264, № 1150, p. 204); Personally I do not think there is any evidence of such a boundary, of any difference in essence between the living and the non-living, and I think most molecular biologists *would share* this view (Kendrew, p. 91); Various data suggest that a suitable model of the solar wind *would be* a fully ionized plasma with a particle density of 1 to 10 cm^{-3} streaming with a velocity of about $3 \times 10^7 \text{ cm/s}$ with a magnetic field of about 1γ (Proc. A Ser., 1967, v. 296, № 1446, p. 327).

Столь же часто форме СН, выражающей проблематичное предположение, сопутствуют наречия *probably*, *presumably*, прилагательные *probable* (*un*)*likely* в составном сказуемом и др., уточняющие степень обоснованности или необоснованности данного предположения: It is easy to think of a few examples which *would probably be* in every biologist's list (Kendrew, p. 108); The Amundsen-Scott base at the South Pole *would probably be* an ideal site for the experiment (Ph. Tr. A Ser., 1969, v. 264, № 1150, p. 304); *It is most unlikely that $\delta + \beta$ would ever become negative in practice* (Proc., A Ser., 1967, v. 296, № 1447, p. 542); *It may be* that some of the less efficient, but more abundant, classes *would actually contribute* more to the total effect (Proc. A Ser., 1967, v. 296, № 1446, p. 343).

Иногда в значении предположения, передаваемом аналитической формой СН, можно отметить оттенок возможности или вероятности с некоторой долей долженствования: It seems safe to assume that reflecting optics *would be used* in any very large instrument (Ph. Tr., A Ser., 1969, v. 264, № 1150, p. 314) «...могла бы использоваться...»; It is thought that a wider audience *would nevertheless be interested* in this beginning, so a published version of the meeting is being produced (Proc., B Ser., 1973, v. 184, № 1077, p. 349) «...могла бы заинтересоваться этим начинанием...». Интересно отметить, что оттенок возможности чаще всего присутствует в значении формы СН в тех случаях, когда она употребляется в определительном придаточном предложении: So it was very

important to devise some kind of crucial experiment which would test the hypothesis (Kendrew, p. 64) ‘...который мог бы служить проверкой...’; A geometry was therefore sought in which symmetry would ensure that this criterion must be met (Proc. A Ser., 1967, v. 296, № 1447, p. 551) ‘...в которой симметрия могла бы обеспечить...’; It seems beyond doubt that many normal blood specimens do contain minute traces of ferrihaemoglobin. This, however, does not show the tendency to disappear that one would expect from the work of Gibson, ... (Haemogl., p. 238) ‘...которую можно было бы ожидать...’. Надо сказать однако, что аналитическая форма СН от глагола expect, как правило, имеет оттенок значения возможности, независимо от того, в каком типе предложения эта форма употреблена: Furthermore, the zonal winds are in better agreements than the meridional, as we would expect (Ph. Tr. A Ser., 1972, v. 271, № 1218, p. 635) ‘...как можно было бы ожидать’. Здесь форма СН в вводном предложении.

Большую степень вероятности, граничащую с необходимостью, можно заметить в следующих примерах употребления формы СН: It turns out that it is quite easy — ... — to calculate from the structure of a crystal what X-ray pattern it would produce (Kendrew, p. 42). ‘...какую рентгенограмму он дал бы (должен был бы дать)’; It is useless to look at a single molecule with X-rays; the molecule is so small that the reflections of the X-rays from it would be much too weak to detect (Kendrew, p. 40). ‘Отражение... было бы (должно было бы быть) слишком слабым, чтобы его можно было различить’.

Наряду с предложениями, в которых форма СН имеет значение проблематичного предположения, иногда с дополнительными модальными оттенками, можно выделить предложения, в которых значение проблематичного предположения в значительной степени ослабляется, и форма СН начинает употребляться в значении, которое можно было бы назвать значением неокончательности. Неокончательность предположения или суждения, какими бы обоснованными они ни были, как бы оставляет говорящему возможность для внесения каких-то поправок или даже отказа от этого суждения. В результате форма СН начинает служить тому, чтобы сделать высказывание менее прямолинейным, менее категоричным, более осторожным. Такое употребление форм СН является одной

из особенностей научного стиля. Конечно, можно встретить достаточное количество примеров, в которых трудно провести четкую грань между значением предположения, в особенности в сочетании с оттенком возможности, и значением неокончательности (суждения): *The reefs, unless faulted, may be at least 300 m thick, which would imply growth since the late Tertiary* (Ph. Tr. B Ser., 1969, v. 255, № 800, p. 401). Если попытаться перевести это предложение на русский язык, очевидно, перевод формы *would imply* русским сослагательным наклонением был бы неудачен, не соответствовал бы нормам русского языка; более удачным был бы перевод посредством модального глагола 'мочь': '...может означать...', '...мог бы означать...'; *The very small conductivity predicted above for the outer layers of the Moon would mean that only small currents flow through the lunar surface* (Proc., A Ser., 1967, v. 296, № 1446, p. 324). Здесь нет сомнения в справедливости сделанного предположения, и форма *would* служит лишь тому, чтобы сделать высказывание менее прямолинейным. В предложении *All this would suggest that the nauplii in Lake George probably require particles less than 10 µm in diameter* (Proc. B Ser., 1973, v. 184, № 1076, p. 281) форма *would suggest* также употребляется для смягчения высказывания и, очевидно, при переводе соответствовала бы сочетанию «позволяет предположить».

Часто форма СН употребляется в данном значении с подлежащим в форме 1-го лица или просто в высказывании от 1-го лица, так как в научной речи, ведущейся от 1-го лица, тенденция к непрямолинейным, более осторожным формулировкам особенно сильна: *I would find it very hard to explain just how they (Watson and Crick) did solve it (the structure of DNA)* (Kendrew, p. 61); *I have felt for some time that myoglobin would be a subject of particular interest for X-ray study* (Haemogl., p. 149); *I would suggest that it is a book which gives an integration of physiology of such a kind that it ought to be read by everybody who is going into experimental work in physiology* (Haemogl., p. 12). В эту же группу попадают сочетания *should (would) like*: *Another problem we would all like to solve is that of cancer* (Kendrew, p. 109).

Той же цели служит частое употребление формы СН глаголов *seem* и *appear* в разных грамматических конструкциях, которые в еще большей степени придают выс-

казыванию оттенок неокончательности: Frequency scaling experiments... demonstrate that the dR/dH peak shifts to higher fields as the frequency goes up, so it *would seem* that (5.2) is qualitatively correct (Proc. A Ser., 1967, v. 296, № 1447, p. 495); The data from air glow analysis... *would seem to agree* with the heating rates and response times derived from satellite observations (Ph. Tr., A Ser., 1972, v. 271, № 1217, p. 569); At 200 km altitude, from a smaller data sample the isotherm distribution *would appear to be similar* (Ph. Tr., A Ser., 1972, v. 271, № 1217, p. 570).

Такое же значение имеет форма СН глагола *be* в составном сказуемом с прилагательными и существительными оценочного характера в функции предикативного члена. Наиболее употребительными прилагательными при этом являются: interesting, useful, necessary, reasonable, easy, desirable; существительные в сочетании с предлогом *of*: of interest, of value и др. Посредством сочетания аналитической формы СН с такими прилагательными дается совет, указание, оценка или высказывается пожелание в смягченной форме: A much more detailed study *would be necessary* to establish the precise features of the protein structure which control immunological specificity (Haemogl., p. 122); *It would be desirable* to extend the observations by improving still further the spectral resolution and intensity accuracy ... (Ph. Tr., A Ser., 1969, v. 264, № 1150, p. 313); Such an instrument *would be of immense value* in advancing man's ability to observe the Universe in which he lives (Ph. Tr., A Ser., 1969, v. 264, № 1150, p. 316).

Необходимость в смягченной форме может быть выражена также глаголом *have* в форме СН с последующим инфинитивом: Because the ratio of inducing to induced field is so large one *would have to be extremely confident* of the form of the inducing field to unambiguously detect the induction effects with one or two magnetometers (Proc. A Ser., 1967, v. 296 № 1446, p. 326)⁸.

Примеры, в которых форма СН с вспомогательными глаголами *would*, *should* имеет значение неокончательности и употребляется с целью сделать высказывание менее прямолинейным, составляют довольно большой процент от всех других случаев употребления данной формы СН

⁸ Об употреблении с оттенком смягчения форм модальных глаголов could вместо can, would вместо will, might вместо may см.: O. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 313.

(примерно 23%). Затруднения, которые иногда встречаются при переводе формы СН в данном значении на русский язык, заставляют предположить, что в английской научной литературе СН употребляется чаще и несколько иначе, чем в русской, поскольку при переводе английского СН приходится прибегать к языковым средствам, иным, чем формы СН. Сопоставление английского оригинала книги *J. C. Kendrew. The Thread of Life* и ее перевода на русский язык⁹ подтверждает это предположение. В подлиннике форма СН (преимущественно с глаголом *would*) употреблена 81 раз, в переводе — 9; 3 раза форма СН переведена посредством ‘мог бы’, ‘могли бы’, 1 раз — посредством ‘могли’, 5 раз — глаголом ‘должен’, 1 раз — посредством ‘следует’. В 62 случаях форма СН переведена индикативом, причем значительная часть случаев перевода индикативом падает как раз на примеры употребления формы СН для смягчения высказывания, например: *The correspondence between points on the chromosomes and features of external appearance of the organism — between genotype and phenotype as the geneticist would put it — can be expressed in the form of a so-called chromosome map, ...* (Kendrew, p. 53) «... как говорят генетики,...» *That is what the theory would predict* (Kendrew, p. 66) «Вот что предсказывает теория»¹⁰. Даже если сделать поправку на индивидуальность языка переводчика, все же приведенные цифры могут подтвердить большую частотность употребления форм СН в английском научном тексте по сравнению с русским.

В данной статье была сделана попытка определить на материале современной английской научной прозы значение аналитической формы СН с вспомогательными глаголами *would*, *should*. Анализ исследованного материала позволяет заключить, что основным значением формы СН в современном английском языке является значение проблематичного предложения. Оттенок обусловленности проблематичного предложения выявляется лишь тогда, когда он выражен или может быть выведен из контекста. Чем объяснить, что форма СН, получившая название кондиционалис или условное наклонение, поскольку при своем возникновении она передавала значение

⁹ J. C. Kendrew. *The thread of life*. Cambridge, Mass., 1966.

Дж. Кендрью. Нить жизни. М., 1968. Пер. В. В. Борисова.

¹⁰ Там же, стр. 59, 72.

ние обусловленного проблематичного предположения, сохранила в качестве основного значения значение проблематичного предположения? Аналитическая форма СН начала употребляться в среднеанглийский период в главной части условного периода для обозначения обусловленного проблематичного предположения, и это значение закрепилось за ней как основное грамматическое значение. В дальнейшем в связи с тем, что форма претерита конъюнктива совпала с формой претерита идикатива, новая аналитическая форма стала основным средством выражения нереального предположения и стала употребляться не только в главном предложении условного периода, но и в других типах предложений в соответствии с коммуникативным заданием говорящего — выразить нереальное предположение. В современном английском языке аналитическая форма СН употребляется почти в любом типе предложения: в простом, сложносочиненном, в главной части сложноподчиненного предложения почти с любым придаточным, почти во всех придаточных предложениях и в вводном предложении. В просмотренном материале форма СН с глаголами *should*, *would* не встретилась лишь в главной части сложноподчиненного предложения с придаточным предложением цели и в самом придаточном предложении цели. Чаще всего данная форма встречалась в простом предложении, затем в придаточном определительном, главном предложении условного периода, сложносочиненном предложении; реже всего в главном предложении с придаточным в функции предикативного члена, следствия, уступительном и в придаточных предложениях образа действия, уступительном, сравнительном. Можно предположить, что возможность употребления формы СН практически в любом типе предложения не могла не сказаться на ее грамматическом значении. С одной стороны, эта форма стала употребляться не только в таких синтаксических конструкциях, в которых оттенок значения обусловленности подкреплялся синтаксическими и лексическими единицами, выражавшими условие. С другой стороны, оказавшись в новых синтаксических конструкциях, форма СН стала подвергаться в какой-то мере их воздействию. Так, например, в придаточном дополнительном предложении форма СН могла испытать на себе влияние таких наиболее употребительных в сочетании с формой СН в придаточном

дополнительном предложении вводящих глаголов, как глаголы *suggest*, *assume*, *think*, *predict*, *expect*, *find*, уточняющих значение проблематичного предположения. Очень четко проявляется модальный оттенок возможности в значении формы СН при ее употреблении в придаточном определительном предложении, как это можно видеть по приведенным выше примерам. Все эти факторы должны были содействовать постепенному стиранию оттенка обусловленности в значении формы СН¹¹.

Приведенные выше примеры употребления формы СН для смягчения категоричности высказывания, характерного для научного стиля речи, но, очевидно, встречающиеся и в разговорной речи, свидетельствуют о том, что и в современном английском языке в определенных условиях происходит стирание значения предположения до оттенка значения, который можно было бы назвать значением неокончательности (суждения).

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- Haemogl. — «Haemoglobin.» Ed. F. J. W. Boughton and J. C. Kendrew. London, 1949.
- Kendrew — *J. C. Kendrew. The thread of life.* Cambridge, Massachusetts, 1966.
- Ph. Tr. — «Philosophical Transactions of the Royal Society of London», A Series — 1969, v. 264, № 1150, 1151; 1972, v. 271, № 1217, 1218; B Series — 1967, v. 252, N 177; 1969, v. 255, № 800.
- Proc. — «Proceedings of the Royal Society of London». A Series — 1967, v. 296, № 1446, 1447; B Series — 1973, v. 184, № 1077.

¹¹ Аналогичный процесс, по-видимому, происходил в немецком языке, где кондиционалис, возникший как условное наклонение, постепенно лишился отчетливого грамматического значения и превратился в синоним старых конъюнктивных форм. См.: *Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Историческая морфология немецкого языка.* Л., 1968, стр. 229.— Г. Бринкман рассматривает сочетание *würde sagen* среди форм конъюнктивива и считает, что оно употребляется тогда, когда конъюнктив II должен иметь четкое выражение, и передает значение воображаемого предвосхищения (*imaginative Vorwegnahme*) см.: *H. Brinkmann. Die Deutsche Sprache.* Düsseldorf, 1971, стр. 371, 379,

СИНОНИМИЧЕСКАЯ КОРРЕЛЯЦИЯ
ГЛАГОЛЬНЫХ И НОМИНАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
СОСТОЯНИЯ
(на материале английской научной прозы)

Объектом наших наблюдений в плане системного описания синтаксиса являются структурно-семантические модели глагольных и номинальных предложений состояния в современном английском языке.

Предложения состояния в современном английском языке — наименее исследованная часть синтаксиса. Определение структурно-семантических характеристик различных моделей предложений состояния и характера их синонимической корреляции представляет интерес в разных сферах употребления, в том числе и в синтаксисе научной прозы со свойственной ему тенденцией к номинализации и экспансии имени, проявляющейся в возрастающем удельном весе отглагольных существительных, на которые переносится основная коммуникативная нагрузка.

Взаимоотношения имени и глагола, их функционально-семантическое сближение в структурах предикатии заслуживает внимания в плане сопоставления степени и качества информативной нагрузки глагольных и номинальных структур, реализации этих моделей и их роли в грамматической организации текста научной прозы. В регулярной реализации глагольных и номинальных структур прослеживаем их синонимическую соотносительность, обусловленную не только стилистическими факторами. Модели номинальных предложений разграничиваются не только по составу и морфологической спецификации компонентов, но и по допустимости различных видов трансформации. Трансформационные преобразования позволяют установить наличие в них общего или разного информативного содержания. Отглагольные существительные, этимологически связанные с глаголами, не всегда образуют словосочетания, которые повторяют соответствующую им модель и характер отношений, свойственных глагольным конструкциям, так как действие словаобразовательного фактора осложняется не только действием

законов и правил грамматики, но и семантическими факторами. Замена глагольных структур номинальными создает широкие возможности аспектно-видовой и залоговой модификации, восполняющей недостаточность глагольной системы. Факторами, обусловливающими употребление номинальных моделей, нередко являются отсутствие глагола соответствующей семантики или неупотребительность глагола в соответствующем сочетании.

Употребление фразового глагола нередко диктуется грамматической организацией предложения и связью его с содержанием предыдущего высказывания. Использование именной конденсации позволяет в таких случаях устранить избыточность языковых средств. Ср., например: *At rest, the glycogen content of the muscle samples averaged 48-mole glucose units; At exhaustion the 56% of the fibres were negative; Under illumination of the samples, two carrier flows passing across the barrier arise in the sample* (Solid State Electronics).

Описание информативного содержания структурных схем номинальных предложений не может быть полным без учета организующей роли лексики в построении этих синтаксических структур. Грамматические и лексические формы и значения здесь органически связаны, соотносительны и взаимообусловлены.

Глагольные и номинальные типы предложений образуют в функциональном синтаксисе языка перифрастические ряды, ситуативно равнозначные друг другу, представляя собой структуры, описывающие одно и то же явление действительности в разных направлениях. В грамматической организации этих соотносящихся единиц обращают на себя внимание конверсиные отношения, проявляющиеся также и в различии логического выделения того или иного семантического элемента. Такие конверсивы связаны прежде всего со способом осмыслиения говорящим данной ситуации, сама ситуация при этом остается неизменной.

В синонимической корреляции глагольных и номинальных структур мы выделяем:

1) грамматическую трансформацию «актив — пассив». Предложение в активе представлено структурной схемой с существительным в позиции грамматического субъекта: *Inelastic scattered proton excited a target from a ground 0 + to an excited 2 + state → A target was excited by*

inelastic scattered proton from...; We *cooled* the samples after heat treatment → After heat treatment the samples were *cooled*;

2) лексико-грамматическую períфразу «простой глагол — фразовый глагол»: Current *rose suddenly* due to the instant of breakdown in the applied pulse wave-form → The instant of breakdown in the applied pulse wave-form *gave a sudden rise* in current (Solid-State Electronics);

3) лексико-грамматическую períфразу «простой глагол — предложно-именное сочетание»: The sample *was irradiated* from heating → Small holes in the glass tube permit to prevent the sample *under irradiation* from heating (Radiation Research); During an avalanche, the trap equilibrium *is disturbed* → *is in disturbance* (Chemical Engineering Science); Excess current appears usually when it *is strongly illuminated* → Excess current appears usually *under sufficiently strong illumination* (Solid-State Electronics); The long-lived emission spectrum was measured when it *was strongly excited* → The long-lived emission spectrum was measured *under strong excitation* (Там же).

Ср. и трехчленный синонимический ряд структур предикации: When specimens *were heated* in the same way... → → When specimens *received the same heat treatment*... → Under the same heat treatment specimens were mounted on a single glass slide (Solid-State Electronics) (личный глагол → фразовый глагол → предложно-именное сочетание).

Характерным типом синтаксических структур, широко распространенным в современном английском языке, являются словосочетания, компоненты которых объединяются какими-либо служебными элементами, в первую очередь предлогом¹. Таковы по своей лингвистической сущности рассматриваемые нами структуры с предложно-именными сочетаниями, имеющими значение состояния.

Господствующим в смысловом отношении компонентом структур предикации типа to be under heat, to be at rest, to be at exhaustion является предложный оборот, функция же лексически ослабленного глагола сводится к роли связки. Поэтому хотя формально предложно-именное сочетание употребляется при глаголе, относится оно не к глаголу, а посредством глагола к подлежащему. Отвлеченноe значение существительного способствует

¹ См.: В. Н. Ирицса. Исторический синтаксис английского языка. М., 1961.

включению сочетания в состав сказуемого. Таким образом, синтаксическая роль предложно-именных сочетаний в этих случаях определяется взаимосвязью семантики предложно-именных сочетаний и глаголов.

Основной функцией предлога является передача отношений между членами предложения. Употребляясь в качестве средства связи знаменательных слов в предложении, предлог связан с каждым из них и, следовательно, может оказывать воздействие как на зависящий член, так и на тот член, от которого зависит предложное сочетание. Степень связности предлога с тем или иным членом может варьироваться, поскольку «предлоги нередко образуют в сочетаниях с существительными обособленную синтагму, которая обнаруживает известную самостоятельность и только примыкает к другим членам предложения»². Это в полной мере относится к предикативному употреблению предложно-именных сочетаний со значением состояния в языке научной прозы современного английского языка. Исследуемые структуры в силу заложенной в них потенциальной возможности служить средством передачи содержания, а в некоторых случаях и существенного обогащения всего содержания высказывания представляют интерес в плане лексического наполнения отдельных схем и коммуникативной их реализации в различных условиях функционирования.

Анализ лексического состава данных типов предложений позволяет установить связи глаголов и именных предикативных членов как базисных компонентов в структуре предложений с различными формами зависимых слов, а также определить тематические группы слов, выражающих состояние, статическую или динамическую его характеристику, оценку состояния.

В номинальных предложениях может содержаться скрытая информация, обусловленная валентностными связями абстрактных существительных различной семантики, сочетаемостью с атрибутом и возможностью интенсификации значения. Основная особенность отглагольных существительных — их двойственная природа, проявляющаяся в сочетании глагольных и именных признаков.

Главные компоненты глагольных и номинальных структур соотносятся по трансформации V — N и объединены общностью семантического содержания (способ-

² Б. Н. Аксененко. Предлоги английского языка. М., 1956.

ность обозначать действие и в его временном протекании, и как понятие опредмеченное в существительном). Процесс конкретизации значений и развития вторичных предметных значений в отглагольных существительных всех типов весьма активен. Это относится и к языку научной прозы. Нередки случаи, когда сочетаемость имени шире и многообразнее сочетаемости соответствующего глагола. Обозначая действие или состояние, отглагольные существительные благодаря своей именной форме имеют более законченное значение, чем соответствующий глагол.

Проведенный анализ позволяет сделать выводы:

1. Структура глагольных предложений состояния определяется семантикой глаголов, связанной и с грамматической категорией переходности и с залоговыми значениями, которые не всегда сохраняются у соотносительных существительных. Поэтому синтаксические связи отглагольных существительных отличаются от синтаксических связей производящих глаголов.

2. Образование номинативов однотипных с глагольными обусловлено семантической общностью слов, словообразовательно связанных между собой.

Регулярная реализация моделей предложений состояния и их структурное разнообразие, заключающееся в различных способах свободного распространения компонентов, обусловлены действующими в английском языке закономерностями словосочетания.

Лингвистическая реальность свидетельствует о том, что между формой и семантикой предложения не существует однозначных соответствий. Это проявляется, с одной стороны, в том, что содержание предложений, отражающих различные моменты объективной действительности, может быть выражено одной структурно-семантической моделью. С другой стороны, одно и то же содержание может быть выражено несколькими синтаксическими моделями. Различия в информативном содержании моделей, имеющих одно и то же значение, носят регулярный характер. Дифференциация оттенков основного категориального значения состояния, выражаемая различными моделями предложения (особенно конверсивами), может быть описана с помощью стандартных правил семантических преобразований. Совокупность таких форм сходной семантики образует своего рода семантическую парадигму данного значения.

К ВОПРОСУ ОБ ОДНОЙ ИНВЕРСИИ

В настоящее время различные виды инверсионных структур в английском языке изучены довольно основательно¹. Имеются отдельные работы и по уступительным предложениям². Однако вне поля зрения исследователей осталась одна разновидность уступительного предложения — с инверсией, типа *Dark as it was it did not prevent him from going on with the test*. В уступительном придаточном с инверсией за смысловой частью сказуемого — прилагательным или причастием II (P) следует союз *as* или *though* + личное местоимение (*it, he, she, they* и т. д.) + связочный или вспомогательный глагол *be*³. Формула этой конструкции может быть представлена в следующем виде: (P + as + it is).

Конструкция (P + as + it is) встречается в различных речевых стилях, в том числе в научном. Она входит в номенклатуру грамматических трудностей, знание которых необходимо для чтения научной литературы. А в то же время по существу остается неясным, в чем ее отличие от неинвертированного придаточного уступительного с союзом *though* (*although*) в отношении семантики и дистрибуции. В большинстве руководств по грамматике и грамматических справочниках эта конструкция вообще не отмечается⁴, при этом союз *as* без всяких оговорок и примеров перечисляется в одном ряду с исконно уступительными союзами *though, although, even though*⁵. А там⁶,

¹ А. Л. Пумпянский. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. Л., 1974; А. Н. Дмитриев. Конструкции с обратным порядком слов в современном английском языке. КД. М., 1964; В. Е. Шевякова. Функциональная направленность инверсионных структур английского языка. «Иностр. языки в школе», 1974, № 5, и др.

² А. Ф. Михалев. Сложные предложения с уступительным значением в современном английском языке. КД. М., 1957; И. М. Богданова. Итонационная структура сложноподчиненных предложений с уступительным придаточным в современном английском языке. КД. М., 1975.

³ Вместо глагола *be* может стоять глагол *may* (*might*). Ср.: *Strange as it may seem, sulfur dioxide may act as a reducing agent*.

⁴ R. W. Pence. A grammar of present day English. N. Y., 1947.

⁵ В. Л. Каушанская, Р. Л. Ковнер и др. Грамматика английского языка. Л., 1963.

⁶ B. Ilyish. The structure of modern English. Л., 1961,

где она все же констатирована, отсутствуют какие-либо пояснения относительно ее дистрибуции и перевода. Некоторое внимание уделяется конструкции (*P + as + it is*) в пособиях для чтения научной литературы⁷. Но в них она без достаточной аргументации причисляется к разряду эмфатических, а рекомендуемые варианты перевода *как ни, как бы ни* не всегда могут быть использованы.

Наблюдение над конструкцией (*P + as + it is*) и неинвертированным уступительным придаточным с союзом *though* (*although*) позволили выявить следующие закономерности в их дистрибуции.

Неинвертированное придаточное употребляется с глагольным сказуемым (т. е. когда что-то совершается — не совершается вопреки какому-то действию), тогда как конструкция (*P + as + it is*) используется только с составным именным сказуемым (т. е. когда что-то совершается — не совершается вопреки какому-то качеству, свойству). Ср.:

Неинвертированное придаточное: *Though this representation was made long ago it still seems to be more reasonable than the new one* (J. Blade); *Though they discussed electrical conductivity they referred to other issues as well* (R. West).

Конструкция (*P + as + it is*): *Old as it was, the manuscript was carefully studied* (J. Wright); *Important as such drives may be, they do not seem sufficient to explain the complex phenomenon of differential role performance* (N. Bright); *Clever as he was, he did not grasp the idea* (M. West).

Следует отметить, что условием употребления конструкции (*P + as + it is*) является не только наличие составного именного сказуемого в придаточном предложении, но и одного и того же субъекта-деятеля в главном и придаточном. Ср. в вышеприведенных примерах: *old as it was, the manuscript...*, *important as such drives may be, they...*, *clever as he was, he...* Если же в главном и придаточном предложениях разные субъекты-деятели, то упо-

⁷ Т. Н. Михельсон, Н. В. Успенская. Сборник упражнений по основным разделам грамматики английского языка. Л., 1967, стр. 154; Е. С. Савинова, Г. М. Улицкая, А. И. Черная. Грамматические трудности при переводе английской научной литературы. М., 1963, стр. 147.

требляется неинвертированное придаточное с though. Ср.: *Although you are a doctor, I shall not take your advice* (A. Cronin); *Though it was difficult, the author determined to illustrate the volume with his own hand* (J. Miser); *Though this representation is crude it is shown that it is more sensitive to transient calculations* (J. Guillermont).

Именно неинвертированное придаточное с though, а не оборот (*P + as + it is*) употребляется также в эллиптическом придаточном с опущенным подлежащим и при наличии в придаточном отрицания. Ср.: *Though concise, the dictionary was of great use* (B. Johnson).

Различие между конструкцией (*P + as + it is*) и неинвертированным уступительным придаточным наблюдается и в позиционном отношении. Неинвертированное придаточное может находиться в препозиции, интерпозиции и постпозиции по отношению к главному предложению. Ср.:

1. *Though this representation is crude it is shown that it is more sensitive to transient calculations* (I. Guillermont).

2. *In oldest English, nouns in the genitive were often, though not always, used adverbially* (George. O. Curme).

3. *Passive force is now often imparted to the objective predicate here, although originally this was impossible* (George. O. Curme). Инвертированное придаточное типа (*P + + as + it is*), как правило, находится только в препозиции по отношению к главному предложению. Ср.:

1. *Improbable as it seems, the accidental formation of a complex organic molecule required probably only a few hundred million years.*

2. *Strange as it may seem, the theory of numbers can be called an empirical or even an experimental science.*

Что касается приписываемой конструкции (*P + as + + it is*) особой эмфатичности за счет фразоначального положения смысловой части сказуемого, то этот тезис представляется недостаточно аргументированным и прежде всего опровергается этимологией самой конструкции. Согласно исследованиям Дж. Керма⁸, рассматриваемая конструкция является усеченным вариантом сопоставительно-сравнительного оборота *as...as* или *so...as* (этим,

⁸ G. O. Curme. A grammar of the English language. N. Y., 1931, стр. 334.

по-видимому, объясняется употребление этой конструкции только с составным именным сказуемым, причем преимущественно с качественным прилагательным в роли предикативного члена). Ср.: *Bad as he is, he has some good points* и в старом варианте: *As (so) bad as he is, he has some good points* (G. O. Curme). Интересно, что полная форма с *as...as* встречается в уступительных предложениях и современной научной речи. Ср.: ‘Any utterance can be fully described in terms of lexical and grammatical forms. But *as attractive as it may seem*, this division into clearcut categories does not cope with historical reality’⁹. Таким образом, в первоначальном варианте именная часть сказуемого фразоначального положения не занимала. Кроме того, уже доказано, что фразоначальное положение в предложении отнюдь не является универсальным способом смыслового выделения¹⁰, как это принято считать в германистике. Ср., например, фразоначальное обстоятельство места в конструкции с вводным *there* (*In the English language there are several dialects*), фразоначальное обстоятельство места в конструкции с опущенным *there* (*In this topic lay two basic questions*), фразоначальное сказуемое с обстоятельством места в конструкции с двойной инверсией (*Closely connected with this problem is the theory of probability*), являющихся носителем данного, а не нового (смысловым центром — носителем нового является в этих конструкциях фразоконечное подлежащее¹¹). Ср. также фразоначальное дополнение *to these principal parts of the sentence* во втором предложении: *Cooper mentions three parts of the sentence. To these three principal parts of the sentence various dependent parts are added* (J. Bright).

Не подтверждается выделенность фразоначального сказуемого в конструкции (*P + as + it is*) и интонаци-

⁹ B. Saint-Jacques. The quest for a scientific study of language. «Word», 1967, v. 23, № 1-3, стр. 478.

¹⁰ См.: O. Jespersen. Essentials of English grammar. London, 1943, стр. 99—100; H. Poutsma. A grammar of late modern English, 1. Noordhoof, 1928; J. Nesfield. Manual of English grammar and composition. London, 1928, стр. 137; B. Е. Шевякова. Актуальное членение английского повествовательного предложения.—ВЯ, 1973, № 3.

¹¹ B. Е. Шевякова. Учет логических категорий при переводе с английского языка на русский. «Особенности языка научной литературы». М., 1960.

онным фактором, ибо логическое ударение с терминальным переломом в движении голосового тона (т. е. с завершающим повышением или понижением) осуществляется на последнем элементе придаточного (*P + as + it is*), а не начальном.

Возможно, что оценочное прилагательное в рассматриваемой конструкции (*P + as + it is*) имеет дополнительное эмоционально-волевое наложение. Но оценочные прилагательные встречаются и в неинвертированном придаточном (когда в главном и придаточном разные субъекты-деятели). Ср.: *Though he was clever, they defied his opinion*. С другой стороны, в конструкции (*P + as + it is*) в фразоначальном положении бывают не только прилагательные, но и существительные. Ср.: *Child as he was, he was desperate with hunger and reckless with misery* (Ch. Dickens).

Опровергается идея эмфатичности рассматриваемой конструкции и следующими соображениями. Если допустить, что конструкция (*P + as + it is*) несет на себе эмфазу, то рекомендуемый способ перевода *как ни, как бы ни* следует рассматривать как эмфатический вариант союза *хотя* (*though, although*). Однако это не соответствует действительному положению вещей. Различие между *как ни, как бы ни*, с одной стороны, и *хотя* — с другой, идет по другой линии. *Как ни, как бы ни* имеют обобщенно уступительное значение, соответствующее по смыслу английским словам *however, whatever, whoever, whichever, whenever*. Ср.: *Whatever the results may have been they should be taken into consideration*. Но ведь обобщенно-уступительные предложения с вышеперечисленными словами не относят к числу эмфатических. Во многих случаях между предложениями с *хотя* и предложениями с *как бы ни (как ни)* ощущается как бы видо-временная разница. Ср.: *Хотя он и устал, он не забыл сделать записи в журнал* (конкретная ситуация, конкретная временная соотнесенность) и : *Каким бы он ни был усталым (как бы он ни устал), он никогда не забывал сделать записи в журнал* (конкретная временная соотнесенность отсутствует).

Следует отметить, что в противоположность неинвертированному придаточному с *though, although*, конструкция (*P + as + it is*) может выражать не только уступительность, но и значение причинности. В этом случае союз *as* имеет функцию относительного местоимения, типа *that*,

ср.: Clever as he was he grasped the idea (*Поскольку он умный, он понял эту идею* или: *Будучи умным, он понял эту идею*). Ср. отрицательный вариант этого же предложения: Clever as he was he failed to grasp the idea (*Хотя он и умный, он не понял эту идею*). Возможно, что именно в значении причинности оборот (*P + as + it is*) имеет некоторое дополнительное эмоционально-волевое наложение. Ибо в этом значении у рассматриваемого оборота существует оппозиция с прямым словорасположением: (*as + it is + P*). Ср.: As he was clever, he grasped the idea. В значении же уступительности такая оппозиция отсутствует, ибо As he was clever he failed to grasp the idea — бессмыслица.

В отношении перевода конструкции (*P + as + it is*) следует отметить, что рекомендуемые пособиями словосочетания *как ни, как бы ни* — не единственный и не всегда уместный вариант. При этом более универсальным является *как ни* (а не *как бы ни*), применимый и к конкретной ситуации. Ср.: Vexed as he was Martin did not lose his competence (Ch. Snow) — *Как ни был раздражен Мартин, способность здраво мыслить он не утратил*¹². Помимо вышеуказанных словосочетаний уступительное значение конструкции (*P + as + it is*) может быть передано на русский язык союзом *хотя*, словами *при, несмотря на, вопреки*. Ср.: As for his housekeeper, pretty as she was, she did not seem to be amused in any circumstances (Ch. Snow) — *Что касается его экономки, то у меня сложилось впечатление, что при всей ее миловидности она начисто лишена чувства юмора*¹³. Варианты с *как ни* или *какой бы ни* здесь неприемлемы. Ср.: *Как ни миловидна она (или — какой бы миловидной она ни была), она начисто лишена чувства юмора*.

Tough and obstinate as he was, he was not willing that people should think he had done wrong (Ch. Snow) — *При всем его упрямстве и несговорчивости он вовсе не желал, чтобы его считали человеком несправедливым*¹⁴.

В последнем случае вполне можно было бы использовать союз *хотя* или же *несмотря*. Ср.: *Хотя он был упрям и несговорчив, он вовсе не желал, чтобы его считали человека*.

¹² Ч. Сноу. Дело. М., 1962, стр. 192. Перев. с англ. В. Ефановой.

¹³ Там же, стр. 145.

¹⁴ Там же, стр. 292.

как несправедливым. Несмотря на упрямство и несговорчивость, он вовсе не желал, чтобы его считали человеком несправедливым.

В некоторых случаях придаточное типа (*P + as + it is*) может быть передано на русский язык самостоятельным предложением, при этом предложению, которое в оригинале было главным, придается противительное значение с помощью союза *но* или слова *однако*. Ср. в научной речи: *Important as such drives may be, they do not seem sufficient — Возможно эти тенденции и существенны, но (однако) они, по-видимому, недостаточны.*

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Конструкция (*P + as + it is*) употребляется, как правило, только с составным именным сказуемым, причем лишь при условии, что в главном и придаточном предложениях один и тот же субъект-деятель.

2. Конструкция (*P + as + it is*) не употребляется: а) с глагольным сказуемым; б) при наличии в главном и придаточном разного субъекта-деятеля; в) при наличии в придаточном отрицания; г) в эллиптических придаточных.

3. Конструкции (*P + as + it is*): свойственна преимущественно препозиция, тогда как неинвертированное уступительное придаточное может находиться в равной мере во всех трех положениях (в препозиции, интерпозиции и постпозиции).

4. Конструкция (*P + as + it is*) может выражать не только уступительное значение, но и причинность. Союз *as* может иметь значение относительного местоимения. Неинвертированное же придаточное выражает только уступительность, а союз *though* (*although*) не может играть роль относительного местоимения.

5. Уступительное предложение типа (*P + as + it is*) не является эмфатическим, при определенной дистрибуции это норма.

6. Словосочетания *как ни, как бы ни* не являются единственным возможным и универсальным вариантом перевода конструкции (*P + as + it is*). Нередко употребляется союз *хотя*, слово *при* (*всем, всей*), *вопреки*, словосочетание *несмотря на*. Кроме того, указанная конструкция может быть передана на русский язык самостоятельным предложением.

СОДЕРЖАНИЕ

I

М. Н. Кожина

Сопоставительное изучение научного стиля и некоторые тенденции его развития в период научно-технической революции 3

И. В. Волнина

О специфике научного стиля 26

О. А. Швецова

Становление жанра статьи в английской научной литературе 34

Ю. А. Васильев

Некоторые вопросы языково-стилистического анализа практических форм научной речи (на материале современной научно-технической статьи) 47

О. К. Дубовик

Опыт композиционно-смыслового и лексико-грамматического анализа текста патентов Великобритании и США 64

Г. Е. Мальковский

Русский перевод патента США на изобретение 81

II

Н. М. Разинкина

Об экспрессивности синтаксиса английской научной прозы XIX и XX вв. (стилистические приемы нарастания и антитезы) 89

Е. С. Троянская

К вопросу о проявлении общего и индивидуального в стиле научной речи (указательное местоимение в качестве замены существительного) 108

О. А. Лаптева

Способы выражения авторского «я» в русской научной речи 123

М. П. Котюрова

О понятии связности и средствах ее выражения в русской научной речи 139

Т. Н. Мальчевская

Характер и особенности употребления коннотаций в современной английской научной литературе 160

Е. Н. Старикова

О некоторых особенностях номинации в научной прозе 176

Ю. А. Сушкин	
О некоторых особенностях образования французской терминологической лексики (на материале научной и технической литературы)	182
Л. В. Дубровы	
Суффиксальные существительные — названия заболеваний в английском языке	188
Н. В. Гяч	
К вопросу о развитии номинализации в научном стиле немецкого языка	197
В. Н. Шокурев	
Употребление глагола <i>result</i> в значении возникновения (события) в английской научной литературе	204
Т. В. Куликовская	
Фразовый глагол пассивного значения (на материале английской научной прозы)	219
О. В. Сивергина	
Семантические и функциональные особенности устойчивых словосочетаний в языке английской научной литературы	224
М. И. Джавалалов	
Прилагательные с компонентами интернационального происхождения в немецкой научной речи	235
Е. Г. Лапшина	
Употребление местоимений <i>some</i> и <i>any</i> в условных предложениях (на материале научных и художественных текстов)	245
Е. А. Рейман	
Обусловленность употребления личных глагольных форм характером содержания научного текста	255
Е. А. Зверева	
О некоторых особенностях употребления аналитических форм сослагательного наклонения в английской научной прозе	269
Г. Ф. Григораш	
Синонимическая корреляция глагольных и номинальных предложений состояния (на материале английской научной прозы)	283
В. Е. Шевякова	
К вопросу об одной инверсии	288